

ГОДЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ.

9145
ГОДЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ.

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

СОЧИНЕНИЕ

4103
А. ШТЕЙНА.

275739
АВТОРА ДНЕВНИКА ТРЕХЪ ЛѢТЕЙ.

— — — — —
ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ВНБ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ.
1 Февраля 1862 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Biblioteka Główna
Uniwersytetu Gdańskiego

1100174317

XIX/216 I

ВЪ ТИПОГРАФІИ КНИГПРОДАВЦА М. О. ВОЛЬФА.

D123/1/04

305

ПЕРВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Ура! Я начинаю! На рождение мнѣ подарили бѣлую книжку въ прекрасномъ малпновомъ переплетѣ, съ золотыми каемками, а на переплетѣ напечатано золотомъ: *Дневникъ!*

Я не зналъ, что это значитъ, и спросилъ; тогда мнѣ мама отвѣтила: «это книжка, въ которой ты, Отто и Маша будете записывать всѣ особенные житейскіе случаи; это будетъ длинный рассказъ, который называется: *Дневникомъ*; а позже вы можете перечитывать то, что уже забыли. Каждое воскресенье вы должны записывать, что съ вами случилось на недѣль, одно воскресенье ты, другое Маша, а третье Отто, поочередно.

— «А если ничего особеннаго съ нами не случится, тогда что?» — Мама засмѣялась: «Что нибудь да случится, хотя бы, напримѣръ, то только, что ты познакомишься съ липейкою своего учителя, г-на Флора.» Какъ это она все знаетъ? Вѣдь я объ этомъ никогда не говорю.

Когда я сказалъ Машѣ, что буду писать дневникъ, то она мнѣ отвѣчала: «Этого ты не можешь, книгъ не пишутъ, ихъ печатаютъ.» Она мнѣ не хотѣла вѣрить, что книгу нужно прежде написать, а тамъ напечатать.

Мама говоритъ, когда начинаютъ писать дневникъ, то надо сказать лѣта свои и имя. Меня зовутъ Вильгельмомъ, но называютъ обыкновенно Вильмомъ и Вилли; у меня одна судьба съ нашимъ котомъ: мы зовемъ его Васькой, а въ кухнѣ его зовутъ Петькой; а ему кажется это все равно и онъ знаетъ обѣ клички. Мнѣ двѣнадцать лѣтъ и трп дня, и я выше брата своего цѣлой головой, хотя Отто и увѣряетъ, что между нами разницы

всего на два пальца, но это онъ говоритъ только потому, что ему хочется быть выше. Я этимъ, впрочемъ, и не хважусь, потому что я и старше его. На мое рожденіе случилось много замѣчательнаго и мнѣ досталось множество подарковъ: новая одежда, соломенная шляпа, станокъ, ящикъ со снарядами, большой резиновый мячъ, ящикъ съ красками, книжки и т. д. Маша подарила своей работы кошелекъ для денегъ, и туда вложила четыре новыхъ гроша. Какая она добренькая! Братъ подарилъ мнѣ кнутъ и кегли, этому я былъ очень радъ. Бабушка прислала коробочку съ пирожками; но кромѣ того мнѣ испекли большой крендель, въ который воткнули 12 свѣчей, а тринадцатая свѣча жизни, стояла посреди *). На кренделѣ было вылито сахаромъ «Да здравствуетъ Вильгельмъ.» Маша прыгала вокругъ кренделя и кричала: «Да здравствуетъ Вилли.»

*) У нѣмцевъ обычай ставить столько свѣчей, сколько минуло лѣтъ, а послѣдняго называютъ свѣчею жизни.

Бѣдной Машѣ мое рожденіе не обошлось даромъ; за столомъ пили мое здоровье и было очень весело; когда подали жареное, то папа стукнулъ ножемъ объ рюмку и подали сладкое вино; мы чокались рюмками, всѣ кричали ура! И я также кричалъ. Маша пила въ первый разъ вино; ей дали крошечную рюмочку, но, видно, этого было много; когда встали пзъ-за стола и мама ей сказала: «Маша, подними мнѣ платокъ,» то она не могла даже сдвинуться съ мѣста и сказала очень плаксивымъ голосомъ: «Мамочка, я не могу, я совсѣмъ не могу стоять, я слишкомъ наѣлась.» Но это съ нею сдѣлалось не отъ ѣды, а отъ питья! Мы надъ нею много смѣялись, а ее посадили на кожаныя кресла и она заснула; намъ мама сказала, чтобы мы Машу не дразнили, потому что она тутъ ни въ чемъ не виновата. Маша говоритъ до сихъ поръ: «На рожденіе брата Вилли я слишкомъ много ѣла.» Мы тогда смѣемся, но она не знаетъ о чемъ. Послѣ обѣда я и Отто пошли въ садъ играть въ кегли, хотя и было

холодно, но мы этого не замѣчали. Сначала у насъ дѣло шло очень хорошо, но я выпрыгивалъ, а Отто на меня разсердился и сказалъ: «ахъ ты осель эдакой! Я этому очень удивился: «Отто, и ты мнѣ это говоришь на мое рожденіе?» Это ему и въ голову не пришло, онъ призадумался и сказалъ: «я объ этомъ вовсе и не подумалъ, не сердись на меня, Вильямъ.» Потомъ мы опять стали играть и у насъ дѣло шло еще лучше.

Вечеромъ пришли всѣ мои добрые знакомые и мы играли прекрасно! Подъ конецъ мы сдѣлали мучную горку, г-нъ Флоръ называлъ горою Шимборасо; на вершину ея встали гривенникъ; всѣ должны были, чередуясь, отрѣзывать и отгребать ножомъ муки, а у кого вся горка рушилась, тотъ долженъ былъ доставать гривенникъ изъ муки зубами. Это было очень весело, но иногда и несносно. Кто ронялъ пирамиду, тотъ долженъ былъ снимать курточку и надѣвать салфетку, чтобы не запачкать платья; каждыи разъ, какъ только гривенникъ падалъ, мы всѣ кричали отъ ужаса

и радости, точно будто кого рѣжутъ, сказалъ папа.

Въ десять часовъ я пошелъ спать; поблагодаривъ папу и маму, за такой веселый день; я помолился Богу. Теперь больше нечего писать; будущее воскресенье Машина чередъ; я бы желалъ только, чтобы у нея было о чемъ писать.

Вильямъ.

ВТОРОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Я Маша, но меня называют также и Микой и Мими и Марихентъ; бабушка даже часто зоветъ Марьей-царевной, но это только шутка. Мнѣ девять лѣтъ и мама говоритъ, что я довольно велика для своихъ лѣтъ; но братья меня все дразнятъ и называютъ крошкой, малюткой и коротышкой, а я этого не люблю.

Теперь я расскажу самое главное: четыре дня тому назадъ мы были у милой нашей бабушки и къ ней все время ѣхали по желѣзной дорогѣ, которой я дотолѣ не видывала и братья меня застращали ею: «Маша,» говорили они, «поѣздъ, это огромное чудо-

вище съ желѣзными лапами; оно несется, пыхтитъ и шумитъ, проглотивъ насъ, и бѣжить съ нами дальше.» Вотъ какіе ужасы! На желѣзной дорогѣ все дѣлалось такъ скоро, что я даже не успѣла пугаться. До прихода поѣзда, со мной разговаривали какіе-то господа, которые тутъ распоряжались; они меня спрашивали: «думаю ли я, что моей куклѣ позволятъ со мной ѣхать? Она бы могла ѣхать,» сказали они, «если ей нѣтъ еще трехъ лѣтъ, но, кажется, она гораздо старѣе этого.» Къ счастью мама сказала, что кукла миѣ подарена только прошлаго года на елочку; и это ее спасло. — Когда вышли поклажу, то и меня съ куклой взвѣсили, во миѣ 58 фунтовъ, а въ моей миленькой Кларочкѣ 3 $\frac{1}{2}$.

Когда мы пріѣхали къ бабушкѣ то у нея стоялъ кофе и шоколадъ на столѣ и намъ, дѣтямъ, также дали по немногу. Бабушка меня поцѣловала и спросила: «Ты не боялась дорогой?»—«Нѣтъ, бабушка, но паровозъ этотъ точно черное чудовище, которое насъ проглотило и понесло, какъ слонъ какой-то.»

Бабушка засмѣялась и сказала: «Хорошо еще, что это чудовище не проглотило мою бѣлую кисаньну,» то есть меня.

Мы осматривали весь домъ бабушкинъ и садъ; садъ очень не великъ; въ немъ есть и цвѣты, но не много; тамъ лужокъ, палатка, большія деревья и скамейки и столы; но ни одного кусточка крыжовнику, ни деревца вишня, ни кустика клубники нѣтъ у бѣдной бабушки! Выли говорятъ, это даже огорчительно!

У бабушки однако есть что то очень хорошенькое: птичій дворикъ, чистенькій, усыпанный бѣлымъ песочкомъ, а по срединѣ стоятъ дерево: тамъ бродятъ пестрыя куры и бѣлые цыплята; мнѣ позволили доставать изъ гнѣздъ яйца и относить въ домъ, а послѣ дали и куръ покормить. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы и у насъ былъ такой дворикъ, я бы всегда яйца въ передникъ собирала.

Вечеромъ мы остались съ бабушкой одни и я спдѣла подлѣ нея на скамеечкѣ; а какъ стало смеркаться, то мнѣ захотѣлось спать;

я и сказала: «Разскажи мнѣ сказочку, бабушка, чтобы я не заснула.» — «Видно мнѣ придется тебѣ про куръ разсказывать, ты ихъ такъ любишь.» Я захлопала въ ладоши и бабушка разсказала вотъ что:

Жилъ былъ пѣтушокъ, золотой гребешекъ, рябенькій, пестренькій, пригоженькій; онъ, признаться, стоялъ на грязной навозной кучѣ вмѣстѣ съ прочими курами, и, поклевывая вправо и влево по червечкамъ и сѣмечкамъ, напѣвалъ сердитымъ голосомъ: «Ужъ и я ли не хорошъ, ужъ и я ли не пригожъ,» думалъ онъ про себя, «и тутъ вовсе не мое мѣсто. На мнѣ желтыя, красныя, зеленыя, черныя и синія перья; не мнѣ бы, такому красавцу, стоять на навозной кучѣ съ глупыми курицами и пѣтухами, которые не стоятъ одного моего пера. За одну красу мою должно бы кормить меня сахарными сухариками и золотымъ овсомъ.» Прочіе пѣтухи и куры бѣгали заботливо по двору крича: «Гакъ чакъ или кокирику,» какъ только находили зернышко, или сдружились, или спорили за него; а любезный

нашъ пѣтушокъ сердито скребъ вокругъ себя и вдругъ нашелъ золотой колокольчикъ на золотой подвязочкѣ. Онъ разсмотрѣлъ его съ удивленіемъ, клонулъ его, а колокольчикъ зазвенѣлъ: динь динь динь, и вдругъ передъ пѣтушкомъ посыпались чудесные сухарики, сахарныя и золотыя зерна овса изъ настоящаго золота. Прекрасный пѣтушокъ нашъ поднялъ высоко одну ногу, вытянулъ шею такъ, что чуть не свернулъ ее совсѣмъ и принялся за сахарные сухарики: онъ давился ими, а все глоталъ, чтобы другимъ курамъ ничего не досталось. Онѣ смѣтили однако дѣло и прибѣжали, но нашли только золотой овесъ, который имъ не шелъ въ горло. Пѣтухъ же величаво поднялъ лапку, повѣсилъ на себя колокольчикъ и пошелъ прочь.

Гдѣ онъ ни ходилъ, вездѣ колокольчикъ болтался и звенѣлъ, а гдѣ звенѣлъ, тамъ сыпались сахарные сухарики и золотой овесъ и пѣтушокъ нашъ ѣлъ въ волю, сколько душѣ угодно.

Для черезъ два онъ однако уже сталъ сердиться и сказалъ: «Все это глупости, сахар-

ныхъ сухариковъ я больше не хочу, а золотого овса не ѣдятъ; что же мнѣ съ этимъ дѣлать? Прочія дрянныя куры, въ сѣрыхъ, бѣлыхъ и черныхъ напидочкахъ своихъ, гораздо счастливѣе меня, хотя онѣ и должны сами себѣ отыскивать кормъ; онѣ находятъ жирныхъ жуковъ и дождевыхъ червей, которыхъ я и самъ люблю, но которыхъ теперь мнѣ ѣсть не по чину. Бросить же этотъ колокольчикъ я не могу, онъ такъ ко мнѣ идетъ! Такое прекрасное животное должно носить какую нибудь отмѣтку; но мнѣ все таки хочется побывать и на навозной кучѣ: вѣдь тамъ, право, очень хорошо!»

Такъ думая, нашъ красавецъ пѣтушокъ пошелъ; колокольчикъ зазвенѣлъ, а какъ зазвенѣлъ, такъ опять посыпалась драгоценная пища; пѣтушокъ вздохнулъ и сталъ клевать, но почему-то онъ не былъ такъ же веселъ и беззаботенъ, какъ прочія куры.

Когда бабушка замолчала, я спросилъ ее: «Развѣ это все, бабушка?» — «Да конечно;

пѣтушку досталось все, что онъ желалъ, а послѣ этого сказкѣ всегда конецъ.» — «Жаль,» сказала я: «вѣдь пѣтушокъ остался не доволенъ.» «Это его вина,» сказала бабушка, «но знаешь ли ты, чему можно научиться изъ этой сказочки?» Я немного подумала и сказала: «Я думаю тому, что не надо много сахарныхъ пирожковъ есть, а то объѣшься.»

Бабушка засмѣялась. «Нѣтъ, этого съ пѣтушкомъ не было; изъ этой сказочки можно научиться чему-то другому; подумай-ка.

Я совсѣмъ не знала, на что бабушка намекала: но я рассказала всю сказку Вилли и онъ сказалъ: «Изъ этого можно научиться тому, что не надо много думать о своихъ зеленыхъ, синихъ и красныхъ перьяхъ.» — «Да какже, Вилли,» сказала я, «вѣдь у меня нѣтъ перьевъ.» «Это правда,» сказалъ онъ, «а все таки мое нравоученіе вѣрно.» Этого я не хотѣла говорить бабушкѣ, да она и не спрашивала больше.

Еще я только скажу, что бабушка подарила мнѣ ящичекъ съ игрушками и малень-

кую жестяную мебель; я гуляла по городу и упала въ самую грязь, потому что шнурки у сапожковъ развязались. У меня ужъ пальцы болятъ, я больше не могу писать. Да и довольно.

Маша.

ТРЕТЬЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Если бы я хотѣлъ начать, какъ Маша, то я бы только сказалъ: Я Отто! Но я этого не хочу. Меня зовутъ Отто и мнѣ 10 лѣтъ и 3 мѣсяца; я вижу, что Вильямъ написалъ, что онъ выше меня на полъ головы, но ему надо было сказать и то, что онъ всегда поднимается на цыпочки, когда, со мною мѣрится, и потому онъ вовсе не на полъ головы выше меня.

Ему также не должно было писать, что я называлъ его осломъ, я сказалъ это съ горяча, и не хорошо это только потому, что случилось въ его рожденіе, а то бы ничего. Развѣ нельзя быть осломъ?

Третьяго дня я гулялъ въ гавани съ маленькимъ двоюроднымъ братомъ, Рудольфомъ: было довольно вѣтряно и мы смотрѣли на корабли, какъ они качались, то вверхъ, то внизъ. Ему шесть лѣтъ, но онъ очень великъ и силенъ для своихъ лѣтъ и потому изъ него хотятъ сдѣлать моряка: ему этого и хочется и не хочется. Когда корабли такъ закачались, онъ весь покраснѣлъ и сказалъ: «Отто, видишь какъ корабли-то глубоко уходятъ?» — «Да,» отвѣчалъ я, «но вѣдь они опять поднимаются.» — «Когда у меня будетъ корабль,» сказалъ Рудольфъ, «то онъ будетъ уходить также глубоко и опять подыматься; только когданибудь онъ уйдетъ еще гораздо глубже, совсѣмъ до самаго дна, и тогда уже не поднимется. Но вѣдь я не останусь въ водѣ, я буду у Бога.» Дома я рассказалъ это мамѣ и она заплакала. Я, конечно, не плакалъ, когда онъ это сказалъ, только мнѣ сдѣлалось какъ-то такъ странно и грустно, что я промолчалъ. — Послѣ я опять началъ говорить: «Когда у тебя будетъ свой корабль, то приходи на немъ, пожалуйста, за

мною, мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть араповъ, тамъ, въ ихъ землѣ, и кокосовые орѣхи и финики на деревьяхъ.

Пріѣхать за мной онъ обѣщалъ, но онъ вовсе не зналъ финиковъ: «Развѣ это плоды?» спросилъ онъ, «и сладкіе?» — Ему хотѣлось знать это потому, что онъ очень любитъ сласти. Наконецъ мы согласились, что первое путешествіе его будетъ въ Африку и онъ возьметъ меня съ собой. Только корабль достать будетъ очень трудно, потому что на это нужно много денегъ; вотъ въ чемъ бѣда.

Вчера у насъ былъ его отецъ и рассказывалъ про него. У нихъ къ обѣду пришли нечаянно двое гостей, а матери теперь здѣсь нѣтъ, она въ отъѣздѣ; отецъ зналъ, что къ обѣду была куплена рыба, не помню какая, онъ пошелъ на кухню и спросилъ кухарку, достанетъ ли рыбы на всѣхъ, и на дѣтей также? «я не люблю,» сказалъ онъ, «когда блюдо не полно и надо брать съ оглядкой.» Кухарка отвѣчала, что рыбы очень мало и на дѣтей не достанетъ, а идти на рынокъ ей было некогда.

Рудольфъ, у котораго еще было четыре фенинга отъ матери, улыбаясь это, пошелъ на рынокъ. Къ крупной рыбѣ онъ и не приступался съ четырьмя фенингамъ, да и торговки были всѣ такія старыя и сердитыя, что онъ ходилъ только взадъ и впередъ, а подойти не рѣшался. Наконецъ одна изъ нихъ заговорила съ нимъ: «Поди сюда, барченокъ, хочешь посмотрѣть поближе на рыбокъ?»

Тутъ онъ ободрился, подошелъ, купилъ четыре крошечныя рыбки за четыре фенинга и отнесъ ихъ домой въ платокъ. Мнѣ жаль только, что меня при этомъ не было!

Дома, онъ побѣжалъ на кухню и сказалъ: «Софья, вотъ тебѣ четыре рыбки, для меня и для братьевъ, теперь у тебя достанетъ на всѣхъ и даже одна будетъ лишняя, но вѣдь папа любитъ, когда блюдо полно.» Софья сказала: «Ахъ, баринъ, вѣдь мнѣ теперь не досугъ возиться съ вашими рыбками.» — «Такъ покажи мнѣ, какъ ихъ чистить,» сказалъ Рудольфъ, «я самъ справлюсь.» Кухарка пока-

зала ему, а онъ принялся скрести рыбу свою ножичкомъ, потомъ ее сварили и онъ и братья съѣли ее за обѣдомъ. Кухарка напередъ все рассказала отцу, чтобы онъ не удивился за столомъ, когда подадутъ крошечныхъ рыбокъ. А Рудольфъ все время смотрѣлъ на отца и смѣялся, отецъ же кивнулъ ему головой и взялъ себѣ четвертую рыбку.

Про себя я еще ничего не рассказалъ, а со мной случилось много новаго. Вчера я опрокинулъ полную чернилицу; чернила потекли по всему столу и я такъ испугался, что хотѣлъ поднять чернилицу, а на мѣсто того вылилъ изъ нее послѣднее. Я запачкалъ всѣ пальцы и въ испугѣ вытеръ ихъ объ себя, а панталоны на мнѣ были свѣтлые! Господинъ Флоръ вошелъ въ это время и сказалъ: «Это что за свинство?» я совсѣмъ оробѣлъ, а чернила текли уже со стола ко мнѣ на чулки. Я ужъ самъ не помню, что было дальше, потому что заплакалъ и схватился грязными руками за лицо; сначала г-нъ Флоръ очень рассердился, но теперь захохоталъ и сказалъ:

«Ну, признаюсь, ужъ когда ты примешься за глупости, то на одной никогда не кончишь! Ступай теперь къ маменькѣ и проси пощады за грязное платье!»

Милая мамочка, однако, не очень разсердилась; она сердится только, когда мы ссоримся или деремся; этого она не любитъ. — Надо было почиститься, но ни мыломъ, ни щетками не могли справиться; пришлось взять авглійской соли, но и этимъ вышло не очень хорошо. Платье мое подарили бѣдному мальчику, тутъ пошла потѣха! — Онъ только что вышелъ, какъ его снова привелъ къ намъ полцейскій, просилъ доложить мамѣ и сказалъ: Позвольте спросить, правда ли, что вы подарили этому мальчику такое *прекрасное* платье? Мама сказала, что вранда, тогда онъ отпустилъ мальчика и самъ ушелъ. — Мама сначала не смѣялась нисколько, но послѣ все-таки засмѣялась, а я просто помиралъ со смѣху. Мамочка погрозила пальцемъ и сказала: «Ты вовсе не заслуживаешь, чтобы все это вышло тебѣ же на потѣху.»

У меня нашлось бы еще много писать, но не могу же я просидѣть весь день за однимъ дневникомъ, а писать дурно мнѣ не велятъ.

Оппо

ЧЕТВЕРТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Отто такъ хорошо умѣетъ разсказывать смѣшное, а я такъ вовсе не умѣю. Я также раза два опрокидывалъ чернилицу, но если бы я вздумалъ это разсказывать, то навѣрно не вышло бы такъ смѣшно какъ у него; напротивъ, я всегда скучалъ послѣ этого, потому что обыкновенно при такихъ случаяхъ мнѣ бывало много хлопотъ. Но Отто надо всемъ смѣется; разъ какъ-то г-нъ Флоръ хотѣлъ его ударить, да промахнулся, на мѣсто его ударилъ по столу; надъ этимъ Отто такъ расхохотался, что г-нъ Флоръ, положивъ лпнейку на столъ, поневолѣ также разсмѣялся. У меня бы не стало духу хохотать.

Сегодня мы ходили съ тетею Сусаною гу-
лять, она пила травной настой а такъ какъ
мы свободны въ воскресенье, то и гуляемъ съ
нею безъ заботъ. Каждому изъ насъ хочет-
ся ей наливать траву, но она всегда высчи-
тываетъ. Вотъ какъ: «Мѣсяцъ, мѣсяцъ, гдѣ
ты былъ? Въ лѣсу. — Что дѣлалъ? — Лы-
жи драмъ. — Куда клалъ? — Подъ колоду. —
Кто взялъ? — Родіонъ. — Поди вонъ.» И на
кого попадетъ слово *вонъ*, тотъ и наливаетъ;
сегодня я наливалъ; Маша прыгала кругомъ
Сусаны и кричала: «Будущее воскресенье я
пойду вонъ.» Но Отто сказалъ: «Это еще не
вѣрно, потому что тетя высчитываетъ честно,
не правда-ли, Суза?» — «Да,» отвѣчала тетя,
«будущее воскресенье я буду иначе высчи-
тывать.» — «Какъ же, тетя? какъ?» и мы
стали ее упрашивать, чтобы сказала. Подъ
конецъ она согласилась: «Ну, встаньте,» ска-
зала она и начала высчитывать: «Свинья хо-
дить по бору, щиплетъ лебеду траву, она
рветъ, не беретъ, подъ кусточекъ кладетъ,
шипелъ, вышелъ, вонъ пошелъ.» На кого

выйдетъ *пошелъ*, тотъ и будетъ наливать. Мы смѣялись, но просили ее будущее воскресенье считать иначе. Она не сказала ни да ни нѣтъ.

По дорогѣ мы рвали мамѣ цвѣты и когда Сусана ихъ у насъ увидала, то запѣла свою любимую пѣсенку; она поетъ очень хорошо! Отто говорить: я такъ люблю, когда тетя поетъ; она поетъ лучше кукушки и соловья. Вотъ ея пѣсенка:

Вотъ тебѣ залогъ,
Вотъ тебѣ залогъ,
Вотъ воспоминанье;
Аленкій цвѣтокъ,
Аленкій цвѣтокъ
Въ смерти и страданьи.

* * *
Дай ему поцвѣсть,
Дай ему поцвѣсть,
Если жъ не подъ силу,
Дай объ этомъ вѣсть,
Дай объ этомъ вѣсть,
Мнѣ пора въ могилу.

* * *

Когда она кончила, Маша спросила ее: «Тетя, на что тебѣ пора въ могилу, если этотъ цвѣтокъ не будетъ цвѣсть, вѣдь ты можешь себѣ другой сорвать?» Сусана улыбнулась и сказала: «Такъ ужъ пѣсня поется, моя крошка, я вовсе не о себѣ говорю, вѣдь не я ее сочинила.» — «Ахъ, тетя, тебѣ вовсе не надо умирать,» сказалъ Отто. — «Отчего же такъ; положимъ, что ты меня и не будешь видѣть здѣсь на землѣ, но я надѣюсь быть на небесахъ, а тамъ я буду счастливѣе здѣшняго.» Маша схватила Сусанино платье и сказала: «Нѣтъ, Суса, не желай этого, пожалуйста, вѣдь тебѣ здѣсь очень хорошо; у тебя такія прекрасныя платья и столько разныхъ хорошихъ вещей, и ты можешь ѣсть все, что хочешь.» Я и Отто засмѣялись; но тетя поцѣловала Машу и сказала: «Когда ты будешь больше знать о Богѣ и больше читать Библию, то ты сама узнаешь, что мы жизнь свою на землѣ должны любить, но что мы должны также надѣяться на что-то лучшее, а именно на жизнь нашу въ небесахъ.»

Тетя бываетъ иногда очень весела; когда она выпила свою траву, то взяла бутылку и сказала; «Посмотрите теперь, съ какою скромностью я раздаю подарки;» и отдала бутылку старухѣ, которая работала въ саду. «Хочешь взять бутылку» Старуха поблагодарила, казалось, была очень удивлена. «Учитесь,» сказала тетя, «раздавая княжескіе подарки, надо принимать видъ, какъ будто даришь какую нибудь бездѣлушку.» Мы много смѣялись.

Я ужъ очень много писалъ, но какъ старшій я и долженъ писать больше другихъ; вотъ это меня и неволитъ.

Теперь мнѣ нужно одуматься, что писать; на недѣлѣ случилось у насъ довольно много замѣчательнаго.

Когда мы были у бабушки, то я почти все время думалъ о своихъ голубяхъ. Садовникъ взялся ихъ кормить безъ меня, но мнѣ приходило въ голову: а если онъ забудетъ открыть голубятню? Вышло наоборотъ, онъ ее даже и не затворялъ.

Когда мы воротились, то на другой день я пошелъ къ голубямъ съ кормомъ, сталъ сзывать ихъ посвистывая, но никто не являлся; я думалъ, ужъ не забыли-ли они меня? и опять сталъ свистать; тогда, наконецъ, прилетѣло три голубя, а у меня ихъ было двадцать!

Я этого не могъ понять и побѣжалъ на верхъ по лѣстницѣ; а взбѣжавъ, бросился на полъ и заплакалъ. Тамъ лежали всѣ мои голуби, мертвые съ отѣденными головами. Все это надѣлалъ хорекъ! О, мои милые голуби! И вертуны и павлинчики и большіе рыжіе, всѣ, всѣ безъ головъ! И сизый, котораго я такъ любилъ, и его также съѣлъ хорекъ! Весь день я ничего не ѣлъ и про себя плакалъ.

У меня теперь новые голуби, но ужъ это все-таки не тѣ; тѣ меня знали и любили. Ну теперь кончу.

Вильямъ.

ПЯТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Я такъ радовалась на обѣщанную прогулку съ тетей Сусаной, что сейчасъ же спросила Лизу, когда она пришла меня будить, хороша ли погода? «На дворѣ льетъ ливня,» сказала она. Я даже заплакала тихонько. Когда я вычесалась, умылась и одѣлась — выглянуло солнышко; я радовалась на весь домъ, а когда я сошла внизъ, то Вяля и Отто стояли у дверей совсѣмъ готовые, съ шапками и тросточками; Отто сказалъ: «Вотъ и Соня идетъ!» но я притворилась, что не слыхала этого, потому что мама не любитъ, когда мы ссоримся.

А тетя-то въ самомъ дѣлѣ проспала и мы ее долго ждали. Наконецъ двери отво-

ршились, ахъ, какъ мы обрадовались! Тетя была такъ весела и сказала: «Да, вы ужъ давно встали и меня дожидаетесь! зачѣмъ же эти неугомоны встаютъ до пѣтуховъ?» — «Тетя, она-то вѣдь позже встала!» «Ну, такъ она умнѣе васъ.» И мы пошли въ садъ.

Когда тетя поставила бутылку на скамью, мы всѣ закричали: «Высчитывай высчитывай, тетя, да по новенькому!» — «Да, вамъ-то легко говорить,» сказала тетя. «Ну слушайте-же: Яблочко катилось вокругъ огорода, кто его поднялъ, тотъ воевода, воеводскій сынъ. Шиселъ, вышелъ, вонъ пошелъ.»

Въ этотъ разъ Отто пошелъ вонъ; онъ очень радовался, да и я бы тоже желалъ вонъ идти.

Послѣ ходили мы съ тетей на плотину, гдѣ живетъ Дарья; мнѣ позволили сходить въ хлѣвъ къ козѣ, тамъ была также и Дарья; она сказала мнѣ, что вчера къ ней дочь приходила изъ городу съ другими гостями, всего было большихъ и малыхъ десять человекъ. — «Развѣ они всѣ у тебя обѣдали?» спроси-

ла я, «и что же ты готовила?» — «Да,» отвѣчала она, «они всѣ у меня обѣдали за двумя столами, я варила рисовую кашу на молокѣ.» — «Гдѣ ты достала столько молока?» — «Я подлила воды и еще изготвила большой колобъ, да конченую свиную голову.» — «А каковъ вышелъ у тебя колобъ?» спросила я. «Такъ себѣ,» отвѣчала она, «поди-ка въ кладовую, остатки тамъ стоятъ,» сказала она. Я побѣжала и нашла остатки колоба съ черносливомъ; надо бы было замѣсить въ него пшюму, но его вѣрно у бѣдной Дарьи не было. Я разсмотрѣла его хорошенько; онъ показался мнѣ крутъ, а впрочемъ былъ довольно вкусенъ. Однако, гости не все съѣли, остатки свиной головы также стояли еще на блюдѣ.

Я побѣжала за тетей Сусаной, привела ее и показала ей все это, она очень тѣшилась чистою, опрятною посудою съ молокомъ. «И мнѣ бы хотѣлось завести такое молочное хозяйство,» сказала она. Маленькая Катя пахтала очень проворно, Христіанъ мель во-

кругъ дома, а Лена полола ленъ; Дарья кормила свинью свою; съ козою въ хлѣву живутъ еще свинья и теленокъ. На кухнѣ, подъ потолкомъ, висѣла ветчина и колбаса прошлогдняго убою. Я дивлюсь только какъ они давно не съѣли колбасу, я бы не вытерпѣла!

Надо подумать, что еще случилось на этой недѣлѣ? Одинъ разъ были у насъ музыканты, всѣ въ зеленыхъ платьяхъ; папа говорить, что это рудокопы съ Гарца. Они очень хорошо играли, а наши люди плясали; я также одинъ разъ протанцовала съ охотникомъ, а въ другой — съ мальчикомъ гусятникомъ, который умылся, причесался и надѣлъ лучшую куртку свою. Потомъ дали музыкантамъ поѣсть, поднесли имъ вина и заплатили имъ.

Въ недѣлю я подрубила мамѣ три платка очень мелко. За каждый хорошо подрубленный платокъ мнѣ мама даетъ грошъ, но принимаетъ работу мою очень строго. Я учусь шить у маминей дѣвушкы, и когда дурно нашью, то она заставляетъ меня опять пороть;

мнѣ не позволяютъ прислоняться, когда я шью и также не позволяютъ разговаривать. Это очень трудно. На той недѣлѣ я буду шить себѣ юбку къ голубому платью, и очень радуюсь на это; я буду прилежно шить, чтобы скорѣе кончить.

У насъ была бѣдная женщина, которая выпрашивала всякую всячину; мама ее знаетъ, мама отворила шкафъ, гдѣ лежитъ вѣтошь, обноски и одежда для бѣдныхъ, и дала ей двѣ кофточки и двѣ юбки для дѣтей, потомъ еще два платка, два передника и чулковъ. Я все это видѣла и радовалась. — Мама сказала: «Ты также можешь ей дать что-нибудь.» Я побѣжала за своими деньгами и вынула нѣсколько грошей, сама не знаю сколько, но сегодня я пересчитаю, когда мнѣ выдадутъ деньги за недѣлю. Когда я вырасту, у меня будетъ такой же шкафъ; мама говоритъ, что если я буду порядочна и расчетлива, то всегда смогу отдавать что-нибудь бѣднымъ.

Маша.

ШЕСТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Вильямъ и Маша совсѣмъ позабыли написать, что мы уже двѣ недѣли въ деревнѣ, а имъ бы слѣдовало писать объ этомъ, потому что для насъ это была большая радость. Сначала мы какъ бѣшеные бѣгали взадъ и впередъ и ничего не видѣли, потому что хотѣли осмотрѣть все разомъ. Бѣдный Вильямъ всѣхъ больше радовался на своихъ голубей, а ихъ теперь уже и нѣтъ; онъ почти всѣхъ голубей покупалъ на свои деньги. Мы съ Машей подарили ему по парѣ, да папа съ мамой три пары, но онъ не можетъ забыть прежнихъ и скучаетъ какъ только вспомнить объ нихъ.

Теперь я стану описывать сряду каждый день, иначе вѣдь нельзя назвать это дневникомъ. Прежде же я не зналъ, какъ съ этимъ быть.

Понедѣльникъ. Что было въ понедѣльникъ? Да, въ понедѣльникъ отправляли свиней на базаръ, въ городъ. Мы съ Вильмомъ ходили смотрѣть, какъ ихъ валили на телѣги; свиньи хрюкали, поросята визжали, а мы хохотали! Когда Петръ сѣлъ на телѣгу и хлестнулъ кнутомъ, у меня сердце забилося и я сказалъ: «Ахъ, Вильмъ, если бы мнѣ можно было везти свиней на рынокъ!» Онъ очень удивился: «Возить свиней?» спросилъ онъ. «Ну да, только бы ѣхать, не все-ли равно, кто въ телѣгѣ?» — Онъ вовсе не могъ понять этого. Если бы мнѣ только позволили, я бы сейчасъ поѣхалъ!

Больше не было ничего особеннаго, только что мнѣ немного досталось во время ученья за то, что я написалъ экваторъ вмѣсто экватора и мидріанъ вмѣсто меридіана. Вечеромъ я нашелъ золотую булавку, которую мама потеряла въ саду.

Вторникъ. Надобно вспомнить, что было во вторникъ? Да, за обѣдомъ былъ у насъ пудингъ съ прекраснымъ соусомъ, этого я не могу забыть потому, что гости взопли въ ту минуту, какъ хотѣли его разнести. Когда они подѣхали, я посмотрѣлъ сначала на пудингъ, а потомъ на мамочку и сказалъ: «Какъ теперь быть?»—«А вотъ, я тебѣ скажу,» весело отвѣтила мама, «теперь будетъ такъ, что тебѣ достанется самый крошечный кусочекъ.» И въ самомъ дѣлѣ такъ вышло! — Сначала мнѣ было немного досадно потому, что я впередъ радовался на пудингъ; но я скоро позабылъ оттого, что съ гостями пріѣхали два маленькихъ мальчика, надъ которыми я много смѣялся.

Послѣ обѣда папа велѣлъ принести земляники изъ парниковъ и когда ее увидалъ младшій изъ нихъ, которому только два года съ половиною, то закричалъ: «Это живая земляника! Какая она вкусная, я ее съѣмъ!»

Всѣмъ намъ, т. е. Вильму, Машѣ и мнѣ, досталось по три ягодки, но мы подарили

ихъ чужимъ дѣтямъ. Я далъ свои маленькому бойкому Карлу, потому что онъ мнѣ больше нравился.

За столомъ мы собирали хлѣбныя корки для лебедей, и когда онъ увидалъ это, то спросилъ: «Это кому?» — «Лебедямъ.» — «Лепетямъ? лепети люпятъ хлѣбъ, только я прежде ихъ съѣмъ.» Схватилъ въ горсть крошекъ и убѣждалъ со смѣхомъ. Онъ шаловливъ, но веселъ и забавенъ. — Мы много играли съ этими мальчиками, надарили имъ всякой всячины, и они очень радовались.

Среда. Въ среду почтовый день. Мнѣ надо было написать письмо къ бабушкѣ; хотя я бабушку очень люблю, но писать мнѣ не хотѣлось. Господинъ Флоръ меня уговаривалъ, что это не благодарно, а я все только отвѣчалъ: «Я бабушку очень люблю, но писать мнѣ не хочется;» тутъ онъ сказалъ мнѣ сухо: «Ну, если не хочешь, то пиши безъ охоты, только чтобы было написано.» Конечно, я сейчасъ же принялся писать и даже очень хорошо написалъ, такъ что когда я принесъ письмо

господину Флору, то онъ сказалъ: «Письмо твое такъ хорошо, что ты съ охотой не написалъ бы лучше.» Этому я былъ очень радъ.

Послѣ я разсказалъ господину Флору, что на поѣздкѣ въ Богемію мы видѣли памятникъ, который богемцы поставили генералу Мансфельду. Господинъ Флоръ спросилъ, знаемъ ли мы, съ чего взялось имя Мансфельда? Я не зналъ этого и онъ разсказалъ, что разъ какой-то солдатъ спасъ жизнь одному германскому императору, а императоръ изъ благодарности позволилъ ему просить милости. Солдатъ выпросилъ себѣ такой участокъ земли, чтобы обсеять его мѣрой ячменя. Императоръ согласился и велѣлъ отмѣрить ему ячмень и указать землю на которой онъ могъ себѣ выбрать участокъ. Но солдатъ принялся сѣять не сплошь, какъ сѣять обыкновенно, а обошелъ вокругъ на огромное разстояніе и засѣялъ узенькую полоску кругомъ, съ тѣмъ, чтобы ему отдали все, что оставалось въ серединѣ. Люди, которые докладывали объ этомъ императору, увѣряли, что это обманъ, зло-

употребленіе, что солдату не слѣдуетъ отдавать всего участка, но императоръ сказалъ: «Пусть это будетъ *полемъ* этого *человѣка*» *). И съ тѣхъ поръ всѣ звали его Мансфельдомъ.

Четвергъ. Въ четвергъ мы устроили себѣ качалку. У насъ лежатъ доски, которыя теперь никому не нужны, также и нѣсколько отрубковъ бревенъ. Мы съ Вильмомъ построили изъ нихъ качалку, тотчасъ принялись прыгать и летали вверхъ и внизъ, такъ что сердце радуется! Маша тоже вздумала скакать вмѣстѣ съ нами, но, конечно, упала, потому что она противъ насъ слишкомъ легка.

Она упала въ песокъ и вовсе не ушиблась, только въ ротъ набрала столько песка, что сначала не могла говорить. Я сказалъ: «въ другой разъ не падай, открывши ротъ.» Вилъ очень разжалобился, обнялъ и поцѣловалъ ее, и мнѣ было ее немножко жаль, только я этого не показывалъ, а то она ужъ слишкомъ избалуется. Послѣ я посадилъ ее подлѣ себя,

*) По нѣмецки *Мани* (манъ) — человѣкъ, мужчина, *Feld* (фельдъ) — поле, изъ чего Мансфельдъ — поле-человѣка.

а Вильмъ всталъ на другомъ концѣ; онъ тяжелѣе меня и потому все пошло хорошо.

Пятница. Какъ только выбѣжали изъ дому, сейчасъ на качалку. Всего веселѣе то, что мы сами ее соорудили. — Послѣ я придумалъ что-то другое, что мнѣ не очень удалось. У Маши есть хорошенькая плетеная колясочка, она бѣгала съ ней по двору и я выпросилъ у нее эту колясочку, чтобы запрячь въ нее нашу собаченку Минку. «Вѣдь у тебя нѣтъ никакой упряжи,» сказала Маша, а я отвѣчалъ: «Вотъ какъ! да знаешь ли, что у порядочнаго человѣка всегда все при себѣ;» я вынулъ изъ кармана бичевку и связалъ такую шлейку, что хоть кого возить, а дѣло все-таки вышло не ладно. Сѣсть мнѣ было некуда, въ коляскѣ только и станетъ мѣста на одну куклу. Мы посадили куклу и я крикнулъ: пошелъ! и чуть чуть ударилъ Минку кнутомъ. Только она вовсе не умѣетъ ходить въ упряжѣ, это я сейчасъ замѣтилъ. Она поскакала огромными прыжками, коляска била ее по ногамъ и она совсѣмъ взбѣ-

силась; я звалъ, кричалъ, свисталъ, ничего не помогало. Маша также кричала: Ахъ моя кукла! Ой моя коляска! Минка выкинула ее Флорочку изъ коляски, Флорочку я сейчасъ же поднялъ и кричалъ Минку, но она не слушала, я же только и видѣлъ, что на коляскѣ остались три колеса. Машу мнѣ было очень жалко, потому что я хотѣлъ только позабавиться, а не хотѣлъ портить ее вещей.

На мой крикъ одинъ изъ работниковъ поймалъ эту глупую собаку Минку, но мнѣ радости было мало во всей этой продѣлкѣ. Минка совсѣмъ одичала, и не давалась мнѣ въ руки, коляска-же была вся переломана. Маша заливалась слезами и я сказалъ наконецъ: «Маша не плачь, я отдамъ тебѣ всѣ свои деньги и ты можешь купить себѣ новую колясочку.» Тогда Маша вытерла слезы и сказала: «Нѣтъ, не отдавай мнѣ своихъ денегъ, ужъ я лучше перестану плакать.» Она всегда такая. Отецъ видѣлъ все это изъ дали, и когда онъ сталъ сердиться, то она первая принялась за меня просить.

Суббота. Въ субботу мы учились арифметикѣ у школьнаго деревенскаго учителя; онъ приходитъ къ намъ на домъ, а иногда и пропускаетъ урокъ, и мы всегда очень рады, когда онъ не прійдетъ. Сегодня отецъ хотѣлъ ѣхать въ лѣсъ и въ поле; мы попросились съ нимъ ѣхать. «Куда вамъ,» сказалъ онъ, «вы въ это время учитесь.»—«Ну, а если учитель не прійдетъ?—«Тогда пожалуй.» Мы съ Вильмомъ переглянулись и я толкнулъ его локтемъ отъ радости: «Если бы онъ не пришелъ!» говорили мы. Пробило четыре часа, — это часъ урока; учителя не было и мы дрожали отъ радости. Въ четверть пятаго отецъ велѣлъ подавать, какъ вдругъ изъ-за угла вывернулся учитель и бѣжалъ со всѣхъ ногъ; отецъ взглянулъ на насъ и сказалъ: «Вы будете внимательны: въ этомъ я увѣренъ.» Я не хотѣлъ и смотрѣть на Вильма и самъ глоталъ слезы. Учитель спросилъ: «Вы хотѣли ѣхать?» Я убѣждалъ домой, чтобы не заплакать; для чего ему было спрашивать? Все-таки мы учились хорошо и когда отецъ вернулся, то поцѣловалъ

насть, а это рѣдко бываетъ. Мама же насть часто цѣлуетъ.

Теперь я кончилъ всю недѣлю, остался только сегодняшній день. Поутру мы были въ церкви, и господинъ Флоръ всегда заставляетъ меня записывать раздѣленіе проповѣди. Сегодня пасторъ говорилъ о томъ:

1-е. Какъ избѣгать грѣха.

2-е. Радость ангеловъ.

3-е. Вѣрная охрана отъ грѣха.

Отвѣтъ на всѣ вопросы былъ: «Покаяніе.» Евангеліе читалось про человѣка который спросилъ Спасителя: «Учитель, что сотворю, чтобы обрѣсти животъ вѣчный?» Я очень хорошо понялъ всю проповѣдь и очень люблю ходить въ церковь. Сегодня еще крестили двухъ мальчиковъ, одного изъ нихъ назвали Иванъ Фридрихъ, а другаго Христіанъ Августъ.

Однако, если описывать всѣ дни, я вижу, что работы будетъ много.

Отто.

СЕДЬМОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Сегодня я не перечитывалъ, что Отто написалъ въ дневникѣ, впрочемъ, онъ и не любить давать читать. Теперь надо подумать, о чемъ писать. Сперва я скажу, что мы ѣздили въ Блументаль, тамъ живутъ отецъ и мать тѣхъ двухъ мальчиковъ которые у насъ недавно были. Старшему четыре, года а второму нѣтъ еще трехъ; и хотя они намъ не ровни, но играли мы съ ними весело. Они въ шутку называютъ другъ друга Папельчикъ и Лапельчикъ, а брата Отто называли Ракеро. Надъ этимъ онъ много смѣялся и до сихъ поръ еще мы его такъ зовемъ. Младшій выбиралъ изъ песку камешки и когда мы спро-

силы его, что онъ съ ними будетъ дѣлать, то онъ отвѣчалъ: «Ты ихъ на пистолетъ посади,» то есть, на пистолетъ. Позже, когда мы проходили мимо колодца, то Лапельчикъ сказалъ: «Тамъ спитъ вода.»

Мы имъ говорили, что у насъ много клубники, крыжовнику и малины и пригласили ихъ къ себѣ, но младшій отвѣчалъ: «Нѣтъ, кызовникъ не надо, онъ колется; а вы лѣзьте съ него колюски?» Лапельчикъ такъ забавенъ.

Онъ рассказывалъ Машѣ, что у нихъ въ лѣсу много медвѣдей, и если медвѣдь прійдетъ, то онъ ему нашлепокъ надастъ и прогонитъ его. Отто точно одурѣлъ со смѣху; я все ходилъ со старшимъ, который очень задумчивъ и не такъ разговорчивъ, а Маша и Отто ходили съ младшимъ и мы все время слышали ихъ хохотъ.

По дорогѣ домой съ нами было непріятное происшествіе: я заснулъ и потерялъ свою шапку. Когда я это замѣтилъ, то было уже поздно, мы сейчасъ же остановились, но уже

шапки не нашли. Отецъ сказалъ очень коротко и сухо. «Новую ты купишь на свои деньги.» Мамочка было хотѣла просить, но отецъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, пусть будетъ такъ; эдакой соня, пожалуй, когда нибудь и головы спохватится, когда ужъ ея не будетъ.» Это однако не шутка, денегъ то у меня порядочно убудетъ. А старую шапку я такъ любилъ; я ужъ къ ней такъ привыкъ, бывало, какъ ее ни брошу на голову, она все хорошо сидитъ. Въ ней было и мое имя, если честный человѣкъ найдеть, то, конечно, мнѣ ее принесетъ.

На другой день изъ нашей деревни ѣхалъ мужикъ въ городъ и я долженъ былъ наказывать ему купить мнѣ шапку; отецъ же мнѣ сказалъ: «Вильмъ, чтобы не было складчины, плати самъ.» Если бы не это приказанье, то Маша и Отто вѣрно бы сложились, потому что они очень добры; Маша меня много цѣловала, чтобы утѣшить, даже слишкомъ много, оттолкнуть же я ее не хотѣлъ.

У нашей собаки, Малюты, теперь девять щенятъ, но изъ нихъ оставили только тро-

ихъ, а шестерыхъ утопили и зарыли; отецъ не позволяетъ просто закидывать ихъ. Маша ихъ отыскала, отрыла, перетаскала въ конюшню и стала ихъ лизать и грѣть. Ихъ закопали опять, но она ихъ три раза опять выкапывала и снова клала вмѣстѣ съ жпымы. Маша не могла насъ вовсе слушать, когда мы ей это рассказывали; намъ было также очень жалко щенятъ, а Маша столько объ этомъ плакала, что наконецъ должна была повѣсить на кустъ, для просушки, свой носовой платокъ. Пикасъ разбилъ стекло въ дверяхъ и охотникъ его за это больно побилъ! Но вѣдь Пикасъ глупая тварь, не понимаетъ, какую бѣду сдѣлалъ, а когда человѣкъ сдѣлаетъ то же, то ему это проходитъ даромъ!

Во вторникъ и въ среду у насъ было ненастье а поэтому я могъ больше точить; я работаю мамочкѣ потихоньку мотовилку, она, кажется, у меня удастся. Маша говоритъ, мнѣ бы не надо было секретничать, а лучше понемногу готовить маму къ этому подар-

ку, чтобы ей не повредила эта радость; но мнѣ говорить ей не хочется. Отто еще плохой токарь, и потому точить только двѣ тамбурныя ручки, причемъ я ему помогаю. Господинъ Флоръ точитъ прекрасно, онъ то насъ и учитъ. Самъ же онъ точитъ сахарницу изъ кокосоваго орѣха; это очень трудно, и такъ трещитъ, что не знаешь плакать или смѣяться. Мы, разумѣется, не плачемъ, а смѣемся. Когда господину Флору прислали кокосовый орѣхъ, то мы ожидали, что въ немъ еще будетъ молоко, но ошиблись; въ немъ было только одно сухое зерно. Мы очень подробно осматривали орѣхъ и вспоминали Робинсона; мнѣ кажется, если видншь кокосъ, то нельзя не думать о Робинсонѣ. А для насъ господинъ Флоръ выписалъ финиковъ, этому мы были очень рады.

Ничего особеннаго не было на этой недѣлѣ; развѣ только, что мы были развѣ всѣ трое наказаны, это было очень скучно.

Вильямъ.

St. Petersburg
Bibl. Mus. No. 119 141-00

ОСЬМОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Я спросила маму нельзя ли мнѣ одно воскресенье пропустить? Такъ много времени уходить за писаньемъ, а у меня теперь очень много дѣла по хозяйству; во первыхъ, у меня большая стирка и бѣлье для этого переписано, вотъ и записка:

ЗАПИСКА БѢЛЫЯ ВЪ СТИРКУ ДЛЯ МОЕЙ КЛАРОЧКИ.

- 3 платья, т. е. 1 бѣлое, 1 муслинъ-де-ленъ,
- 1 ситцевое, 1 чехоль подъ платье.
- 1 фланелевая юбка.
- 1 ночная кофта.
- 1 корсетъ.

2 ночныхъ чепчика.

4 воротничка.

1 бѣлый передникъ.

1 передникъ муслинъ-де-ленъ.

2 пары чулокъ, замѣченныхъ К.

Вотъ сколько! Впрочемъ, это только у Клэрочки, которая моя дочка; а у другихъ куколъ, у которыхъ и у самихъ есть дѣти, меньше бѣлья:

Эмина стирка:

1 ситцевое платье.

1 кисейное, бѣлое съ краснымъ узоромъ.

2 юбки.

1 ночная кофточка.

1 ночной чепчикъ.

1 передникъ.

У этой не такъ много, но вѣдь я мою одну у самой маленькой:

Стирка Лотхенъ:

1 длинное платье.

1 накидка.

1 юбка.

2 салфеточки.

2 чепца.

Да еще двѣ простыни и наволочка. Столовое бѣлье и дѣтскія полотенцы я въ другой разъ вымою, а то я себѣ мозоли натру. У меня есть скатерть и шесть салфетокъ, все это, какъ слѣдуетъ, замѣчено моимъ именемъ; я накрываю имъ столъ, когда у меня гости; мы стряпаемъ въ моей кухнѣ, а когда изготавимъ обѣдъ, то накрываемъ на столъ; у меня и бутылочка есть и шесть стаканчиковъ, и мнѣ въ бутылочку мама наливаетъ воды съ сокомъ и сахаромъ; это вино очень вкусное.

Я спросила маму, нельзя ли мнѣ пропустить хоть одно воскресенье? «Какъ это можно! Вѣдь тогда въ году окажется однимъ воскресеньемъ меньше, куда ты его дѣнешь?» «Ну,» сказала я, «такъ я ужъ поскорѣ напишу да и буду свободна.» Еще я скажу, что для стирки я на свои деньги покупаю мыло. Сперва я попросила у мамы кусочекъ

мыла, но она сказала: «Нѣтъ, другъ мой, это не годится; всякій долженъ самъ вести свое хозяйство; развѣ, когда ты вырастешь, то станешь къ сосѣдямъ за мыльцемъ бѣгать? Учись сама обо всемъ заботиться.» У меня есть записная ~~книга~~, гдѣ ужъ много разъ написано: «1 грошъ на мыло.» Вѣдь это очень много денегъ! Я ужъ жаловалась на это мамѣ, но она говоритъ: «Да, дѣти дорого обходятся!» Этому я очень смѣялась.

На этой недѣлѣ былъ коробочникъ, который продавалъ деревянные вещи: ложки, мутовки, чашки и тарелки. У насъ много накупили всякой всячины, и ключница спросила меня: не хочу ли и я что нибудь купить? «Да, конечно, но что мнѣ изъ этого можетъ пригодиться?» спросила я. «Деревянные ложки въ твою кухонку.» Я побѣжала и купила шесть крошечныхъ деревянныхъ ложечекъ и четыре большихъ, да чашку и тарелку: это я подарю своей кормилицѣ, когда она прійдетъ къ намъ въ гости. Она мнѣ всегда го-

стинца приносить, обыкновенно цыплятъ или корзинку вишенъ, корзинку же я себѣ оставляю; ея мужъ плететъ ихъ самъ и она всегда говоритъ: «Корзиночку оставь себѣ, Петръ смелъ ее для тебя.» Петромъ зовутъ мужа ея. Прежде я все смѣялась: нашу кошку также зовутъ Петькой; только я ей никогда не говорю о чемъ я смѣюсь.

Вчера мы катались на водѣ, г-нъ Флоръ гребъ, а Виля и Отто взяли тросточки и также ими гребли. Нѣсколько разъ мы садились на мель и г-нъ Флоръ сильно сталкивалъ лодку и наконецъ такъ разгорячился, что долженъ былъ снять сюртукъ. Отто все кричалъ: «Мы на мели сидимъ въ южномъ океанѣ, вотъ сейчасъ придутъ дикіе и съѣдятъ насъ.» Это мнѣ совсѣмъ не нравилось; онъ такъ громко ревелъ, передразнивая дикихъ, какъ какой нибудь дикій звѣрь, я даже не знаю навѣрно режутъ ли дикіе такъ.

Наконецъ мы прѣстали къ берегу, и я этому очень радовалась, да, я думаю, и г-нъ Флоръ также: онъ такъ трудился, что круп-

ныя капли выступили у него на лбу. Я взяла съ собою земляники и попотчивала его; но онъ отказался: «Спасибо, крошка, мнѣ теперь слишкомъ жарко.» Отто сейчасъ закричалъ: «Ты мнѣ можешь отдать ее за ревъ мой.»

Ну, теперь мнѣ пора итти стирать.

Маша.

ДЕВЯТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Опять начинаю по порядку:

Понедѣльникъ. Что было въ понедѣльникъ? Прежде я бы непременно сказалъ: что тамъ было въ понедѣльникъ? Но этого господинъ Флоръ не любитъ; онъ говоритъ, что *тамъ* совсѣмъ лишнее, а *чего* не правильно, и также не велитъ повторять *только* и *въдѣ*. Отъ *только* можно бы еще отвыкнуть, только отъ *въдѣ* — вотъ я опять написалъ *только*, безъ этихъ словъ я никакъ не обойдусь. Ну еще разъ:

Понедѣльникъ. Въ понедѣльникъ не было ничего особеннаго. Охотникъ убилъ козулю и мы ходили на нее смотрѣть. Когда Маша

начала жалѣть объ ней я надъ ней смѣялся, но про себя также думалъ: «лучше бы было такому хорошенькому звѣрку скакать по полямъ.»

Это былъ козликъ и охотникъ обѣщалъ мнѣ рожки, но это не козыи рожки, а оленье. Онъ сказалъ также, что у зайца не уши, а ложки, мы думали, что онъ шутить, и смѣялись но папа говоритъ, что это правда. Я еще самъ не знаю, чѣмъ я буду со временемъ, можетъ быть охотникомъ; только бы мнѣ что нибудь повеселѣе.

Вторникъ. Въ этотъ день было очень грустно; павлинъ нашъ побѣждалъ на скотный дворъ, гдѣ онъ иногда гостить у индюшекъ. Въ это время вошли два мясника съ огромной собакой, а та, увидавъ павлина, за нимъ и погналась. Павлинъ пустился бѣжать какъ бѣшеный, бѣгалъ, бѣгалъ, бѣгалъ, но въ ту минуту, какъ онъ уже вскочилъ къ намъ на порогъ, собака схватила его за хвостъ и давай терзать. Когда поспѣли на помощь, но было уже поздно; она его почти совсѣмъ загрызла.

Намъ сказали объ этомъ гораздо позже, когда охотникъ его уже перевязалъ и всѣмъ намъ, Вильму, Машѣ и мнѣ, было такъ грустно, что мы не хотѣли завтракать. Онъ лежалъ въ конюшнѣ на сѣнѣ, точно мертвый и чуть смотрѣлъ. Всѣ люди жалѣли павлина и бранили мясниковъ: а они сейчасъ убралась вмѣстѣ съ собакой, иначе бы ихъ, кажется, побили, потому что люди говорятъ, что они сами натравили ее на павлина для забавы; они вѣрно не знали, чѣмъ это кончится.

Среда. Павлинъ былъ еще живъ, но очень плохъ. Всѣ думали, не лучше ли его совсѣмъ заколоть, но намъ очень хотѣлось, чтобы онъ остался живъ. Онъ былъ очень красивъ и рѣдкой породы. Мы бѣгали къ нему сто разъ на день и наконецъ стали смотрѣть только въ щелку, потому что онъ всегда тревожился, когда кто нибудь входилъ. Онъ умеръ въ четвергъ, но объ этомъ я въ четвергъ и расскажу.

Въ среду у садовника поѣлъ кто-то землянику; онъ былъ не вдухъ и все говорилъ

миѣ: «Да ужъ вы всегда таковскіе.» Но я не трогалъ земляники, а онъ все-таки говорилъ: «Ужъ какъ хотите, а обобрали-то вы.» Тогда я ужасно разсердился, а послѣ пошелъ къ господину Флору и рассказалъ ему все; я думалъ, что садовникъ, пожалуй, пойдетъ еще жаловаться. Господинъ Флоръ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Такъ ты не виноватъ ни въ чемъ?» — «Нѣтъ, не виноватъ.» — «Зачѣмъ же ты разсердился? Тебя должно было успокоить чувство невинности, если тебѣ даже и было досадно на напраслину. Тебѣ слѣдовало обдумать, что онъ гораздо старше тебя и что ты иногда бывалъ виноватъ, когда не доставало земляники.» Я покраснѣлъ и промолчалъ; послѣ я пошелъ къ садовнику и сказалъ: «Ты не сердись на меня больше, но ягодъ я не трогалъ.» Онъ сказалъ: «Теперь-то и я это знаю, да вы впередъ не извольте такъ браниться.» Тѣмъ и кончилось.

Четвергъ. Бѣдный нашъ павлинъ померъ рано утромъ. Какъ намъ было жалко! Мы похоронили его вплоть подъ розовымъ ку-

стомъ, такъ что розы висятъ надъ его могилкой. Маша плакала неутѣшно.

Вильму и мнѣ сдѣлали качели изъ веревокъ и маленькой дощечки, ихъ повѣсили между двухъ прекрасныхъ дубовъ и мы очень радовались. На этихъ качеляхъ мы можемъ качаться сами, сидя и стоя.—Какъ въ деревнѣ весело! Я и самъ не знаю, что веселѣе: качаться или прыгать на скачкѣ. Качели теперь еще новы, по этому мы ихъ больше и любимъ. Бѣдной Машѣ не позволяютъ качаться съ нами, она всегда стоитъ въ отдаленіи и намъ ее очень жалко, такъ что мы всегда стараемся развеселить ее послѣ чѣмъ нибудь другимъ.

Пятница. Маша говоритъ: «нынче пятница для того, кто проносилъ пятки.» Не знаю отъ кого она это слышала. Въ пятницу мы катались съ отцомъ и съ мамочкой; мы ѣздили къ болоту, гдѣ у отца было какое-то дѣло. Лошади стояли покуда онъ осматривалъ мѣстность, а мы въ это время нарвали цвѣтовъ. Маша все собирала бѣлый болотный пухъ.

Дома она хочетъ оборвать его со стебельковъ и выстегать на немъ одѣяло для куклы. Мы съ Вильмомъ собрали нѣсколько рѣдкихъ растений и хотимъ ихъ высушить, а потомъ надписать надъ ними имена латинскіе и нѣмецкія. Господинъ Флоръ намъ въ этомъ поможетъ. Между этими растеніями было нѣсколько очень мелкихъ, хорошенькихъ цвѣтовъ бѣлыхъ, красныхъ и лиловыхъ.

Вплоть у болота живетъ честный воръ, т. е. человѣкъ, который сидѣлъ въ рабочемъ домѣ за воровство, а когда онъ вернулся, то крестьяне не приняли его къ себѣ въ деревню, а выселили на болото и дали земли, на которой онъ теперь сѣетъ хлѣбъ и садитъ картофель. Мы его видѣли, онъ такой же какъ и всѣ люди и вовсе не зомъ. У него есть жена и трое дѣтей. Мы дали имъ всякой всячины, пироговъ, плодовъ и немного денегъ. Они очень обрадовались. Мужикъ теперь больше не воруетъ, онъ совсѣмъ отвыкъ отъ этого. — Дома большіе напились чаю, а намъ, маленькимъ, дали земляники, съ мо-

локомъ и хлѣба съ масломъ. Это былъ очень веселый день.

Суббота. Въ субботу къ намъ пріѣхали незнакомые гости. Между ними былъ и двѣ дѣвочки, одна съ Вильма, другая съ меня. Онѣ пріѣхали съ отцомъ и съ матерью прямо изъ Берлина; тамъ у нихъ большой домъ но все нѣтъ сада, а между тѣмъ дѣвочки только и говорили что-то о своемъ садѣ. Я не могъ ихъ понять и спросилъ. Вышло, что у нихъ стоятъ два ящика съ землей, въ которыхъ посажены картофели, и это онѣ называютъ садомъ! Я со смѣху чуть не упалъ. Господинъ Флоръ слышалъ все это и послѣ побранилъ меня немного; онъ говоритъ: «никогда не надо смѣяться надъ тѣмъ, кто доволенъ малымъ и радуется тому, что у него есть.» Мнѣ въ самомъ дѣлѣ было очень жаль, что я смѣялся, мнѣ бы не слѣдовало этого дѣлать, именно потому, что у насъ такой большой садъ и всего такъ много, но я не подумалъ объ этомъ въ то время. При прощаньи онѣ сказали Машѣ: «Если ты пріѣдешь къ

намъ осенью, то будешь ѣсть картофель изъ нашего сада.» Я опять засмѣялся, потому что господинъ Флоръ тогда еще ничего не говорилъ мнѣ.

Когда гости уѣхали мы побѣжали въ садъ; Маша была очень весела и сказала: «Засунь ты свои ложки подъ шапку, посмотри, какъ онѣ у тебя торчатъ.» Мнѣ стало досадно и я отвѣчалъ: «я не заяцъ.» Но она снова принялась меня дразнить, а я надавалъ ей такихъ щелчковъ, что она завизжала изъ всѣхъ силъ. «Вотъ то пойдетъ потѣха, какъ ее услышатъ отецъ или господинъ Флоръ!» думалъ я про себя; но, видно, и она думала то же, потому что затихла, какъ мы стали подходить къ дому. Она всегда такая; она не любитъ чтобы насъ съ Вильмомъ бранили. Послѣ я поцѣловалъ ее, а она прицѣпилась ко мнѣ и мы пошли подъ ручку. Про воскресенье я не могу ничего сказать, потому что еще очень рано.

Отто.

ДЕСЯТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Отто ни слова не сказалъ о прошломъ воскресеньи, я сдѣлаю это за него. Послѣднее время мы очень хорошо учились и за это насъ хотѣли потѣшить. Послѣ обѣда къ намъ пришло много мальчиковъ изъ сосѣдства; сыновья папиныхъ съемщиковъ и просто крестьянскихъ.

Въ саду, подъ деревьями, поставили столъ, на него положили большой пирогъ а кругомъ разное печенье и хлѣбъ. Тамъ мы пили кофе и было очень весело. Послѣ кофея играли въ разныя игры, въ солдаты, въ разбойники, а подъ конецъ намъ согнули изъ вѣтокъ дугу и повѣсили въ нее обручикъ; каждому изъ насъ дали по знамени, осѣдлали двухъ ословъ и по-

очередно двое садились на нихъ и скакали. При этомъ высчитывали или, какъ крестьянскіе мальчики говорили, канались кому тѣхъ:

Яблоко катилось вокругъ огорода, кто его поднѣлъ, тотъ воевода, воеводскій сынъ, шышелъ вышелъ, вонъ пошелъ.

То-то была потѣха съ ослиами! Конникъ долженъ былъ проскакать подъ дугою и на лету поддѣть кольцо значкомъ. Сначала ослы очень упрямылись и безпрестанно сбрасывали насъ; потомъ дѣло пошло ~~хуже~~ ^{лучше}, хотя иные вовсе не могли справиться, но ужъ въ этомъ не ослы были виноваты. Нѣсколько часовъ сряду мы очень весело играли. Для тѣхъ которые срывали кольцо значкомъ, были награжденные подарки; самый лучший подарокъ былъ шахматница, а остальные были книги, картонки, кнуты, стаканы, чашки, палки и рисунки. Мнѣ достался стаканъ.

Погода была прекрасная и мы ужинали въ саду, клубнику, молоко, пироги и хлѣбъ съ молокомъ; давно ужъ намъ не бывало такъ весело! Такъ какъ Маша не могла скакать, то

она раздавала награды. Тѣ подарки, которыхъ никто не заслужилъ, намъ пришлось разыгрывать снова бѣгая въ перегонки въ мячъ. Шахматница досталась одному изъ гостей, котораго зовутъ Гинтеромъ.

Старому нашему кучеру, который меня очень любитъ, хотѣлось, чтобы я выигралъ шахматницу: «Вильмъ,» кричалъ онъ мнѣ, «не зѣвайте, будьте молодцомъ!» Хорошо ему было говорить, а оселъ меня не слушался и сбросилъ на песокъ. Послѣ дѣло пошло лучше и я выигралъ стаканъ, который подарилъ ему же, спросивъ напередъ папу.

На педѣлѣ случилось много непріятнаго. Во первыхъ, я сломалъ часовую цѣпочку, на что папа немного посердился, да и мнѣ это не очень пріятно, опять большой расходъ. Наша собаченка, Минка, загрызла дыпленку и съѣла Машину перчатку. Разъ какъ-то она уже изорвала Машинъ передникъ, но по крайней мѣрѣ не съѣла его, этого еще за нею никогда не бывало. Г. Флоръ очень разсердился за эту перчатку. Мы спрятали Минку.

чтобы она п глазъ не показывала, иначе ей бы досталось за это. Отто говорить: «Я люблю эту собаченку, какъ роднаго сына.» Но и мы съ Машей любимъ ее не меньше.

Маша пьетъ по утрамъ козье молоко, а я и Отто ходимъ вмѣстѣ съ нею къ скотницѣ; она выпиваетъ чашку молока и мы отправляемся съ нею гулять. Мы встаемъ въ шесть часовъ; обыкновенно во время прогулки рвемъ мамочкѣ для тетѣ цвѣты, большею частью незабудки. Въ воскресенье же Сусана ходитъ съ нами гулять и обыкновенно рассказываетъ намъ что нибудь. Прошлый разъ она вотъ что рассказала: она знала одну женщину, у которой мужъ былъ естествоиспытатель; онъ уѣхалъ съ нею въ Индію. Она слѣдовала за нимъ повсюду, и разъ ей пришлось ѣхать верхомъ до 1,000 верстъ и переплыть рѣку Гангъ на слонѣ. Нѣсколько лѣтъ она тамъ оставалась, какъ ему вздумалось отправиться еще дальше въ какую-то неизвѣстную страну. Они шли моремъ и, по прибытіи на мѣсто, корабль сталъ на якорь, а естествоиспытатель отпра-

вплся въ лодкѣ на берегъ; но какъ только онъ сталъ приближаться къ берегу, то дикіе убили его изъ ружья въ глазахъ бѣдной жены, которая видѣла это съ судна. Теперь она уже воротилась въ Европу и тетя Сусана видается съ нею иногда.

Но надо кончить, пора ѣхать въ церковь, пасторъ будетъ говорить о рыболовствѣ апостола Петра. Мы ужъ это знаемъ, и такъ будемъ внимательно слушать.

Вильямъ.

ОДИННАДЦАТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Вотъ я опять принимаюсь за всѣ дни по порядку; другіе на это не смотрятъ и пишутъ какъ-ни попало. Вильмъ говоритъ: «Вѣдь я старшій и не могу же у тебя учиться.» Этого я не понимаю; если что хорошо, то почему же не перенять, не все ли равно, сколько мнѣ при этомъ лѣтъ? Про воскресенье, которое, по настоящему, вовсе не мое, я скажу только, что проповѣдь была очень хороша, по крайней мѣрѣ намъ съ Вильмомъ она очень понравилась.

Пасторъ говорилъ про рыболовство Петра и про утрату времени. Онъ говорилъ, что мы, люди, часто считаемъ потеряннымъ временемъ,

которое вовсе не потеряно предъ Богомъ, потому что если мы только хотимъ добра и усердно объ немъ стараемся, то можемъ быть спокойны, если оно даже не всегда удастся по нашему желанію. Многіе думаютъ также, что время, проведенное въ болѣзни и въ пѣ-
мощи, потеряно, но и это не справедливо; въ такое время они могутъ служить примѣ-
ромъ для другихъ, терпѣньемъ и преданно-
стью волю Божіей и въ то же время прибли-
жаться этимъ къ Богу. Петръ всю ночь рас-
кидывалъ мержи понапрасну, не поймалъ ни
одной рыбы и считалъ время потеряннымъ,
какъ вдругъ нашелъ Господа, Истину и Вѣч-
ную жизнь.

Пасторъ говорилъ еще много кромѣ этого, но г. Флоръ уже и тѣмъ доволенъ, если я запомню хоть часть проповѣи.

Понедѣльникъ. Понедѣльникъ бытъ очень пу-
стой день; не было ничего особеннаго, только
что г. Флоръ ударилъ меня за то, что я зѣ-
валъ по сторонамъ, какъ онъ говоритъ, во
время урока. Не знаю почему, но послѣ все

пошло хорошо. Правда, что въ географіи я немного сбился, но сейчасъ же замѣтилъ и поправился. вмѣсто Италіи я заѣхалъ въ Испанію; Вильмъ толкнулъ меня ногой и я сейчасъ понялъ и вернулся куда слѣдовало. Это еще счастье! Весь день прошелъ у меня какъ то не складно; даже и въ игрѣ было то же; я очень хорошо впадалъ, что я самъ виноватъ, только не могъ ничего придумать лучшаго. Что ни сдѣлаю, все не такъ. Ужъ я обрадовался, когда день прошелъ.

Вторникъ. Совѣтъмъ другой лень! Я былъ веселъ и ученье шло какъ по маслу. Господниъ Флоръ посмотрѣлъ на меня и спросилъ: «Почему же сегодня все хорошо?» Я и самъ не зналъ и отвѣчалъ: «Я не знаю, вѣдь я бы радъ былъ и вчера, да *вѣдь* я не могъ.» «*Вѣдь* радъ былъ вчера, да *вѣдь* не могъ?» сказалъ г. Флоръ и засмѣялся, «неужели ты и въ дневникѣ все *вѣдькаешь*?» Я этого хорошенько не помнилъ, только сказалъ (только!), что, кажется, да. Это такія слова, безъ которыхъ я не могъ бы ни говорить, ни писать. — Осо-

беннаго въ этотъ день ничего не было, только что всѣ мы были очень веселы. Вильмъ начинаетъ радоваться и на новыхъ голубей, и они его знаютъ и летятъ къ нему на свистъ.

Еще я очень смѣялся надъ Машей. Въ этотъ день отецъ называлъ меня вѣтрогономъ. Она не поняла и спросила, «что значить вѣтрогонъ?» Я отвѣчалъ нарочно, что это значить очень ученый человѣкъ. Она сначала не хотѣла вѣрить, но я нисколько не смѣялся и тогда она сказала: «Неужели папа сказалъ это про тебя? Я этого вовсе не думаю.»

Среда. Въ среду всѣ мы были на сѣнокошѣ, гдѣ ворочали сѣно, и намъ также позволяли помогать. Какое веселье! Какъ славно сѣно пахнетъ; Маша все говорила: «Точно чай,» и мы смѣялись надъ ней. Мы съ Вильмомъ работали изо всѣхъ силъ, просто такъ, для удовольствія, и погода была такъ хороша, что мама сказала: «несказанно хороша.» Мамочкѣ и тетѣ Сусанѣ мы устроили тронъ изъ сѣна. Маша сперва бѣгала взадъ и впередъ, потомъ начала рвать пезабудки и плести вѣн-

ки. Тетя Сусана назвала насъ съ Вильмомъ «сѣновальной командой,» а Машу «цвѣточной,» и все нами командовала. То ей тронъ былъ низокъ, то высокъ, то приказывала она держать надъ собою вѣтки отъ солнца, котораго и не было на небѣ, и наконецъ вздумала идти домой и намъ же пришлось ее упрашивать, чтобы она оставалась. Она всегда такъ шалитъ и рѣзвится и, напримѣръ, меня называетъ теперь Ракеро, хоть я этого и не люблю.

Вдругъ она сказала, что голодна и приказала намъ искать еѣ пропитанья, какъ она это называла. «Разсыпайтесь, полки,» сказала она, «и позаботьтесь о своей королевѣ.»

Мы разбѣжались во всѣ стороны и, въ самомъ дѣлѣ, набрали прекрасной земляники, наняли ее на гравинки и принесли тетѣ. «Теперь хорошо,» сказала она, «садитесь около моего трона и слушайте, я вамъ расскажу сказочку.»

СКАЗОЧКА О БЫЛИНКАХЪ.

Всѣ травинки крестники одной и той же волшебницы — этому вы можете быть невѣрите, но оно въ самомъ дѣлѣ такъ, и вотъ доказательство: когда они появились въ первый разъ на землѣ, то были черны, желты и невзрачны; они не смѣли даже показаться при всемъ остальномъ блескѣ весны; но волшебница сказала: «Не бойтесь, травинки, не бойтесь, былинки, вы всѣ мои дѣти и я васъ одѣну.»

Одежда на такое множество дѣтей не уложилась бы и въ тысячахъ чемодановъ, но волшебница послала ее въ тепломъ дождѣ и когда онъ прошелъ, то травинки уже стояли въ блестящихъ зеленыхъ платьяхъ, такихъ свѣтлыхъ и красныхъ, что люди забывали про цвѣты и деревья и любовались одними травинками, когда онѣ сверкали на солнцѣ.

Теперь всѣ травинки были одѣты и очень счастливы, но волшебница позаботилась обо всемъ и послала имъ ожерелья съ росой; теперь у нихъ были и алмазы, въ которыхъ онѣ

видѣли себя, какъ въ зеркалѣ, но эти зеркала послужили имъ къ несчастію. Онѣ смотрѣлись въ нихъ, дивились своей блестящей одеждѣ и загордились; онѣ начали пыжиться и подымать голову выше, выше и не замѣчали, что дурнѣли отъ этого.

Чѣмъ онѣ больше поднимали головы, тѣмъ меньше нравились людямъ, потому что платье ихъ заняталось тщеславіемъ; когда онѣ стали уже сѣдѣть, то очень огорчились этимъ и сказали: «Если волшебница не могла дать намъ больше одного платья, то пусть бы лучше не давала никакого, въ одномъ платьѣ не долго прощеголяешь; наше потемнѣло и головы посѣдѣли. Къ чему мы еще на землѣ, и что намъ остается?» Услыхавъ это, волшебница не на шутку прогнѣвалась, послала людей съ косами и приказала скосить ихъ до земли. «Неблагодарный родъ,» сказала она, «вамъ ничто нейдетъ въ прокъ, пусть же лучше вами будутъ сыты коровы и лошади.»

Однако, не смотря на это, судьба травянокъ много походила на судьбу балованныхъ

дѣтей; когда на слѣдующую весну явились новыя, то волшебница снова одѣла ихъ въ зеленыя платья, онѣ снова стали смотрѣться въ зеркала, поднялись, возгордились и погбли, какъ въ прошломъ году, ихъ скосили, какъ вы здѣсь видите, и ими будутъ сыты коровы, лошади и бараны.

Этотъ порядокъ стоитъ много лѣтъ и будетъ стоять и впередъ, потому что волшебница эта очень снисходительная мать, всегда даритъ и прощаетъ и снова наказываетъ по заслугамъ.

Тетя Сусана написала мнѣ эту сказочку, а я ее списалъ.

Когда тетя кончила, то мама сказала: и я также знаю сказку о былинкахъ, но та кончается иначе.» Мы всѣ спросили: «Какъ? какъ?» — А она сказала: «Я расскажу вамъ ее завтра, если погода будетъ хороша; мы опять придемъ сюда же, будемъ смотрѣть, какъ свозять сѣно, а вы будете слушать сказку о былинкѣ.

Четвергъ. Погода была очень хороша и мы весь день ни о чемъ не думали, какъ о сѣнокосѣ и о сказочкѣ. Наконецъ пробило шесть часовъ; тутъ мы свободны и тетя и мама ожидали насъ въ саду. Дорогой мы все время прыгали отъ радости, и четыре раза пробѣжали взадъ и впередъ, покуда подошли наконецъ къ намъ тетя и мама; мы уже приготовили имъ по кучкѣ сѣна, но мамочка сказала: «перетрясите его хорошенько, чтобы въ немъ не было мышей и чтобы они не подѣли трона моего.» Разумѣется, что мы сейчасъ же кинулись и все переверотили; потомъ мамочка сѣла и начала рассказывать; я сказку сл знаю на память и запишу сюда.

Но вотъ пробѣжала Маша, она вся разгорѣлась и запыхалась и говоритъ мнѣ: «Отто, Отто, зачѣмъ ты пишешь, вѣдь сегодня мое воскресенье; моя очередь за Вильмомъ.» — Ну, пожалуйста, тогда пусть она пишетъ сказку; я же какъ увидалъ сегодня дневникъ, такъ сѣлъ и написалъ, вовсе не подумавъ о томъ чья очередь. — Однако надобно хоть вкратцѣ окончить дни.

Пятница. Къ намъ приходилъ мужикъ, который купалъ свиней, а больше поросятъ. Мы также пошли на скотный дворъ и очень смѣялись надъ хрюканьемъ и визгомъ. Это было послѣ дождя, Маша поскользнулась и упала въ самую грязь; пришлось переодѣть ее съ ногъ до головы; ее насилу вымыли мыломъ. Тетя Сусана весь день держала платокъ подъ носомъ, когда проходила мимо Маши, но это только шутя.

Суббота. Мы просили мамочку заказать къ обѣду блины, и ихъ въ самомъ дѣлѣ подали. Тетя Сусана сказала: «Это мое любимое кушанье, я все съѣмъ одна.» Мы съ Вильмомъ засмѣялись и Маша также, но она немного струсилла. Отецъ не любитъ блиновъ и сказалъ намъ: «Въ другой разъ прошу не заказывать своего кушанья.»

Ужъ мы были рады, что они намъ хоть на этотъ разъ достались.

Отто.

ДВѢНАДЦАТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Огго перепутать очередь и написать въ мое воскресенье. Теперь миѣ приходится переписать сказочку, которую мамочка намъ рассказала и даже сама написала.

СКАЗКА О ТРАВѢ.

Добрый духъ взялъ всѣ травы подъ свою опеку; трава ему обязана яркою зеленою одеждою, которую онъ по утрамъ украшаетъ жемчугомъ и дорогими камнями, такъ что по неволѣ останавливаешься и заглядываешься на эту чудную красу.

Съ травой бываетъ то же что и съ людьми: у нея есть свое дѣтство, молодость и старость, или конецъ. Пока трава еще въ дѣтствѣ или въ молодости, она красива: она украшаетъ землю, веселится и тихо перешептывается былина съ былинкою. Среди травки, тутъ и тамъ распускаются цвѣты и изъ всего этого выходитъ садъ для прогулки жучковъ, комаровъ, мошекъ, стрекозъ и другихъ насѣкомыхъ. Въ этомъ саду всюду жизнь: красные и зеленые жучки качаются на травкахъ и на тонкихъ цвѣточныхъ стебляхъ и тутъ же скачетъ, разинувъ пасть, неуклюжая лягушка. Всюду свѣжесть, радость и краса. Такъ бываетъ во всякомъ саду, пока трава въ дѣтствѣ или въ молодости; когда же она старѣется, то грубѣетъ и подымается выше: жемчугъ и драгоценные камни менѣе украшаютъ ее, а тяжело виснуть на ней; она наклоняетъ свою озабоченную голову и, вмѣсто тихаго шепота, слышится сухой суровой шорохъ. Для жуковъ и другихъ насѣкомыхъ это вѣковые лѣса, въ которыхъ они плутають

и блуждаютъ. Молодость пропала, старость настаётъ. Тогда трава призываетъ добраго духа своего и говоритъ: «Я была молода и хороша, я была земнымъ садомъ, — но теперь я стала полезна, хочу идти въ службу, быть полезною, какъ и люди, которые въ глазахъ моихъ столько дѣла дѣлаютъ, а я тутъ расту безъ пользы.» Добрый духъ отвѣчалъ: «желанье твое исполнится; у людей бываетъ дѣтство и старость, но бываетъ и смерть, ты также умрешь и смертью своею будешь полезна.» — По его зову пришли косари и трава добровольно нагнула голову, думая: «Смертью своею буду полезна!»

Когда мама кончила, то спросила: «что вы скажете объ моей сказочкѣ?» Отто и Вилъ сказали: «Ахъ, это очень хорошо!» А я сказала: «Нѣтъ, мама, это совсѣмъ не весело! Только про лягушку помянула ты смѣшно, а то не надъ чѣмъ было и посмѣяться.» — «Видно, въ слѣдующій разъ придется мнѣ рассказать

веселую сказочку.» Мы всѣ трое закричали: «Да, да, да, веселую!»

Вотъ я написала сказочку, теперь остается только рассказать о сегодняшнемъ утрѣ, вѣдь сегодня воскресенье.

День начался завтракомъ и миѣ дали кусокъ сахару въ молоко, потомъ мама прочитала прекрасную молитву, а мы всѣ по зачалу изъ Евангелія. Послѣ этого мы пошли по-смотреть на своихъ звѣрковъ и птицъ и отыскали тетю Сусану, которая пьетъ теперь не траву, а воды.

Я сказала ей: «Тетя, дай-ка и миѣ попробовать.» Она и дала, но эта вода очень дурна на вкусъ. Тетя пошла съ нами на лужокъ и сказала: «Теперь я вамъ расскажу хорошенькую побасеночку.

На одномъ лужкѣ стояли вмѣстѣ: осель и коза; осель ревѣлъ, коза мемекала, а па-стухья собака лаяла, теленокъ, который стоялъ тутъ же недалеко, ревѣлъ му!... Изъ этого вышла музыка незавидная и смѣрный ягненокъ, прибѣжавъ, сказалъ: «Господа, окажи-

те милость, не кричите такимъ благимъ матомъ, вѣдь это невыносимо! Роза отвѣчала: «Я ни въ чемъ не виновата; я мемекаю тихохонько и никого не затрогиваю.» Собака сказала: «Я человѣкъ смирный и кажется буяномъ не бывалъ, отъ моего лая, у васъ голова не заболитъ.» Ягненокъ оробѣлъ и обратившись къ теленку сказалъ: «Такъ, стало быть это вы, милостивый государь?» Теленокъ выпучилъ глаза на ягненка: «Я отъ роду ни съ кѣмъ ни слова не говорилъ, кромѣ *му или ме*, это словечко, я думаю не сшибетъ васъ съ ногъ.» Бѣдный барашекъ наконецъ обратился къ ослу: «Такъ ужъ, видно, это вы?» Оселъ важно взглянулъ на него: «*Іа, і-а, я!*» сказалъ онъ. Всѣ этому обрадовались: виноватый нашелся; оселъ самъ говоритъ: «это я!»

Мы всѣ засмѣялись и тетя съ нами. «Если эта сказочка вамъ нравится, то я могу вамъ рассказать много такихъ же.» И первую-же она обѣщала рассказать въ будущее воскресенье, тогда Виля ее запишетъ.—Приведши домой, я гладила на своихъ дѣтокъ. И давно

пора было: у нихъ все бѣлье и платье совсѣмъ перемялось. Поставивъ свой утюжокъ къ огню, я спросила Марію: «Что у насъ сегодня готовятъ?» Сперва она не хотѣла говорить, но потомъ шепнула: «Вишневый пирогъ.» Какъ я запрыгала! Это намъ большая радость; а я вовсе не ждала пироговъ. Теперь пора кончить; сейчасъ подадутъ кушать, а мнѣ еще надо руки вымыть, пригладиться и надѣть чистый воротничекъ. Сейчасъ мама пришла тутъ и говорить: «скорѣе, скорѣе, Маша, кто опоздаетъ, тому нѣтъ супа.

Нѣтъ, я остерегусь.

Маша.

ТРИНАДЦАТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Мнѣ кажется будто каждый день воскресенье, только что поспѣешь написать, какъ уже приходится начинать снова. Я пишу охотно, но иногда хотѣлось бы заняться другимъ.

Напередъ всего я разскажу, что насъ всѣхъ очень занимаетъ. У насъ въ деревнѣ есть старуха, у которой за мужняя дочь живетъ, съ дѣтьми, въ городѣ; старшую внучку, еще до году, бабушка взяла къ себѣ. Мы часто ее видали; ее зовутъ Анятой, и она славная дѣвченка. Бабушка живетъ въ хорошенькомъ домикѣ, въ саду у нее растутъ вишни и она часто насъ ими угощаетъ. Когда онѣ поспѣваютъ, то старушка ходитъ около нихъ и го-

няетъ птицъ, и если намъ случается проходить мимо ея саду, то мы всегда хлопаемъ въ ладоши и этимъ пугаемъ воробьевъ.

Бабушка очень любитъ свою внучку, но какъ только ей минуло четыре года, такъ мать потребовала ее къ себѣ. Услыхавъ это, Анята очень спокойно говорила: «Нѣтъ, бабушка, я отъ тебя не уйду.» Ей на это отвѣчала: «Вѣдь ты къ твоей матери ѣдешь, она тебѣ мать, ты должна у нее жить.» Но Анята только и твердила: «Нѣтъ, я отъ бабушки не уйду.» Она почти не помнила своей матери. Наконецъ за это взялись не шутя; Анята плакала, но на это не посматрѣли. Для четыре тому назадъ бабушка одѣлась въ праздничное платье, одѣла также и внучку, и онѣ вмѣстѣ поѣхали въ городъ. Анята всю дорогу плакала, ни слова не говорила и глядѣла по сторонамъ.

Пріѣхавъ въ городъ, бабушка повела ее къ матери, которая встрѣтила ее очень ласково и дала ей булочку. Поздно вечеромъ бабуш-

ка собралась домой, на прощаніе она взяла внуку на руки и крѣпко расцѣловала. Анюта же шепнула ей на ухо: «Бабушка, я къ тебѣ скоро опять прійду.» Но бабушка подумала: «нѣтъ, теперь не скоро свидимся.»

На другой день, послѣ обѣда, мать ушла со двора и оставила Анюту играть у воротъ; когда же она вернулась, то Анюты уже не было; мать ее звала, пскала, бѣгала къ сосѣдямъ, но никто не зналъ, куда Анюта дѣвалась. Наконецъ мать подумала, не украсть ли ее кто нибудь и пошла къ городничему рассказать, какъ дѣло было. Полиція послала искать ребенка, но его не нашли.

Мать проплакала всю ночь; мужъ ея былъ на заработкахъ и она, въ одиночествѣ своемъ, не знала что начать.

Наконецъ, на другой день, пришла бабушка и привела съ собою Анюту; тогда только дѣло объяснилось: бѣдняжка, какъ только мать ушла, сейчасъ же отправилась въ путь и нашла дорогу черезъ городъ, но въ полѣ за-

сталъ ее сплывшій дождь, отъ котораго она заползла въ оврагъ.

Дождь не переставалъ до вечера, стало смеркаться и Анята принялась плакать. Крестьянинъ, которому случилось проѣзжать по близости, услышалъ этотъ плачь, пошелъ осмотрѣться и нашелъ Аняту. Оказалось, что этотъ мужикъ былъ изъ одной съ нею деревни; онъ зналъ ее, ѣхалъ домой и разсудивъ, что покинуть ее здѣсь нельзя, въ городъ везти не по пути, рѣшился взять ее съ собою. Анята тотчасъ же улеглась на телегѣ, заснула и такимъ образомъ пріѣхала къ бабушкѣ, которая очень испугалась, увидавъ ее, зная, что мать будетъ о ней беспокоиться, какъ это и случилось.

На другой день она поцѣловала внучку и сказала: «Наятъ надо ѣхать въ городъ». Анята заплакала, но опять ничего не говорила; когда же онѣ пріѣхали въ городъ и бабушка опять собралась домой, Анята бросилась къ ней на шею и закричала: «Нѣтъ, нѣтъ, ба-

бушка, не уѣзжай, оставайся у насъ, я тебѣ отдамъ свою постельку, ты на ней будешь спать». Тогда и мать ея тоже сказала: «Оставайся у насъ, Анюта не можетъ безъ тебя жить, она слишкомъ къ тебѣ привыкла.»

И по этому бабушка, подумавъ, рѣшилась переѣхать къ дочери въ городъ. Теперь она продаетъ свой домъ и садъ. Анюта живетъ у матери и ожидаетъ тамъ свою бабушку.

Намъ этотъ случай очень нравится. Однако, рассказъ мой вышелъ такъ длиненъ, что теперь уже пора кончить.

Вчера былъ у насъ какой-то гость; онъ смотрѣлъ, какъ я кормилъ голубей; хотя это и не прежніе голуби, но все-таки я ихъ люблю, конечно не такъ какъ тѣхъ. Г. Россъ, такъ звали его, сказалъ мнѣ: «Слушай, братъ, коли хочешь, чтобы голуби у тебя велись, то тебѣ надо обзавестись парой купленныхъ, парой дареныхъ и парой краденыхъ.» «Нѣтъ, ужъ вѣрно у меня никогда не будутъ вестись голуби, потому что я не соглашусь украсть.»

Онъ засмѣялся и сказалъ: «Этому я повѣрю, ты, кажется, мальчикъ честный.» Потомъ мы съ нимъ говорили много о голубяхъ; онъ меня научилъ, какъ ихъ кормить и какъ съ ними обращаться. И подъ конецъ мы съ нимъ очень сдружились.

Г. Россъ очень любитъ шутить; въ этотъ день у Маши былъ гостя; къ ней пришла маленькая дѣвочка, Фанни, и онѣ хотѣли качаться, но сами никакъ не могли сладить и, глядя на это, г. Россъ имъ сказалъ: «Не стой передъ барышнями такимъ уволеннымъ; барышни требуютъ, чтобы имъ помогли.» Маша и Фанни такъ смѣялись надъ этимъ, что чуть не полетѣли съ качели. Я также смѣялся, но подъ конецъ сказалъ имъ: «Однако, вы меня не смѣйте такъ называть, вамъ я этого не позволяю.» Если бы я этого не сказалъ, то онѣ бы проохотали до ночи. Хорошо, что тетя Сусаны тутъ не было.

Г. Россъ много съ нами игралъ и мы съ нимъ лазили, бѣгали, прыгали, какъ учились

въ гимнастикѣ; онъ остался очень доволенъ братомъ, потому что Отто такой сорви-голова. Я же не люблю такого молодечества, за то и не такъ часто падаю, какъ онъ, а то, чему научился, знаю твердо.

Когда мы ходимъ гулять съ г. Флоромъ, то онъ собираетъ съ нами разныя растенія; это очень весело! Намъ папа подарилъ жестянки, въ нихъ то мы и собираемъ травы; а дома сушимъ ихъ въ оберточной бумагѣ и кладемъ подъ гнетъ, придавливая сначала легко а тамъ все сильнѣе и сильнѣе. Сутки онѣ лежатъ подъ гнетомъ, а чтобы онѣ не теряли краски, ихъ нужно осторожно переворачивать щипчиками. Возмъся съ этимъ очень весело хотя и хлопотно. Тетя Сусана зоветъ наше собраніе травъ *спловаломъ*, но тутъ ничего нѣтъ схожаго.

Сегодня мы были въ церкви; пасторъ говорилъ про отрока наинскаго; сначала это было очень грустно, но подъ конецъ, когда приходитъ къ нему Иисусъ, то все кончается

прекрасно! Пасторъ кончилъ словами: «съ Богомъ вездѣ хорошо, и если даже помощь Его не видима для насъ, то самое пребываніе Его успокоиваетъ наше сердце.» Это я очень хорошо понялъ.

Однако пора и кончить, я до того дописался, что у меня заболѣли пальцы.

Вильямъ.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Сегодня опять приходится мнѣ писать, чтобы очередь пришла въ порядокъ. Во всемъ этомъ виновать Отто, онъ такой вѣтряникъ, что изъ лишняго усердія ничего не слышитъ и не видитъ. У меня столько дѣла, что совсѣмъ нѣтъ свободнаго времени, а когда я это говорю, Отто помираетъ со смѣху. Братья думаютъ, что только то и важно, что они дѣлаютъ, нѣтъ, и у меня есть важныя дѣла.

Тетя Сусана рассказала намъ еще одну побасеночку и презабавную. Вотъ она: «Разъ какъ-то лебедь вздумалъ дать пиръ и уже все для этого приготовилъ, но разсыльный его, ля-

гушка, перепуталъ всѣ до одного приглашенія; лебедь тихо плавалъ по краю пруда, направляя прекрасную шею свою и поглядывая, не идутъ ли его гости; вдругъ, къ ужасу своему, увидѣлъ кукушку, ласточку, соловья, мухоловку, воробья и утку. Приглашалъ онъ изъ всѣхъ одну утку; что же дѣлать съ остальными, которые не плаваютъ?

Утка выступила впередъ, нырнула въ воду и шепнула лебедю: «Любезный товарищъ, что за гостей ты назвалъ! Что имъ на водѣ дѣлать?» «Другъ мой», отвѣчалъ лебедь, «я тоже говорю, что имъ дѣлать? Я думаю, что прислужникъ мой съ ума сошелъ; но какъ быть? Выйдемъ скорѣе на берегъ, теперь нечего больше дѣлать; всѣ эти почтенные бары перетонутъ, если мы къ нимъ не выйдемъ.» «Выходить?» спросила утка надувшись и прищурясь. Они вышли и лебедь привѣтствовалъ вѣжливымъ своихъ гостей, шепнувъ притомъ лягушкѣ: «Кого ты мнѣ назвалъ, негодяй? Приготовь же теперь червей и жуковъ на угощеніе; другихъ блюдъ они не кушаютъ.»

Однако, лебедю ходьба не понравилась, ему стало жарко и онъ предложилъ гостямъ своимъ идти въ тѣнь; онъ пошелъ съ уткою впередъ; гости шли за ними, но вскорѣ всѣ, по привычкѣ, разлетѣлись. «Куда же они всѣ дѣвались?» спросила утка, видя, что она осталась одна со своимъ другомъ. «А кто ихъ знаетъ,» отвѣчалъ лебедь. «Я знаю, я знаю,» отвѣчала кукушка, «что вамъ угодно?» «Ничего,» отвѣчалъ лебедь, «я желаю знать, гдѣ мои гости.» «Это я могу вамъ доложить,» сказала кукушка, «я сейчасъ ихъ всѣхъ видѣла: г. воробей, сидитъ на сучкѣ, разинувъ клювъ; г-жа ласточка кружитъ надъ прудомъ, играя съ мушками, а иногда и глотаешь ихъ; г-жа мухаловка бѣгаетъ, заглядывая подъ каждый кустокъ, даже не могу сказать, гдѣ она теперь, но если вамъ угодно, то я сейчасъ узнаю.» Говоря это, кукушка улетѣла. Лебедь и утка поглядѣли другъ на друга очень жалобно. «Чѣмъ же это кончится?» спросила утка. «А вотъ, я вамъ скажу,» отвѣчалъ лебедь и нырнулъ: «Всякъ сверчекъ знай свой ше-

стокъ!» Добренькая утка, однако, еще усомнилась, хорошо ли такъ принимать гостей? Но скоро послѣдовала его примѣру, и они вмѣстѣ отправились въ болото, гдѣ весело поужинали.

Съ тѣхъ поръ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это случилось, вошло въ поговорку гостей, которые не подходятъ къ хозяйну, называть лебяжьими гостями. Эта сказочка намъ очень понравилась и я сказала тетѣ: «Когда ты рассказываешь, то мнѣ всегда кажется, будто сами звѣри разговариваютъ.» Тетя меня поцѣловала и сказала: «Люблю я твое живое воображеніе.»

Ну будетъ, Отто можетъ дописывать, если хочетъ.

Маша.

ПЯТНАДЦАТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Я очень усталъ и потому радъ посидѣть на мѣстѣ и пописать свой дневникъ; усталъ же я оттого, что мы съ братомъ дѣлаемъ себѣ садъ и при этомъ, конечно, очень устаемъ.

Подлѣ большаго сада есть пустое мѣсто, которое намъ папа подарилъ; тамъ мы и устроимъ себѣ отдѣльный садикъ. Теперь у насъ самая трудная работа; мы окапываемъ его канавой, это не шутка! Мы купили на свои деньги: тачку, лопаты, грабли, кирки и т. д. Денегъ пошло много, да нечего дѣлать, надо было всѣмъ этимъ обзавестись.

Какъ только поспѣетъ валъ, такъ мы будемъ копать колодезь, который намъ сдѣлать

довольно легко, потому что не вдалекѣ протекаетъ ручеекъ, оттуда мы проведемъ къ себѣ канаву, а на концѣ ея выроемъ яму; вотъ и будетъ колодезь. Послѣ этого мы раздѣлимъ садъ пополамъ, на одной половинѣ будетъ: капуста, горохъ, бобы, салатъ, рѣдка, рѣдизка, огурцы, хрѣнъ и разные коренья; на другой: цвѣты, клубника, малина, крыжовникъ, смородина. Потомъ каждую изъ этихъ половинокъ мы раздѣлимъ еще пополамъ; одна будетъ моя, другая—братнина. Мы хотимъ сдѣлать также и Машѣ клубничную грядочку, но это отъ нея секретъ.

Мамочка приходитъ къ намъ каждый день и смотреть на наши успѣхи; тетя Сусана также бываетъ, но она приходитъ только для того, чтобы насъ подразнить. Она намъ часто говоритъ: «Вашъ садъ похожъ на Аравійскую пустыню, гдѣ нѣтъ ни травки ни воды.» Потомъ станетъ посреди сада и скажетъ: «Я индійская пальма.» А Отто спросилъ ее: «Если ты пальма, то что же мы такое?»— «Ты, мой милый, во всякомъ случаѣ, верблюдъ»

Я ужъ лучше о себѣ и не спрашивалъ. Хотя Сусана и дразнить васъ, но мы ее все таки очень любимъ.

На дняхъ былъ у насъ папинъ другъ, онъ пріѣхалъ изъ Алжира, гдѣ былъ на войнѣ, и рассказывалъ о разныхъ Аравійскихъ племенахъ, лошадяхъ и ихъ палаткахъ. Мы съ Отто слушали очень внимательно, а иногда и сами спрашивали.

Мамочкѣ онъ привезъ всякую всячину: пузырекъ розоваго масла въ малиновомъ бархатномъ золотошвейномъ чехлѣ, туфли шитые золотомъ и славный красный платокъ. Папѣ онъ привезъ разныхъ капскихъ растений, которыя нужно посадить въ горшки и поставить въ теплицу. Въ тотъ день какъ у насъ былъ этотъ гость, кажется въ четвергъ, нѣтъ въ среду, у насъ были за столомъ хорошіе свѣжіе финики, и когда онъ ихъ попробовалъ, то, отчаянно поморщившись, сказалъ: «Какъ вы можете ѣсть такую дрянь, здѣсь не знаютъ, что называется финиками; эти безвкусны и сухи, не то что у насъ въ Алжирѣ.» Папа

засмѣялся и сказалъ: «Нельзя же намъ всѣмъ за тобою ѣхать въ Алжиръ, для того чтобы поѣсть финиковъ; такъ какъ мы лучшихъ не знаемъ, то для насъ и эти хороши.

Послѣ Отто мнѣ сказалъ: «Да въ Алжиръ мнѣ бы хотѣлось съѣздить; если эти финики дурны, то каковы же должны быть тѣ.»

«Нѣтъ» отвѣчалъ я, «изъ за финиковъ ѣхать въ такую даль, я бы не согласился.» Но онъ думалъ ѣхать только подъ предлогомъ финиковъ, а въ самомъ дѣлѣ посмотреть на болѣе важныя рѣдкости, какъ: на разныя Мавритянскія племена, лошадей и сайгъ, на одежды, на высокія горы и безконечное синее море! Противъ этого мнѣ нечего было говорить, потому что для этого и я бы согласился ѣхать.

Г. Флоръ заставилъ насъ отыскивать на картѣ всѣ мѣста о которыхъ была рѣчь за столомъ, это намъ было очень весело, и о каждомъ мѣстечкѣ, г. Флоръ намъ что нибудь разсказалъ.

Въ Пятницу были здѣсь цыгане и расположились невдалекѣ отъ нашей деревни.

Вечеромъ намъ позволили съ г. Флоромъ итти посмотреть на ихъ хозяйство; ихъ было всего на всего 15 человекъ: 6 мужиковъ, 5 бабъ и 4 дѣтей; они расположились у дороги, на травѣ. У нихъ была огромная собака, которая возила точильный камень, навьюченный оселъ, два щенка, два поросенка.

Цыгане точили ножи а цыганки раскидывали палатки и готовили для ужина чашки и тарелки. Они ѣли за ужиномъ молоко, хлѣбъ, масло, сало и сыръ.

У Цыганъ были черные какъ смоль волосы и смуглыя лица; они были очень веселы и говорили на какомъ то языкѣ, котораго мы не могли понять. Мы съ Отто раздавали цыганятамъ по грошу. Одному щенку они сдѣлали ошейникъ изъ стараго чулка и привѣсили къ нему колокольчикъ. Надъ этимъ мы много смѣялись.

Теперь пора кончить.

Вильямъ.

ШЕСТНАДЦАТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Какъ жаль, что меня не пустили смотрѣть цыганскій таборъ! Но мама сказала: «Мальчики могутъ идти; а дѣвочкамъ это нейдетъ.» Братьямъ многое позволяютъ, чего мнѣ нельзя, и если бы я даже была ихъ лѣтъ, то и тогда бы мнѣ, какъ дѣвочкѣ, не все то можно было, что имъ.

Когда братья вернулись, то они много рассказывали; Отто говоритъ что у цыганъ, поросята ручные, они вмѣстѣ со щенятами все время бѣгали слѣдомъ за старухой въ полосатой юбкѣ; одинъ поросенокъ даже грызся со щенкомъ отгоняя его отъ хозяйки.—Г-нъ Флоръ бывалъ въ Испаніи, Венгріи и Поль-

шѣ, гдѣ много цыганъ: онѣ говорятъ, что они вездѣ ровны, вездѣ одинаково неопрятны и грязны. Въ Польшѣ и Венгріи они часто бываютъ музыкантами и иногда плясунами. Они рялятся ярко, пестро и иногда красиво; привѣшиваютъ, пуговицы, цѣпочки и колечки, иногда даже серебряныя и золотыя. Я спросила братьевъ не ворожила ли имъ старушка; но они говорятъ, что нѣтъ. Я думала, что цыгане всегда ворожатъ и берутъ за это деньги. Между ними есть и цегодаи; тутъ на селѣ одинъ разъ отъ нихъ домъ сгорѣлъ, и вотъ какъ это случилось: Цѣлая шайка цыганъ пришла въ избу и стала требовать сѣстнаго; хозяйка была одна, она имъ и дала молока, масла и хлѣба, тогда они потребовали и свинины; но женщина имъ сказала: «Мужа нѣтъ дома, а безъ него я вамъ свинины не дамъ, онѣ меня пожалуй забранить». «Цыгане не отставали отъ нее, но видя, что ничего не помогаетъ, стали браниться, хозяйка же храбро отстояла свое добро. Уходя одинъ изъ нихъ сказалъ: «Вспомнишь ты насъ,

и пожалѣешь что не дала свинины.» Женщина благодарила Бога, что негодая ушли, но черезъ часъ, домъ ея былъ весь въ огнѣ и никто не понималъ, какъ это могло случиться, но женщина увѣрена, что ее подожгли цыгане. Какіе это злые люди!

Теперь я расскажу, что было во вторникъ. У папы есть собачка, еще не ученая, и во вторникъ, когда я любовалась на птичьемъ дворѣ гусями и индюшками, вдругъ приближалъ Паролька, какъ бѣшеный; куры, гуси и индюшки засуетились, разбѣжались по угламъ, она за ними; я только и вижу, что перья летятъ во все стороны, и хочу кричать «Пароль,» но въ страхъ не могу припомнить ея кличку и только кричу голосомъ. Люди сбѣжались со всехъ сторонъ и прогнали Парольку, которую и наказали, но она уже заѣла хорошенькую маленькую курочку и многихъ порядкомъ пощипала! Отто говорятъ что птичій дворъ похожъ на поле битвы, на которомъ герой Паролька одинъ побѣдилъ всехъ и заставлялъ бѣжать съ поля сраженія. Мнѣ

было не до смѣха, я все думала о мертвой курочкѣ, но сказала: «Хороша побѣда, когда непріятель бѣжитъ еще до сраженія! «Отто отвѣчалъ: «Видишь-ли что: это сдѣлало славное его имя; великій полководецъ гонитъ непріятеля однимъ именемъ своимъ.» Теперь онъ Парольку зоветъ «Генераль Пароль» а иногда и просто генераль. Собаченка глядитъ на него въ недоумѣніи но ужъ и къ этой кличкѣ привыкаетъ. О большихъ перьяхъ, которыя лежатъ на дворѣ, Отто говоритъ, что это отнятое оружіе, а о маленькихъ, что это плѣнные. Онъ всегда что нибудь выдумаетъ, чтобы насъ съ Вилей разсмѣшить.

На будущей недѣлѣ у насъ будетъ большая радость: на селѣ Blumenдорфъ будетъ ярмарка; папа съ мамой поѣдутъ туда послѣ обѣда и дадутъ намъ немного денегъ чтобы позабавиться. Какъ это будетъ весело!

Маша.

СЕМНАДЦАТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Сегодня опять моя очередь и у меня всегда есть о чемъ писать: со мною бываетъ много приключеній, а обо всемъ что случается можно и рассказывать. Мамочка говорить: кто пишетъ дневникъ тотъ учится собираться съ мыслями. «Но кажется со мною этого не бываетъ, потому-что г. Флоръ почти каждый день говоритъ мнѣ: «Ты напередъ никогда не соберешься съ мыслями, когда хочешь что нибудь рассказать.» Да, за это мнѣ часто достается.

Но вотъ я начинаю какъ порядочный человекъ.

Понедѣльникъ. Не могу сказать ничего хорошаго про этотъ день; мнѣ досталось за слиш-

комъ короткое сочиненіе. Вообще, понедѣльникъ тяжелый день, всѣ непріятности случаются со мною по понедѣльникамъ и г. Флоръ говоритъ будто бы это потому, что я много бѣжусь въ воскресенье и ни объ чемъ не думаю. Но воскресенье славный день, имъ нельзя не воспользоваться. Въ понедѣльникъ только и было хорошаго, что я вытащилъ изъ канавы маленькаго мальчика, который влѣзъ туда по глупости. Со двора я услышалъ какой то визгъ и долго бѣгалъ, покуда понялъ наконецъ откуда это; мальчишка стоялъ въ водѣ, по самый поясъ. Я, разумѣется, вытащилъ его сейчасъ же и провелъ его къ ключницѣ; она раздѣла его, уложила въ свою постель, напоила горячимъ и высушила его платье. Потомъ его отвели къ матери. — Въ понедѣльникъ Якимъ порѣзалъ косяю ногу: онъ до сихъ поръ лежитъ и мы съ Вильмомъ и съ Машей, носимъ ему, въ свободное время, разные припасы; мама всегда приказываетъ накладывать ему полную корзину.

Вторникъ. Ученье шло хорошо; я зналъ всѣ уроки и потому былъ очень веселъ.—

Вильмъ назвалъ меня вѣтрогономъ и я далъ ему пощечину, но онъ этимъ почти вовсе не обидѣлся и потому все прошло благополучно. Послѣ я объ этомъ жалѣлъ, кажется больше чѣмъ онъ самъ. Жара теперь стоитъ страшная, но не смотря на то, мы вечеромъ поработали въ саду. Садъ раздѣленъ у насъ на три раздѣла: на огородъ, цвѣтникъ и плодовый садъ, гдѣ уже не сажаютъ ничего кромѣ плодовыхъ кустовъ и деревьевъ.

Сначала Вильмъ непремѣнно хотѣлъ дѣлиться, а я этого не хотѣлъ, потому что тогда участки вышли бы слишкомъ малы.

Мы, было, заспорили, но онъ вдругъ притихъ; я понялъ почему и сказалъ: «Ты вѣрно думаешь что я хочу хозяйничать вмѣстѣ, чтобы распоряжаться всѣмъ одному, но этого не будетъ, вотъ тебѣ честное слово; когда я обещаю что нибудь, не шутя, то ты и самъ знаешь, что слово мое крѣпко.» Мы подали другъ другу руку и онъ былъ очень веселъ и доволенъ. Теперь среди лѣта не пора для посадокъ, да

къ тому же и садъ еще въ безпорядкѣ, но осенью дѣло пойдетъ не шутя.

Среда. Въ этотъ день били скотину. Поутру мы знали уроки, какъ по ниточкѣ, отобѣдали раньше обыкновеннаго, велѣли запрягать лошадей, набрали денегъ въ карманы и поѣхали въ Blumenдорфъ. Просто чудо какъ намъ было весело. Мы дорогой такъ расходились, что мама говорила нѣсколько разъ: «Сегодня Вильмъ и Маша дурачатся не хуже тебя monsieur Отто; если вы теперь такъ бѣситесь, то у васъ и силъ не станетъ когда придетъ настоящая радость.» Не станетъ силъ! Да я силенъ какъ медвѣдь, когда мнѣ весело, но мама этому не вѣритъ.

Мы приѣхали въ четыре часа, но тамъ уже началось веселье съ самаго утра; толпа такъ и носилась по всѣмъ улицамъ; вездѣ слышалась музыка, — было весьма весело!

Отецъ и мать пошли съ тетей Сусаной къ пастору, съ которымъ они также знакомы, а мы, разумѣется, на рынокъ. — Мы съ Вильмомъ пошли впередъ, а г. Флоръ взялъ Машу

за руку и пошелъ за нами. — Рынокъ тамъ просто площадь посреди деревни; на площади этой разставлены лотки и балаганы; почти черезъ каждые два балагана продаются пряники.

Маша останавливалась передъ каждой пряничной лавкой и глаза ея открывались съ каждымъ разомъ все больше и больше: «У тебя есть деньги», сказалъ г. Флоръ, «если хочешь купить себѣ пряниковъ, то выбирай, что тебѣ нравится.» — Маша зашла въ большой балаганъ и сначала осматривала молча, потомъ стала показывать пальцемъ, то на то, то на другое, и спрашивать что оно стоитъ?

Она долго выбирала и торговалась, но г. Флора это забавляло и онъ и нисколько не торопилъ. Наконецъ она купила конфетъ и пирожного. Мы съ Вильмомъ подарили ей еще нѣсколько пряниковъ и двѣ плиточки шоколаду; этому она очень обрадовалась. Впрочемъ, вѣдь и мы такіе же люди и могли проголодаться проѣхавъ двѣ мили. Мы купили пирожковъ съ вишнями и сливами и по-

ѣли ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Потомъ пошли мы изъ одной лавки въ другую; вездѣ была толпа и мы толкались и толкали; Вильмъ только оборонялся сколько нужно, а я немного побольше.

Мы накупили много кое-чего; я купилъ аспидную доску, вѣчный календарь, лейку и еще всякой всячины въ гостинецъ людямъ: два платка, лентъ, пряниковъ и трубку для нашего человѣка. Мама сказала: «можно-бы обойтись безъ трубки, я-бы желала, чтобы онъ не курилъ.» Вильмъ накупилъ почти тоже самое, но только трубку онъ подарилъ кучеру, а вмѣсто лейки онъ взялъ кадочку для голубинаго корма.

Когда мы кончили эти покупки, мы зашли къ пастору за тетей; мы собирались итти смотрѣть на обезьянъ и другихъ звѣрей и она велѣла намъ зайти за нею. Мы пошли и тетя была весела какъ обыкновенно.»

«Безтолковые мальчишки,» сказала она, «для чего вамъ было бѣжать сейчасъ на рынокъ? Безъ васъ насъ потчивали самымъ луч-

шимъ кофеемъ съ разнымъ печеньемъ и вы бы наѣлись пирожного, сахару и сливокъ безъ учета, потому что въ базарный день никого не усчитываютъ.» Но тетя ошиблась и вскорѣ увѣрилась, что это не такъ.

Звѣрей показывали подъ открытымъ небомъ на низкомъ мѣстѣ, такъ что дома стояли выше, и лавки были разставлены также на пригоркѣ. Мы сѣли, я—нѣтъ, не хочу начинать съ себя: тетя Сусана, г. Флоръ, Вильмъ, Маша и я.

На звѣрей почти не стоило смотрѣть. Дорогой Маша все спрашивала, есть ли тамъ львы, гіены и барсы, и не тронуть ли они насъ. Теперь можно было успокоиться, потому что показывали только стараго осла, нѣсколькихъ обезьянъ и сердитаго, угрюмаго медвѣдя. Вотъ и весь звѣринецъ.

При этихъ звѣряхъ было еще три человѣка, которые показывали фокусы; обезьяны мнѣ понравились больше ихъ, онѣ такъ забавны и вертлявы! Да еще такія рожи корчатъ, что у нихъ можно поучиться. Хозяева кричали,

какъ будто не могли справиться съ цѣлымъ звѣринцемъ; мы смѣялись надъ обезьянами, а крестьяне, которые стояли внизу вплоть у звѣрей, хохотали еще громче. Вдругъ всѣ затихли и потомъ громко закричали и заспорили; крестьяне схватили одного изъ хозяевъ за куртку и тащили его вонъ; мы не могли понять за что.

Господинъ Флоръ позволилъ намъ съ Вильмомъ сходить и освѣдомиться, что онъ сдѣлалъ. Вышло что онъ провинился не на шутку. Онъ вытащилъ у одного изъ крестьянъ серебряные часы изъ кармана и послѣ сознался, что воспользовался именно нашимъ приходомъ, когда всѣ стали смотрѣть на «барчатъ». Но крестьянинъ спохватился еще во время и заподозрѣлъ фокусника.—Всѣ мы очень удивились этому происшествію, особенно тому, что мы-же были виноваты въ этой покражѣ.

Послѣ этого мы еще тамъ погуляли нѣсколько времени, потому что мѣстность очень хороша; оттуда видна вся окрестность. Тетѣ Сусанѣ захотѣлось покататься по водѣ и я

сбѣгалъ въ пасторскій домъ, спросить у отца и матери, будетъ ли намъ время и позволятъ ли они; они позволили и всѣ очень обрадовались, когда я воротился съ этимъ извѣстіемъ. Рѣка тамъ очень широка; мы выбрали на берегу хорошенькую лодочку у стараго сѣдаго моряка, который гребъ вмѣстѣ съ сыномъ и прокатилъ насъ очень далеко; сначала они гребли а потомъ поставили парусъ и поѣхали просто чудо какъ хорошо!

Старикъ былъ прежде лоцманомъ и въ молодости побывалъ въ восточной и западной Индіяхъ и въ Африкѣ; онъ много разсказывалъ, даже говорилъ немного по французски и по англійски. Французовъ онъ называлъ францами, а англичанъ — инглишами. — Г. Флоръ спросилъ, какъ лоцманы объясняются съ португальцами, испанцами и другими народами; вѣдь они же не могутъ знать всѣхъ языковъ на свѣтѣ. Старикъ отвѣчалъ, что почти на всѣхъ корабляхъ, *кокз* или поваръ говоритъ по англійски, потому что ходить на берегъ за покупками, также и каждый

лоцманъ знаетъ по англійски на столько, чтобы по нуждѣ объясниться.

Какъ намъ было весело какаться! Тетя Сусана пѣла пѣсенку, которая начинается такъ:

Взбѣгаетъ пѣна тутъ и тамъ,
Плыветъ корабликъ по волнамъ,
И тихо и проворно.
Вздуваетъ вѣтеръ паруса,
Надъ головами небеса,
Спокойны и просторны!

Остальные стихи я позабылъ. Наконецъ солнце сѣло, какъ тетя сказала: «въ золотѣ и въ розахъ», и взошелъ мѣсяцъ — все чудесно!

Когда мы воротились къ пастору, намъ дали молока, хлѣба съ масломъ, пирожковъ и плодовъ. Пасторъ былъ очень привѣтливъ и сказалъ, что если намъ въ самомъ дѣлѣ тутъ понравилось, то надобно пріѣзжать опять поскорѣе, и взять съ собою удочки, потому что въ лодкѣ можно удить. Мы прыгали отъ радости, когда только объ этомъ думали.

Домой мы пріѣхали очень поздно, почти въ полночь; г. Флоръ былъ въ лѣтней бѣлой одеждѣ и ночью сидѣлъ между нами, какъ привидѣніе.

Четвергъ. Я, разумѣется, учился очень прилежно, такъ что г. Флоръ даже удивился и сказалъ: «Видишь ли, какъ ты можешь учиться, когда захочешь.» Но послѣ такого удовольствія стыдно лѣниться.—День прошелъ обыкновеннымъ порядкомъ; вечеромъ мы пробовали новую лейку, а поутру раздавали гостинецъ, который привезли наканунѣ. Маша купила катихизисъ мальчишкѣ, который пасть гусей, а мы — пряниковъ.

Пятница. Обыкновенный день; мы учились, играли, ѣли и пили. Вечеромъ мы пошли въ лѣсъ за малиной и напали на такую пропасть ягодъ, что не могли ихъ обообрать. Мы собираемся ходить туда почаще.

Суббота. Такой же день какъ пятница; вечеромъ также собирали малину и принесли домой цѣлую корзинку.

Воскресенье. Про воскресенье не скажу ничего, потому что у меня и безъ того пальцы не разгибаются.

Отто.

ОСЬМНАДЦАТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Брату пришлось описывать нашу поѣздку въ Блументаль; такихъ веселыхъ дней у насъ бываетъ не много; я былъ бы радъ, если бы мнѣ это пришлось описывать. Всего веселѣе было катанье по водѣ; мнѣ кажется, я бы могъ цѣлый день кататься.

О прошломъ воскресеньи Отто не сказалъ ни слова. Часу въ шестомъ мы всѣ, втроемъ, пошли съ тетей Сусаной въ рощу, что у насъ за садомъ; тамъ мы собирались завтракать.

Дарья живетъ не вдалекѣ отъ этого мѣста. Она развела намъ огонь и дала намъ котелокъ, кофейникъ, чашки и тарелки. Тетя купила у нее также молока и масла, чтобы не

нести это все съ собою; кофе, чай, сахаръ мы сами принесли. Столъ и лавки тамъ уже есть. Намъ было очень весело и мы много смѣялись; особенно много смѣху было, когда начали варить кофе: мы съ нимъ не могли сладить и онъ безпрестанно уходилъ. Когда же наконецъ сладили и сѣли завтракать, то тетя Сусана сказала: «Несчастные сони наши, которые остались дома, не знаютъ, каково весеннее утро.» Отто сказалъ: «Да, тетя, но я очень радъ, что ихъ нѣтъ, иначе на всѣхъ насъ, пожалуй, не достало бы завтрака.» Надъ этимъ тетя много смѣялась: «Ты всегда думаешь о существенномъ.»

Тетя Сусана взяла съ собою молитвенникъ и послѣ завтрака мы пѣли изъ него; въ лѣсу же это было такъ хорошо. Послѣ намъ тетя прочитала одну главу изъ библіи и потомъ мы пошли домой, потому что становилось жарко.

Мы съ Отто рисовали планъ нашего двора, подъ надзоромъ г. Флора. Планъ этотъ долженъ поспѣть къ папиному рожденію; онъ

раздѣленъ пополамъ, одну половину рисую я, а другую Отто. Маша также хотѣла намъ помогать, но мы уже все разобрали, и ей остался одинъ скотный дворъ, который стоитъ совсѣмъ отдѣльно отъ остальныхъ строений. Сперва она важничала и не хотѣла рисовать, но теперь она очень усердно работаетъ. Отто хохочетъ до упада надъ свиньями и поросенками, которыхъ она на дворѣ рисуетъ; она этимъ очень обижается и говорить: «Тебѣ нечего надъ ними насмѣхаться, это точно настоящіе поросята.» Однако, этимъ она не можетъ убѣдить Отто; онъ ей каждый разъ совѣтуетъ ставить одни черныя пятна на мѣсто поросятъ. Отто, Маша и я ходили опять къ Якиму и отнесли ему корзинку съ съѣстными припасами. Когда мы пришли, то онъ лежалъ на постелѣ; нога у него еще очень плоха. Въ домикѣ было очень чисто и опрятно, не смотря на то, что жена его уже старуха, чуть ли не однихъ лѣтъ съ нимъ. Когда мы собрались домой, то старушка положила въ нашу коробку, какой то бѣлый сыръ, и про-

сила насъ отнести его мамѣ; «она любила этотъ сыръ когда была еще барышней,» прибавила старушка. Мама была этимъ очень тронута.

Мама намъ часто рассказываетъ о своемъ дѣтствѣ, и это мы очень любимъ. Она говоритъ, что отецъ и мать Якима хозяйничали у нашего дѣдушки и бабушки. Бабушка позволяла своимъ дѣтямъ ходить къ нимъ въ гости, потому что они были славные люди. Мамочка помнитъ въ саду одну яблонь скоро спѣлку, и когда съ нея собирали яблоки, то маму отпускали на вечеръ *въ гости къ Якиму*. Ей было это большимъ праздникомъ, потому что въ этотъ день она ѣла у нихъ яблочный кисель со сливками. Мама говоритъ, что яблоки эти очень сладки, но не вкусны; она и теперь охотно бы ихъ поѣла, если бы могла достать, только для памяти.

Мамочка до сихъ поръ не можетъ безъ смѣха вспомнить, какъ ей разъ подарили мѣховую красную атласную шапочку, обшитую бѣлымъ снуркомъ, и какая ей была радость,

на другой день надѣть ее и отправиться въ ней къ старикамъ, которые очень любили мамю и шапкую. Весной они ей приносили самыхъ раннихъ фіалокъ.

Сыръ, который мы принесли, мама разрѣзала и дала намъ всѣмъ по кусочку; мы спросили мамочку: «Тебѣ нравится этотъ сыръ?» «Нѣтъ. не очень, но я ѣмъ не сыръ, а воспоминаю о дѣтствѣ, и потому онъ мнѣ кажется очень вкусенъ.»

На этой недѣлѣ ничего особеннаго не было; мы очень хорошо забавлялись, много качались, бѣгали, играли и хорошо учились. Я велѣлъ на свои деньги вычистить полъ въ голубятнѣ и каждый день радуюсь на кадочку, которую купилъ для корма; она стоитъ на дворѣ и всегда закрыта крышкой; если я не приду кормить голубей въ назначенный часъ, то они всѣ слетаются на кадку и ждутъ меня, а когда я прихожу, то это такая радость, что они всѣ, какъ по командѣ, вспархиваютъ и сейчасъ же опять опускаются на землю,

и такъ смирны, что садятся ко мнѣ на плеча и бѣгають по ногамъ.

Больше тридцати голубей мнѣ папа не позволяетъ держать; лишнихъ я долженъ продавать, а на вырученныя деньги, покупать кормъ; но этихъ денегъ у меня далеко не достаетъ! Мнѣ помогаетъ мамочка, а иначе мнѣ плохо бы приходилось, вѣдь они ѣдятъ порядкомъ.

Я не могу понять, отчего Отто не заведетъ никакихъ звѣрей; я его разъ спросилъ объ этомъ, но онъ мнѣ отвѣчалъ: «Подожди, когда я состарѣюсь, т. е. лѣтъ въ четырнадцать, и я обзаведусь чѣмъ нибудь, а теперь я бы только забывалъ ихъ кормить а съ голоду морить грѣшно.» Но мнѣ кажется что безъ голубей я бы совсѣмъ соскучился.

Вильямъ.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Сегодня у меня опять набралось много о чемъ рассказывать. Братья, главное, все оставляютъ меня, а вѣдь я младшая. Впрочемъ это не ихъ вина; то, что мнѣ пришлось рассказывать, случилось на моей недѣлѣ.

Во вторникъ было папино рожденъе. Въ этотъ день мы вѣнковъ не плели, потому что онъ ихъ не любитъ; я только сплела крошечный вѣночекъ изъ незабудокъ и, въ честь этого дня, повѣсила его на крыльцо. Когда папа его увидалъ, то улыбнулся. Прежде всего мы его поздравили и онъ всѣхъ насъ обнялъ и поцѣловалъ, потомъ мы пришли со своими подарками. Я папѣ вязала кошелекъ и от-

дала планъ скотнаго двора. Папѣ и то и другое очень понравилось. Онѣ, глядя на картинку, спрашивалъ обо всемъ, что это значить, и когда я ему толковала, то онѣ все узнавалъ, даже поросенокъ, надѣ которыми Отто такъ смѣялся.

Рисунки братьевъ ему также очень понравились. Но вотъ что было прекрасно: тетя Лиза пріѣхала со своими тремя дѣтьми, съ Вилею, Ёдею и Аделью. Этому мы очень обрадовались и ничего больше не ожидали, какъ вдругъ папа насъ повелъ въ садъ, на лужокъ; тамъ посреди стоялъ большой горшокъ, вверхъ дномъ. Тогда папа сказалъ: «Сегодня вы будете играть въ новую игру: бить горшки: каждый изъ васъ, съ завязанными глазами и съ палкою въ рукахъ, становится противъ горшка и бьетъ по немъ; кто промахнется, того отводятъ на прежнее мѣсто; если кто въ три раза не разобьетъ горшка, то смѣняется другимъ, если же разобьетъ, то получаетъ награду.» Ахъ, какъ мы радовались! Я все кричала отъ радости, а по-

томъ сказала: «Душка, папа, вѣдь сегодня твое рожденіе.» «Оттого-то я васъ и хочу потѣшить,» отвѣчалъ папа. Милый папа, намъ было такъ весело, такъ весело!

Насъ повели къ скамьѣ, гдѣ стояла корзина съ выигрышами. Какія хорошенькія вещи! Сахарныя и фарфоровыя куколки, театры, аспидныя доски, карандаши, перья, цвѣтная бумага, чашки, стаканчики! Наконецъ стали считаться, или, какъ братья теперь это называютъ, «каниться»; двоюродный братъ Виля считалъ:

«Одіанъ, другіанъ, троичанъ, черичанъ, паданъ, ладанъ, дукманъ, левурда, дыкса.»

Отто вышелъ первый; папа завязалъ ему глаза, повернулъ, далъ палку въ руки и поставилъ на мѣсто. Отто очень храбро разлетѣлся, будто видѣлъ что нибудь (но онъ ничего не видалъ) и хлопъ! три раза мимо!

Всѣ мы били поочередно, а когда папа мнѣ сталъ завязывать глаза, то я сказала: «Папа, папа, я вижу.» А онъ меня поцѣловалъ и сказалъ: «Честная дѣвочка.»

Это очень веселая игра: мы всѣ промахивались, но подѣ конецъ всѣ выиграли хорошенькія вещички. Мальчики до того наметались, что мамѣ пришлось поставить еще три горшка, кромѣ тѣхъ, которые она уже заранѣе намъ приготовила; а когда и эти три были разбиты, то уже били по черепкамъ, такъ имъ эта игра понравилась.

Наша собаченка Минка насъ очень смѣшила: какъ только кто возьметъ въ руки палку (но это была не палка, а метловище), такъ она и прячется подѣ скамью, а когда били по горшку, то она такъ визжала, какъ будто ее бьютъ. Это насъ очень смѣшило, хотя мнѣ и жаль было ее, да вѣдь ее никто не трогалъ, о чемъ же она, тлупая, визжала?

Я выиграла фарфоровую обезьяну, чашку бѣлую, съ розой, и сахарныхъ куколокъ. По настоящему, я выиграла тетради и другія письменныя вещи, но братья вымѣняли у меня ихъ на сахарныя куклы; надо же имъ сдѣлать удовольствіе; впрочемъ, и для меня это было лучше.

Намъ было очень весело, и за обѣдомъ былъ пирогъ и шампанское; когда его стали разливать, то папа сказалъ: «Давай скорѣе свой наперстокъ, Маша, и ты будешь пить съ нами.» Я побѣжала и принесла наперстокъ; всѣ смѣялись, но мнѣ дали въ рюмку, одну пѣну.

Отто меня все дразнилъ, говоря тихонько: «Маша, не ѣшь лишняго, какъ на Вилино рожденъе.» Я очень хорошо знаю, что я тогда слишкомъ много пила, но шампанскаго я могу много выпить. Послѣ обѣда я нарочно много ходила, чтобы всѣ видѣли, какъ я крѣпка на ногахъ.

Маленькая Адель такъ чокнулась рюмкой, что рюмка разлетѣлась въ дребезги. Адель подошла къ папѣ и сказала: «Не сердись, что рюмка разбилась!» «Нѣтъ, на рюмку я очень сержусь, а на тебя нисколько.» Я объ этомъ очень много смѣялась.

Когда мы отобѣдали, папа сказалъ: «Ну, теперь осталась вамъ одна забава, а тамъ три часа ученья у г. Флора.» Я сейчасъ смѣтила, что

папа шутить, но у братьевъ лица вытянулись и они молчали; я запрыгала и сказала: «Папа шутить, папа шутить!» Онъ меня поцѣловалъ и сказалъ: «Не стыдно ли вамъ, большимъ мальчишкамъ, что крошка умнѣ васъ!» Тутъ они опять повеселѣли.

Вчера охотникъ ходилъ съ Паролькой на птичій дворъ, но впередъ такъ распорядился, что тотъ только косился на индѣекъ, но не трогалъ ихъ. Я думаю, онъ бы и радъ, да не смѣетъ. Вѣрно и индѣйки, гуси и куры думали тоже, потому что они очень безпокойно забѣгали, когда увидали его.

Но будетъ.

Маша.

ДВАДЦАТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Я начинаю по порядку, какъ порядочный человѣкъ.

Понедѣльникъ. Не знаю, что сказать про этотъ день, кромѣ развѣ того, что тетя Сусана рассказала намъ сказочку.

Жила когда то такая волшебница, которая обращала въ разноцвѣтные пузырьки и стеклянки всѣхъ людей, которые ей не нравились.

Несчастные эти жили въ огромномъ стеклянномъ дворцѣ и красовались на великолѣпномъ черномъ бархатномъ коврѣ.

Нѣкоторые изъ нихъ были украшены позолотой и разноцвѣтными камнями, что придавало имъ много блеску; но только имъ

и было радости; они вели самую несносную, скучную жизнь, потому что не смѣли двинуться съ мѣста. Когда имъ иногда хотѣлось шепнуть другъ другу слово, они нагибались и едва замѣтно трогали другъ друга—сейчасъ раздавался громкій звонъ и волшебница являлась съ приказаніемъ стоять смирно.

Такъ проходили годы, и вотъ, однажды волшебница сама про себя сказала: «Кажется, пузырьки и стклянки привыкли наконецъ къ порядку и я могу ѣхать повеселиться на время. Они уже позабыли прежнюю свободу свою, не посмѣютъ тронуться съ мѣста.» Такъ думала волшебница; и хотя волшебницы всегда умны, однако, она на этотъ разъ ошиблась.

По отъѣздѣ ея, пузырьки и стклянки и не думали стоять на мѣстѣ, какъ она ожидала. Вскорѣ слышался тихій звонъ, который становился все громче и громче и прозвонивъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ, они рѣшились прожить денекъ для своего удовольствія, а вечеромъ потанцовать, сколько душѣ угодно. Однако, балъ довольно затруднитель-

ная забава для стеклянныхъ дамъ и кавалеровъ.

Вблизи стеклянаго дворца жилъ крошечный фарфоровый флакончикъ, человѣкъ военный, у котораго было очень небольшое знакомство, а лучшимъ другомъ его была грѣлка. Видѣть ихъ вмѣстѣ было, разумѣется, очень забавно, особенно, когда хорошенькій маленький офицеръ шелъ подъ ручку съ огромной, муругой грѣлкой. Онъ же не смотрѣлъ на ея наружность, а только смотрѣлъ на сердце, которое у нее, разумѣется, было теплое.

Проворный крошечный офицеръ, который очень любилъ танцевать, сейчасъ пронюхалъ балъ въ стеклянномъ дворцѣ и отправился туда съ визитомъ. Пузырьки и стклянки принимали его довольно холодно; они думали: «Насъ видно насквозь, а въ него не заглянешь; какъ знать, что затѣваетъ фарфоровый пузырекъ?» Но маленький офицеръ такъ ловко сладилъ дѣло, что его все таки пригласили вмѣстѣ съ дамой, т. е. съ грѣлкой. Самъ же онъ думалъ: «Всѣ здѣшнія дамы такъ

нѣжны и хрупки, что я боюсь разбить ихъ шпорамъ: если же я невзначай и толкну свою пріятельницу, то она этимъ не смутится, и у меня будетъ дама для всѣхъ танцевъ.

Когда вечеромъ офицеръ показался на балу со своей грѣлкой, которая, рядомъ съ нимъ, казалась еще толще и не уклюже, то всѣ остальные отступили и разсудили, что онъ вводитъ къ нимъ гостей низкаго общества.

Офицеръ въ смущеніи оглядывался въ лорнетъ, но когда заиграли галопадъ, онъ смѣло обхватилъ свою даму и полетѣлъ и закружился, таща за собою грѣлку, которая твердо попадала въ тактъ, но въ то же время наводила ужасъ на всѣхъ танцующихъ.

О грѣлкѣ можно сказать много хорошаго, но ей не слѣдуетъ являться на балъ, и эта несчастная скоро почувствовала, что ей тамъ не мѣсто; она внутренно до того разгорѣлась, что ей чуть не сдѣлалось дурно отъ жары; она потеряла равновѣсіе, упала, уронила своего кавалера, а затѣмъ и еще съ десятокъ

другихъ пузырьковъ, такъ что осколки разлетѣлись по всему полу.

Всѣ перепугались. — Грѣлка сейчасъ же встала въ добромъ здоровьи; товарищъ ея прихрамывалъ и жаловался, что переломалъ всѣ ребра, но въ то же время изъ черепковъ вышли принцы и принцессы, молодые люди и дѣвушки, словомъ, то, чѣмъ они были прежде. Нѣсколько минутъ они простояли въ удивленіи, потомъ принялись прыгать и хлопать въ ладоши отъ радости, покуда, наконецъ, не вспомнили о своихъ товарищахъ. Тогда они бросились на этихъ, подкидывали, топтали и били ихъ безъ пощады; черезъ нѣсколько минутъ въ стекляномъ дворцѣ не осталось ни одного пузырька, а только множество молодыхъ, веселыхъ людей, которые вскорѣ разошлись всѣ по своимъ домамъ.

Грѣлка въ удивленіи переглядывалась со своимъ офицерикомъ: «Вотъ вамъ и забава,» сказала она, «я въ жизнь свою больше на балъ не поѣду, да и вамъ оно также не къ лицу.» «Вотъ какъ!» воскликнулъ тотъ, обидчиво вски-

нувъ голову и потирая колѣно, «знаете-ли вы, что безъ меня и моей братіи никакой порядочный балъ не состоится; только съ вами мнѣ быть тамъ не къ лицу, вотъ въ чемъ моя ошибка!» — Грѣлка была добра и уживчива и потому не отвѣчала ему ни слова, и пошла домой. Оба они вошли въ поговорку и когда какая нибудь пара дурно танцуетъ на балѣ или не подходитъ подъ стать другъ къ другу, то часто говорятъ, что это грѣлка съ пугырькомъ. Грѣлка также не ушла отъ мести волшебницы. Только по проискамъ волшебницы ее болѣе не приглашаютъ ни на какіе праздники и гдѣ бы она не являлась, ее принимаютъ холодно.

Въ этой сказкѣ такъ и видно тетю Сусану! Но теперь я уже такъ много написалъ, что окончу остальные дни наскоро.

Вторникъ. Былъ довольно хорошій день; мы всѣ трое учились очень хорошо и линейка во все время покоилась у г. Флора.

Вечеромъ мы удили на пруду и хотя ничего не поймали, но намъ, не смотря на то, было очень весело.

Среда. Поутру, до завтрака, намъ позволили съѣздить съ кучеромъ на мельницу. Я сидѣлъ на мѣшкѣ съ рожью и мнѣ было такъ весело, какъ королю на тронѣ. Вильму кучеръ давалъ иногда править, потому, говорилъ онъ, что Вильмъ такой *разсудливый*. Впрочемъ, въ сравненіи со мною, братъ вѣдь уже старикъ. Покуда складывали мѣшки, мельникъ показалъ намъ грушевое дерево скороспѣлку и велѣлъ его трясти; при этомъ, однако, Вильмъ не отличился разсудливостью; я только одинъ и взялъ въ карманъ двѣ груши, для бѣдной Мани, которую не пустили съ нами.

Четвергъ. Ученье шло хорошо. За обѣдомъ были баварскія клецки съ ягодами; это мое любимое кушанье. Вечеромъ мы удили но ничего не поймали.

Пятница. Ученье шло не особенно хорошо, такъ сякъ, кое-какъ. — Мнѣ пришлось досиживать лишній часъ; просто бѣда! — Ве-

черомъ удил и поймали колюшку, которую съѣла наша кошка.

Суббота. Г. Флоръ былъ нами доволенъ и поставилъ хорошіе балы. Мы работали въ саду, гуляли, а вечеромъ обирали яблони.

Воскресенье. Сегодня я успѣлъ только позавтракать и пописать въ дневникъ.

Отто.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Сегодня намъ было очень скучно; я получилъ изъ города письмо отъ своего друга Конрада; онъ мнѣ пишетъ, что одинъ его знакомый мальчикъ, котораго мы также знаемъ, утонулъ на дняхъ. Его звали Альфредомъ; онъ былъ очень милъ и всѣ, кто его только зналъ, его очень любили.

Около ихъ сада протекаетъ рѣчка, вокругъ нея обведена невысокая ограда. Альфреду хотя и позволяли быть тамъ, но только подъ надзоромъ старшаго брата, Карла. Разъ они играли тамъ, какъ вдругъ Карла позвали на минуту домой, чтобы портному снять съ него мѣрку; уходя, онъ закричалъ: «Альфредъ, не подходи къ рѣчкѣ, я сейчасъ вернусь.»

Черезъ нѣсколько минутъ онъ приходитъ въ садъ, ищетъ Альфреда, но его нигдѣ нѣтъ; онъ бѣжитъ къ рѣкѣ, и тамъ нѣтъ. Несчастный Карлъ не знаетъ, что дѣлать. Братъ его, должно быть, утонулъ; но какъ это сказать отцу и матери? Наконецъ онъ рѣшается; всѣ выбѣгаютъ въ садъ, бѣгаютъ, ищутъ; отецъ взялъ лодку и сталъ шарить въ водѣ, но нигдѣ не нашли.

Всѣ утѣшались тѣмъ, что можетъ быть Альфредъ убѣжалъ играть съ мальчишками; но вечеромъ рыбаки принесли его мертваго; его нашли въ рѣчкѣ, куда занесло его теченіемъ. Когда же бѣдная мать увидала его, то только и говорила: «Нѣтъ, онъ не померъ, онъ еще живъ.» — Мы всѣ объ немъ плакали. Конрадъ пишетъ, что и ему до сихъ поръ очень скучно.

Всѣ мы очень жалѣли, что бѣдный Альфредъ самъ былъ виноватъ своей смерти; мы согласились втроемъ, каждый день за него молиться и просить Бога, чтобы Онъ его простилъ и принялъ въ небеса. Всѣ по немъ

очень, очень скучаютъ, потому что онъ былъ общій любимецъ.

Теперь я расскажу о прошлой недѣлѣ. Дядя Гальмъ, онъ же и мой крестный отецъ, прислалъ мнѣ изъ Дрездена прекрасный альбомъ, переплетенный въ лиловый бархатъ, съ золотомъ. Я никогда не видалъ ничего лучшаго! Для этого альбома сдѣланъ славный ящикъ, внутри атласный. Я сейчасъ же сталъ думать, кого бы мнѣ попросить вписать въ альбомъ и вздумалъ просить Отто и Машу; они были очень рады и Маша хотѣла написать:

Люби меня,
Какъ я тебя.

Любящая тебя сестра
Маша.

Отто же приготовился писать стишокъ который онъ гдѣ-то прочиталъ въ альбомѣ. Этотъ стишокъ пишется на послѣдней страницѣ, такъ, что ужъ далѣе писать негдѣ.

Кто любить болѣе тебя,
Пусть пишетъ далѣе меня.

Я былъ очень доволенъ и тѣмъ и другимъ, но въ ту минуту, какъ Отто хотѣлъ писать, входитъ мамочка: «Вотъ тебѣ разъ! Вы думаете не шутя писать въ этомъ альбомѣ, теперь же? Нѣтъ, нѣтъ, это вздоръ; Вильмъ спрячетъ книжку до своего 18-го рожденія, тогда онъ можетъ собирать хорошіе стихи или мысли, а теперь слишкомъ рано; въ такой славной книжкѣ нужно чтобы было дѣло написано, а то это будетъ плодъ снаружи красивый, а внутри дрянной. Теперь же я всѣмъ вамъ подарю по простой записной книжкѣ, куда всѣ ваши знакомые могутъ писать, что имъ вздумается.

Этому обѣщанію мы были очень рады; по моему, мама права, но Отто и Маша остались этимъ недовольны; имъ только и хотѣлось писать въ такой славной книжкѣ. Отто сказалъ: «Ну, едва ли я когданибудь вздумаю чтонибудь лучше этого стиха.»

Мамочка засмѣялась и сказала, что со временемъ, когда Отто узнаетъ лучшія вещи, то едва ли онъ останется такъ доволенъ

этой выдумкой, которая, впрочемъ, очень хороша.

Мы теперь очень заняты, потому что г. Флоръ хочетъ скорѣ сдѣлать намъ испытаніе при отцѣ; главное тутъ, чтобы не оплошать въ латинскомъ, потому что это папинъ конекъ, какъ говоритъ Отто. Отто этимъ очень недоволенъ, потому что терпѣть не можетъ латинскаго языка. Я, какъ старшій, сильнѣе его; мнѣ уже легче учить и потому меня это больше забавляетъ. Когда мы учимъ глаголы или склоненія, Маша учить съ нами; пресмѣшно ее слушать, когда она спрягаетъ.

Машѣ очень хочется съ нами учиться по латини, но мама говоритъ ей: «Старайся учиться лучше хорошенько по французски и по англійски, дѣвочкѣ это больше идетъ.»

Къ намъ скоро пріѣдетъ маленькая французенка; она ни слова не знаетъ по нѣмецки; съ ней-то Маша и должна будетъ болтать по французски. Она этому очень радуется, хотя и сама не знаетъ, какъ онѣ будутъ объясняться, потому что Маша почти ничего

связаго сказать не можетъ а только и знаетъ:
«je vous aime, je vous en prie; donnez moi, com-
ment vous portez vous? u ma chère et bonne maman.»
Право, больше этого она говорить не можетъ;
такъ это значить, будетъ потѣха.

Вильямъ

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Сегодня мы были у стараго Якима; онъ уже на ногахъ и былъ въ то время на пчельникѣ; онъ былъ въ сѣткѣ и рукавицахъ. Мы издали смотрѣли, какъ пчелы его окружали; онъ къ намъ подошелъ и сказалъ: «постойте, вотъ вамъ Марѳа сотъ принесетъ.» Мы смѣялись отъ радости; медъ славная вещь, особенно въ сотахъ, они похожи на домики съ клѣтушками. Г. Флоръ общалъ намъ растолковать пчелиное хозяйство. Мама говоритъ, что она читала хорошенькую книжку, въ которой сказано, что цвѣты постоянные дворы для пчелъ, гдѣ онѣ пьютъ, ѣдятъ и улетаютъ дальше. Отто спросилъ: «Отчего

же непременно постоянные дворы? Можетъ быть, это дома ихъ родныхъ и знакомыхъ.» Но мнѣ нравится, что онѣ тамъ ѣдятъ и пьютъ, только чокаться имъ не съ кѣмъ, потому что онѣ садятся на цвѣты порознь.

Хорошо, когда знаешь все это; вотъ теперь, когда я вижу пчелку на цвѣткѣ, то сейчасъ подумаю: «Вотъ она на постояломъ дворѣ; какого же она напитка себѣ спросила, вина, пива или лимонада? Это меня очень забавляетъ; онѣ иногда слетаютъ съ цвѣтка, точно пьяныя.

Тетя Сусана еще недавно рассказывала намъ сказочку о дворцѣ, который весь былъ сотканъ изъ бѣлыхъ, розовыхъ, желтыхъ и красныхъ розъ; тамъ жили пчелы, стрекозы и жучки.

Пчелы прислуживали; онѣ подавали медъ и воскъ господамъ своимъ стрекозамъ, которыя летали разряженные по комнатамъ. «А жучки-то, тетя?» «Жучки досаждали и надѣдали всѣмъ; вѣдь и у насѣкомаго есть житейскія бѣды.» «Тетя», сказала я, «отчего въ этомъ дворцѣ не жила какая нибудь прин-

песса?» «Оттого, что розы сами принцессы. только заколдованныя; вотъ и вспоминай это всякій разъ, какъ уткнешься носомъ въ розу, да дѣлай это съ почтеніемъ къ ней.»—Теперь я въ самомъ дѣлѣ вспоминаю это всякій разъ, какъ нюхаю розу.

Вчера тетя спросила насъ: «Чьи дома люди съѣдаютъ? говорите скорѣе.» Сперва мы всѣ засмѣялись, но надо же было отвѣчать, и я сказала: «Дома улитокъ, тетя.» «Хорошо,» сказала тетя, «когда такъ, то я тебя заставлю когда нибудь съѣсть домикъ улитки; правда, что ѣдятъ одинъ родъ улитокъ, а именно, улитки винныя; изъ нихъ даже дѣлаютъ лѣкарство; но домовъ ихъ не ѣдятъ. Ну, теперь ты, Отто, какіе дома ѣдятъ?» Отто гордо отвѣчалъ: «Дома устрицъ.» «Ой-ой-ой!» сказала я, «скорѣе можно разгрызть улиткинъ домъ, чѣмъ устрицынъ.» «Милыя мои дѣти,» сказала тетя шутя, «всякій считаетъ себя умнѣе другихъ, но оба вы отвѣчали довольно глупо; будь догадливѣе, Вильмъ, и скажи намъ, что это за дома?»

Вилъ засмѣялся и сказалъ: «Ты вѣрно думаешь о домахъ пчелъ, т. е., о сотахъ?» «Нѣтъ, соты не ѣдятъ, они восковые.» — «И это не то.» Я захлопала въ ладоши. «Ахъ, знаю, знаю, тетя! ты говоришь объ гнѣздахъ индійскихъ птицъ!» — «Ну, разумѣется; а вы-то глупенькіе гадали! Что бы вамъ сразу отгадать!» Мы и сами не знали, отчего мы сразу не отгадали.

Въ четвергъ у насъ была большая радость; въ городѣ продавали маленькую колясочку и папа намъ купилъ ее; она довольно просторна для четырехъ дѣтей; нашимъ осламъ заказана уже сбруя, они будутъ насъ возить! Вотъ то будетъ радость! Я не могу себѣ представить ничего лучше этого.

Отто говоритъ: «только бы намъ не пришлось скоро въ городъ ѣхать.» Онъ даже желаетъ остаться въ деревнѣ на всю зиму. Положимъ, что зиму мы не останемся, но до зимы еще накатаемся вдоволь. Братья купили себѣ кнутъ, но они еще не согласились, какого цвѣта будетъ кнутовище, зеленое или

красное. Виля хочетъ зеленое, а Отто красное, на это Виля не согласился, Отто же разсердился и сказалъ: «Эхъ ты! молодъ, зелено!» Виля промолчалъ и ушелъ, надувшись; тогда Отто стало жаль его и онъ бросился за нимъ, а я закричала: «купите желтое, такъ ни тому ни другому не будетъ завидно!» но этого они не хотѣли; вообще, они меня очень рѣдко слушаются.

Мама выпиcываетъ для меня маленькую французенку изъ Парижа, чтобы я и братья говорили съ нею по французски; по неволѣ будемъ говорить, она по нѣмецки не знаетъ ни слова. Иногда я этому радуюсь, а иногда и нѣтъ; какъ когда, и сама не знаю, отчего. Эта дѣвочка воспитывалась въ заведеніи, гдѣ особенно учатъ закону Божію, читать, писать и правильно говорить по французски. «Въ этомъ заведеніи воспитываются только дѣти протестантовъ,» сказала мама, «и, большею частью, сироты; этимъ институтомъ завѣдываетъ герцогиня Орлеанская и многія знатныя дамы. Кажется, можно быть увѣрен-

ной, что тамъ порядочныя дѣвочки,» прибавила мама.

Сейчасъ тетя Сусана заглянула мнѣ черезъ плечо и сказала: «Какъ же ты разсудительно пишешь, Маша, точно старушка.» — «Такъ какъ же мнѣ писать, тетя?» — «Какъ хочешь; надѣюсь, что мнѣ не придется этого читать, и потому мнѣ все равно.» «Ты не шутя говоришь, тетя?» спросила я, и кажется слезы показались у меня на глазахъ; она поцѣловала меня и сказала: «Шучу, шучу, плакса моя, успокойся.» Тетя, вотъ, всегда такъ.

Маша.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Я, какъ генералъ, командую всѣмъ днямъ недѣли: съ права, по одному, маршъ! Первый выходитъ понедѣльникъ, воскресенье же слѣдовало описать Машѣ.

Понедѣльникъ. Но не похмѣльной; я ужасно много учился. — Г. Флоръ говоритъ, что послѣ отдыха надобно работать вдвое; но онъ забываетъ, что я уже и въ воскресенье работаю вдвое; надобно же когда нибудь отбѣситься за всю недѣлю, а вѣдь это стоитъ иной работы. Не смотря на это, я, однако, хорошо учился; я вообще нынче стараюсь, потому, что съ нѣкоторыхъ поръ мнѣ кажется, что лѣниться не хорошо. Прежде я объ этомъ

не думалъ, но съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что и въ Библіи сказано, что намъ слѣдуетъ зарабатывать хлѣбъ въ потѣ лица, я сталъ учиться гораздо внимательнѣе. А ужъ кто учится по латыни, тотъ, кажется, можетъ сказать, что ѣстъ хлѣбъ въ потѣ лица.

Съ тѣхъ поръ, какъ у меня всегда, т. е., почти всегда, хорошіе балы, отецъ сталъ со мною ласковѣе; прежде онъ также любилъ меня, но вѣрно думалъ, что изъ меня ничего путнаго не выйдетъ. Прежде также всѣ говорили: «Отто никогда не попадетъ въ университетъ—онъ слишкомъ лѣнивъ и вѣтрянъ.—Теперь же никто этого не говоритъ, и я очень доволенъ.

Господинъ Флоръ подарилъ мнѣ въ этотъ же день камень, метеоръ, и сказалъ, что этотъ камень, или вѣрнѣе, такіе камни, по новѣйшимъ наблюденіямъ, ничто иное, какъ особый крошечный міръ; они падаютъ изъ міроваго пространства на землю. Я спряталъ его въ карманъ и послѣ сказалъ Вильму: «У меня цѣлый міръ въ карманѣ!» Онъ разсмѣялся,

но онъ очень любить разсматривать такія вещи или слушать, когда г. Флоръ по цѣлымъ часамъ рассказываетъ или читаетъ намъ объ этомъ. Я до этого не такой охотникъ, да и, кромѣ ученія, вообще не люблю слушать, когда говорятъ про такія вещи.

Вторникъ. Когда мы съ Вильмомъ и Машей пошли гулять по саду рано утромъ, то встрѣтили тетю Сусану. Было немного туманно, но вовсе не холодно, и туманъ стоялъ надъ прудомъ, какъ дымъ или паръ, а лужокъ покрытъ былъ тенетникомъ. Тетя сказала: «Смотрите, пауки холсты бѣлятъ.» Машѣ это очень понравилось и она прибавила: «Да, тетя, а можетъ быть у нихъ и большая стирка; весь лужокъ ими застланъ.»

Послѣ, когда мы проходили по мосту, то увидали паутину гораздо красивѣе тенетника; она висѣла кучкой какъ гнѣздо, а отъ нея длинныя нитки, на которыхъ были нанизаны росинки, другъ подлѣ друга, какъ бусы.

Между тѣмъ, пока мы гуляли, намъ привезли сбрую для ословъ и отецъ сказалъ намъ,

что если мы будемъ хорошо учиться, то вечеромъ, намъ можно будетъ покататься. Это радость!

Какъ шесть часовъ пробило, мы отодвинули стулья, убрали книги, надѣли шапки и выбѣжали на дворъ. Маша также прибѣжала за нами, и такъ торопилась, что шляпа слетѣла у нея на затылокъ; она кричала еще издали: «И я хочу, и я хочу, мама позволила!» Я спросилъ: «Чего ты хочешь?» такъ какъ на дворѣ не было ни ословъ, ни тележекъ, но она пробѣжала прямо къ конюшнѣ и закричала: «запрягай ословъ, Христіанъ, да пожалуйста, поскорѣе, папа позволилъ!»

Теперь со всѣхъ сторонъ собрались зрители: отецъ, мать, тетя Сусана, г. Флоръ и вся дворня. Когда запрягли ословъ, то отецъ сказалъ: «Вильмъ правитъ сегодня; для опыта объѣзжайте три раза вокругъ всего двора.» Братецъ мой возгордился сверхъ всякой мѣры, надѣлъ перчатки, усѣлся на козлахъ, точно кучеръ, осмотрѣлъ возжи, кнутъ — и поѣхалъ.

Сначала шло очень дурно, потому что одинъ оселъ везъ, а другой упирался; правый, Ванька, шелъ бойко и весело, а лѣвый, Петька, шелъ только, когда не могъ отстать отъ Ваньки. Вильмъ кричалъ, откашливался, бранилъ, хлесталъ кнутомъ, но всего этого оселъ не слушался. Наконецъ, однако, пошло порядочно.

Когда Вильмъ объѣздилъ ословъ, то въ телѣжку пустили насъ съ Машей; мы поѣхали втроемъ по деревни и никто насъ больше не провожалъ. Это было очень весело и мы много смѣялись.

Мы играли, будто мы съ Машей господа, а Вильмъ кучеръ, будто ѣдемъ въ дорогу и все говорили о томъ, гдѣ намъ придется ночевать. Чудо, какъ весело!

Среда. Послѣ очень ясныхъ и подробныхъ наставленій отца, мнѣ позволили править телѣжкой; тетя Сусана поѣхала съ нами, потому что мамочка боялась, чтобы я не опрокинулъ телѣжки. Я сѣлъ уже не по кучерски, а какъ баринъ, немного на бокъ, и съ палоч-

кой во рту, вмѣсто сигарки. Такъ мы двинулись съ мѣста; тетя ужасно смѣялась и безпрестанно говорила: «Чудесно; настоящій Франтъ!» Мы проѣхали на Лидбергъ, гдѣ свозили хлѣбъ съ поля, а назадъ по большой дорогѣ; тутъ у одного встрѣчнаго верховаго лошадь такъ испугалась ословъ, что чуть его не сбросила.

Четвергъ. Утромъ, на прогулкѣ, мы много говорили про свою поѣздку и думали: что мы стали бы дѣлать, если бы остались безъ денегъ, въ чужомъ краю, только съ телѣжкой и съ ослами. «Разумѣется, продали бы ословъ и телѣжку,» сказалъ я, но Маша чуть не заплакалась. «Ослы также и мои, а я ихъ продавать не дамъ,» отвѣчала она.

«Хорошо,» сказала тетя, «но ты также захочешь ѣсть, а тебѣ ничего не дадутъ безъ денегъ, особенно въ чужомъ краю, и ты продашь ихъ по неволѣ. Разумѣется, я буду съ вами, и когда мы продадимъ ословъ, то я обзавелусь снарядами и буду дѣлать цвѣты на продажу.»

«Тетя,» вскрикнула Маша, «какъ это хорошо! Я также буду шить подушечки и книжечки для иглъ и рисовать переплеты на картонкѣ.»

Вильмъ сказалъ, что онъ обзаведется станкомъ и будетъ точить разныя вещицы, потому что онъ хорошо точить. Я обѣщала клеить изъ картонки коробочки, потому что это у меня всего лучше ладится; мои коробочки никогда не бываютъ кривы и косы. Мелочи мнѣ не такъ даются; золотыя каемочки всегда наклеиваютъ тетя и Маша.

Мы еще много толковали о томъ, сможемъ ли мы прокормиться сами, и я все время вспоминалъ отца; онъ говоритъ, что каждый порядочный человѣкъ долженъ знать какое нибудь ремесло, хоть на столько, чтобы прокормиться не одной головой, но въ случаѣ нужды и руками.

Вечеромъ, когда мы поѣхали кататься и Вильмъ далъ мнѣ править, тетя Сусана разсказала намъ про одного человѣка, которому пришлось зарабатывать хлѣбъ своими руками.

Я запишу это, но тогда уже не стану описывать остальных дней, потому что не могу писать такъ много.

Тетя говоритъ, что въ дѣтствѣ своемъ, она знала молодаго человѣка, который былъ очень вѣтрянъ, не смотря на то, что уже былъ студентомъ. Онъ поссорился съ отцомъ и ушелъ отъ него пѣшкомъ; матери у него не было. Онъ уложилъ въ сумку немного бѣлья, взялъ скрипку и пятьдесятъ талеровъ, которые у него были, и отправился.

Сначала онъ пошелъ въ Берлинъ и отъискалъ тамъ студентовъ; онъ разсказалъ имъ свою судьбу и они приняли его даромъ, даже взяли ему хорошаго врача на свой счетъ, когда онъ заболѣлъ. Выздоровѣвъ, онъ предложилъ доктору немного денегъ и сказалъ, что больше дать не можетъ; но этотъ уже зналъ обо всемъ и потому денегъ не взялъ, а посоветовалъ ему идти домой, сказавъ притомъ, что если онъ въ своемъ путешествіи когда-нибудь попадетъ въ Неаполь, то чтобы прислалъ ему трубку макароневъ.

Изъ Берлина этотъ молодой человѣкъ пошелъ дальше и дальше, на сколько стало у него денегъ. Но когда деньги вышли, онъ остался въ самомъ затруднительномъ положеніи. По временамъ онъ находилъ добрыхъ людей, которые довозили его куда нибудь даромъ или давали въ займы денегъ, но когда онъ пріѣхалъ въ Ліонъ, то у него уже не было вовсе ничего; онъ былъ голоденъ и томился жаждой, а между тѣмъ ему было даже негдѣ отдохнуть отъ усталости. Онъ уже продалъ по немногу всѣ свои вещи, которыя только можно было продать; теперь у него осталась только скрипка, и та его спасла.

Со слезами на глазахъ пошелъ онъ въ гостиницу и принялся играть свои народныя пѣсни, которыхъ тамъ не знали. Между присутствующими было много офицеровъ и всѣ они надавали ему денегъ, прослушавъ его нѣмецкіе напѣвы. Такимъ образомъ онъ въ первый разъ въ жизни заработалъ себѣ хлѣбъ. Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ отцу, просилъ прощенія, но прибавилъ, что не вер-

нется домой, покуда не научится зарабатывать себѣ хлѣбъ.

Съ этихъ поръ онъ сталъ ходить каждый вечеръ въ эту гостинницу; тамъ увидалъ его одинъ господинъ, который былъ довольно богатъ и знатенъ и сейчасъ замѣтилъ, что музыкантъ этотъ воспитанъ не такъ, какъ другіе. Онъ заставилъ его рассказать всѣ свои похождения въ его теперешнемъ званіи и выхлопоталъ ему мѣсто въ оркестрѣ; черезъ два года его даже перевели въ Парижъ и онъ былъ тамъ очень счастливъ. Но онъ все еще былъ очень вѣтрянъ и уѣхалъ въ Лондонъ, безъ позволенія начальника, между тѣмъ какъ у него былъ заключенъ контрактъ въ Парижѣ. Въ Лондонѣ онъ остался опять безъ денегъ, съ трудомъ перебивался и, въ большой бѣдности, обрадовался случаю опять уѣхать въ Парижъ.

Тутъ у него не стало духа вернуться къ прежнему начальнику; но однажды онъ встрѣтилъ на улицѣ одного товарища по оркестру, который его узналъ, раскланялся съ нимъ и

спросилъ: отдано ли ему 50 франковъ, которые всѣмъ имъ слѣдовало получить за одинъ вечеръ у короля Людовика-Филиппа, гдѣ они играли во дворцѣ, со всѣмъ оркестромъ?— Онъ отвѣчалъ, что не отдавали и наконецъ рѣшился идти къ своему начальнику, который принялъ его очень ласково, отдалъ ему пятьдесятъ франковъ, и даже снова принялъ его въ оркестръ. Этому онъ былъ очень радъ.

Онъ прожилъ въ Парижѣ восемь лѣтъ, потомъ вернулся на родину и живетъ тамъ до сихъ поръ; онъ даетъ уроки французскаго языка, которому очень хорошо научился въ Парижѣ. Отецъ его теперь старъ и дряхлъ, сынъ же ходитъ за нимъ съ большою любовью, чтобы загладить свой проступокъ. Если-бы онъ остался на родинѣ и кончилъ курсъ въ университетѣ, какъ слѣдуетъ, то, можетъ быть, дослужился-бы теперь до хорошаго мѣста.

Тетя Сусана еще рассказала про него, что онъ выписалъ, черезъ знакомаго, двѣ труб-

ки макаронѣ изъ Неаполя и послалъ ихъ доктору въ Берлинъ. Это мнѣ очень нравится и докторъ вѣрно обрадовался; тетя также говорить: «кто исполняетъ свое обѣщаніе, въ томъ честь еще не пропала; такъ и этотъ человѣкъ, хотя прежде и заблуждался, но все таки исправился послѣ.»

Мы еще много говорили объ немъ съ тетей и она сказала, что онъ вовсе не любитъ смотрѣть ни на какихъ шукарей или наѣздниковъ, потому что игралъ на скрипкѣ два года въ циркѣ Франкони, въ Парижѣ, и когда въ первый разъ игралъ за деньги въ Лионѣ, то плакалъ такъ горько, какъ никогда въ жизни. — Мы пріѣхали домой очень поздно; я нарочно ѣхалъ потише, чтобы разговаривать. Это была веселая поѣздка!

Отто.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Отто говоритъ, что онъ уже записалъ рассказъ про студента; я его не читалъ, но непременно прочитаю, потому что я очень люблю читать бывалыя походы. Особенно я люблю слушать рассказы путешественника.

Тетя Сусана сказывала, что когда она была въ Швейцаріи, то въ гостинницѣ, гдѣ она останавливалась, жилъ, надъ нею, какой-то англичанинъ, у котораго была огромная губка; тетя ее часто видала, когда ее вѣшали на дворъ для просушки послѣ купанія.

Каждый вечеръ къ нему таскали ушатами воду; видя это, тетя уже напередъ дрожала со страха, зная, что какъ только она ляжетъ

въ постель, англичанинъ примется купаться, вода протечетъ къ ней въ комнату и прямо на кровать; такъ и бывало; она завѣшивалась сверху, для предостереженія, но ничто не помогало и, въ отчаяніи, она вскакивала съ постели и сушила платки и салопы, которые она вѣшала для защиты отъ этого неизбѣжнаго дождя; но и кромѣ платковъ, обыкновенно и вся постель промокала. Рассказывая это, тетя прибавила: «Да, эготъ ливень мнѣ былъ не очень пріятенъ.» Мы надъ этимъ много смѣялись, но все таки намъ жаль бѣдную тетю. На этой недѣлѣ у насъ ничего особеннаго не было: мы гуляемъ, учимся, работаемъ въ садикѣ каждый день или точимъ въ дурную погоду; катаемся въ колясочкѣ, на ослахъ, а къ вечеру до того устаетъ, что, ложась, тотчасъ засыпаемъ. Встаемъ мы очень рано, потому что должны учить уроки и нѣсколько стиховъ изъ Библіи.

Вчера мы ходили съ папою гулять и вотъ что онъ придумалъ: недалеко отъ дома, на пригоркѣ, онъ хочетъ намъ построить до-

микъ въ три комнаты; одна будетъ прихожая, другая кухня, а третья кладовая. Кухню сдѣлають совсѣмъ какъ большую, со всею утварью, но только въ маленькомъ видѣ; будущее лѣто, когда у насъ будетъ французенка, то Маша должна будетъ съ нею учиться стряпать, а иногда и совсѣмъ одна состряпаетъ весь обѣдъ.

Мы объ этомъ много толковали; намъ купить мѣдный чайникъ, котелокъ, сковородку для блиновъ, терку, ступку, двѣ кастрюльки, нѣсколько горшковъ, таганъ, форму для пудинга, форму для пирожного и сковороду для жаркаго. Тутъ же у насъ будетъ шкафъ, для печенія, хлѣбовъ и варенья.

Машѣ купятъ также щипцы и лопаточку, небольшую кадочку для воды и ведра; потомъ ей дадутъ также кухонныхъ полотенецъ и пыльных тряпицъ. Въ кладовой поставятъ шкафъ для ножей, вилокъ, тарелокъ, ложекъ и т. д.

Около нашего будущаго домика есть ольховый и ясневый лѣсокъ; папа говоритъ,

что его будутъ рубить на дрова, для кухни. Мы съ Отто уже раздѣлили между собой работу, онъ будетъ работать на хозяйство и колоть дрова, а я буду на кухню воду носить, окна и полы мыть, потому что эта работа слишкомъ тяжела для дѣвочекъ.

Маша была такъ счастлива, когда папа ей это сказалъ, что не могла говорить отъ радости; послѣ-же, когда она немного опомнилась, то попросила папу, чтобы былъ также особый шкафъ для приправъ и пряностей; на это папа согласился. На кухнѣ будутъ стоять соломенные стулья, одинъ большой столъ и одинъ маленькій, а на окнахъ будутъ бѣлыя занавѣски. Въ первый разъ, когда Маша будетъ тамъ стряпать, она сваритъ картофели и испечетъ пирогъ.

Когда мы пришли домой, то Маша, запыхавшись, прибѣжала къ мамѣ: «Мамочка, душка моя, мамочка, знаешь, что намъ папа обѣщаль?» Мама засмѣялась: «Какъ не знать, вѣдь я сама это придумала.»

Теперь у насъ только и разговору, что объ домикѣ; мы его, точно, видимъ. Объ французкѣ мы также много говоримъ; намъ очень хочется знать, какая-то она будетъ? Мама только боится, чтобы она не была слишкомъ мала, а Отто, напротивъ того, чтобы не была очень велика. Мнѣ-же это все равно.

Сегодня поутру мы не гуляли въ саду, такъ какъ тетя Сусана съ нами была, то мы пошли въ поле; тамъ было много ребятишекъ, которые собирали колосья; иные изъ нихъ до того привыкли, что успѣваютъ набрать нѣсколько горстей, тогда какъ у другихъ всего колосьевъ пять. Мы помогали тѣмъ, у которыхъ было меньше. Тетя Сусана сказала намъ: «Видите, какъ всегда посылается помощь тѣмъ, которые сами себѣ не могутъ помочь; хотя они также прилежны, какъ и остальные, а все таки находятъ меньше; не знаю, плохо-ли они видятъ, или мѣшкатиѣ другихъ, но только едва ли они много принесутъ домой; а тамъ ихъ навѣрно ласково не встрѣтятъ.» Послѣ

этого мы стали собирать еще усерднѣе и разъ всѣ втроемъ бросились на одинъ и тотъ-же колосъ и Отто съ Машей столкнулись головами. Маша очень плаксиво проговорила: «У тебя голова точно камень.» — «Да», сказалъ Отто, «а ты думаешь, что она стеклянная? Если бы такъ, то ты бы мнѣ ее разбила. Но, впрочемъ, Маша, объ твою голову можно также ушибиться, какъ объ мою.» Этимъ она и утѣшилась.

Пока мы собирали колосья, тетя Сусана сдѣлала корзиночку изъ листьевъ и сколoda ихъ колючками этого же дерева. Въ корзиночку она набрала мелкихъ цвѣтовъ; это было очень красиво. Тетя сказала, если я буду въ чужой землѣ, то, пожалуй, этимъ смогу себѣ зарабатывать хлѣбъ.

Вильямъ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Сегодня мы рано собрались за колосьями; собирать ихъ очень трудно, потому что все надо нагибаться; но мы при этомъ думали, что изъ этихъ колосьевъ будетъ бѣднымъ хлѣбъ, и не уставали.

Тетя Сусана не пошла съ нами, но пришла позже и похвалила насъ. Мы пошли еще до завтрака и тетя намъ принесла хлѣба и корзиночку грушъ. Въ семь часовъ мы воротились, также и крестьянскія дѣти, потому что сегодня воскресенье. Дорогой тетя много говорила съ нами: «Вы хотите», сказала она, «въ случаѣ надобности, зарабатывать хлѣбъ на чужбинѣ точеніемъ, шитьемъ, клей-

кой коробочекъ и т. д. Попробуйте заниматься теперь же этимъ въ свободное время; когда у васъ поспѣетъ много работы, то мы попросимъ оцѣнить вещи эти и я куплю ихъ у васъ, а деньги вы сэкономите на доброе дѣло.

«На какое-же, тетя? На какое?» спросили мы.

«Вы можете на эти деньги отдать бѣднаго ребенка въ школу, а послѣ въ науку къ мастеру.»

«Да развѣ мы выручимъ на столько?»

Тетя засмѣялась. «Ну, конечно, не вдругъ; копите и берегите съ года на годъ, тогда накопите довольно. Добро дѣлать не такъ легко; нельзя все сразу кончить. Подростая, воспитанникъ вашъ станетъ нуждаться въ большихъ издержкахъ, тѣмъ прилежнѣе вы должны быть тогда. Въ случаѣ крайности вамъ и мама поможетъ старой одеждой.

«Нѣтъ,» закричалъ Отто разгораясь, «нашему будущему сыну никто не долженъ помогать! Я хочу, чтобы это былъ сынъ, а не дочь, на дѣвчонокъ я не умѣю закупать, а мальчику смогу купить куртку или крѣпкую, прочную матерію.

«Ну, ужъ вы, со своимъ сыномъ!» сказала я, «пусть лучше будетъ дочка.» Но они не хотѣли согласиться со мною. Я дергала Вилю за рукавъ и просила: «пожалуйста, дѣвочку! Скажи, что лучше дѣвочку.» Но онъ не слушалъ меня и сказалъ: «конечно, сына!» Оттого, что они сами мальчики, они и хотятъ сына; я другой причины не вижу, а дѣвочку бы, право, лучше.

Сегодня есть случай выписать изъ города все, что мнѣ нужно для работы: шелку, шерсти, канвы и золотого бисера. Завтра-же я начинаю работать.

Мы много говорили о домикѣ, который папа хочетъ намъ построить. То-то будетъ веселье! Тетя сказала: «Ты не шути этимъ, Маша, вѣдь тебѣ не на шутку надо будетъ научиться стряпать.»—«Ахъ, я знаю, тетя, вѣдь и мама также умѣетъ стряпать и мнѣ надо научиться.»

Когда къ намъ пріѣдетъ французенка, то она намъ также будетъ помогать работать, и нашъ будущій сынъ будетъ также и ея

сынъ. Что-то она на это скажетъ? Жаль только, что она съ нимъ не сможетъ говорить; онъ ничего не пойметъ.

На недѣль много кое-чего случилось; мы, съ г. Флоромъ, ѣздили въ Альбертсдорфъ, гдѣ живетъ папинъ съемщикъ: г. Флоръ хотѣлъ навѣстить учителя, который тамъ живетъ, а мы дѣтей. Тамъ восемь человѣкъ дѣтей: Фрицъ, Фердинандъ, Эрнстъ, Дитрихъ; это мальчики; дѣвочекъ же зовутъ: Катериной, Анной, Софіей и Якобиной. Дитрихъ только что выздоровѣлъ, а то онъ былъ боленъ по своей-же винѣ: играя, онъ себѣ засунулъ въ носъ кофейный бобочекъ; онъ тамъ за-сѣлъ, а носъ такъ распухъ, что пришлось вынимать его инструментомъ. У него еще и до сихъ поръ носъ распухъ.

Мнѣ очень не понравился Альбертсдорфъ. Тамъ нѣтъ ни сада, ни цвѣтовъ, ни деревьевъ; домъ также очень дрянной, стѣны всѣ бѣлыя, а на полу насыпанъ песокъ такъ, что я поскользнулась и чуть не упала. Но намъ все-таки было весело; у нихъ есть прудъ съ

пологими берегами; тамъ купаютъ лошадей; мы же ловили тамъ рыбу, просто руками, потому что она очень близко подходитъ. Дѣти показали намъ избушку, которую они сами построили, изъ кирпича, глины, хворосту и соломы. Это намъ очень понравилось; Отто и Виля сейчасъ-же стали помогать 'достраивать другую избушку, которая была недавно начата. Я-же, съ Сонею и Анною, сѣла на дерновую скамеечку. Катерина и Якобина уже взрослые, и потому я съ ними мало была. Послѣ уже Анна показала мнѣ ягодный кустъ и сказала, что это боярышникъ, и что имъ позволяютъ ѣсть его. Я попробовала одну ягодку, но она мнѣ не понравилась. Я спросила, отчего они не ѣдятъ другихъ плодовъ?—«Оттого, что у насъ ихъ нѣтъ,» сказала она. Я этому очень удивилась; какъ это должно быть скучно.

Вечеромъ, на обратномъ пути, я сказала г. Флору: «Какъ въ Альбертсдорфѣ дурно: тамъ совсѣмъ нѣтъ плодовъ.» — «А все таки люди тамъ также счастливы, какъ вы въ своемъ

прекрасномъ домѣ и саду. Довольство внутри человѣка, и состоитъ въ томъ, чтобы сознаваться, что живешь по заповѣдямъ; если же этого нѣтъ, то никакіе плоды и дома не развеселятъ насъ.

Однако, уже Ѳедоръ зоветъ обѣдать; пора кончать.

Маша.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Понедѣльникъ. Начну безъ предисловія, коротко и ясно: поутру, какъ встали, одѣлись, помолились, написали сочиненія, выучили уроки, такъ побѣжали гулять.

Маша уже стояла на крыльцѣ и Вильмовы голуби летали вокругъ нея. Голубей покормили, поласкали и побѣжали дальше; на этотъ разъ въ рощу.

Мы съ Вильмомъ запѣли пѣсню, которой выучились у мальчиковъ, когда они играли у насъ въ послѣдній разъ:

„Въ ночную пору, верховой,
На мѣсто выѣзжай,“

Сказалъ начальникъ, „часовой,
Смотри-жъ и не зѣвай.“

*
* *

Когда-жъ поутру подошли,
Лежалъ онъ не живой,
На окровавленной землѣ,
Убитый часовой.

*
* *

Лежалъ съ туманомъ на очахъ,
Со смертию на челѣ;
Не встанетъ больше на часахъ
Онъ, на родной землѣ.

*
* *

Его начальникъ въ битвѣ палъ
И вѣчнымъ сномъ уснулъ:
И ночью конникъ ускакалъ,
Къ нему на караулъ.

*
* *

Это очень хорошенькая пѣсня, но Маша
ее не любитъ и говорить: «Я не хочу, чтобы
часовой умеръ, мнѣ его очень жалко». Вотъ
я вамъ спою другую:

Разъ сказалъ жучку цвѣтокъ:
Не журчи,
Не жужжи,
Отдохни, хи, хи, хи,
Отдохни жучекъ.

*
* *

И сказалъ цвѣтку жучекъ:
Не цвѣти,
Не дыши,
Отдохни, хи, хи, хи,
Отдохни цвѣтокъ.

*
* *

Мы съ Вильмомъ засмѣялись и сказали:
«Правда, что это вовсе не жалостная пѣсня».
«Развѣ она вамъ не нравится?» — спросила
Маша немного обидчиво. Мы отвѣчали, что она
намъ очень нравится, и она была очень рада.

Тетя Сусана пришла вслѣдъ за нами и Мин-
ка принялась на нее лаять безъ памяти. Сна-
чала тетя смѣялась, но потомъ топнула но-
гой и сказала: «Несносная собака!» — «Тетя,
сказала Маша, «ты бранишь такую важную да-
му, какъ Минка!» — «Такую важную,» отвѣчала

тетя, «если она такъ важна, то пускай и ведетъ себя прилично; развѣ важные господа лаютъ на всѣхъ прохожихъ?» Больше ничего не было въ понедѣльникъ; только что мы съ Вильмомъ съѣздили верхомъ, на ослахъ, къ мельнику, чтобы сказать ему, что мука у насъ вся и чтобы онъ намолотъ какъ можно скорѣе. Маша грустно смотрѣла намъ вслѣдъ; мы хотѣли посадить ее съ собою, но мама не позволила.

Вторникъ. Въ этотъ день я очень испугался. Петръ ѣздилъ въ городъ и привезъ мнѣ записку съ подписью:

Милостивому государю, младшенькому барину

въ собственныя руки.

Эта записка была отъ сапожника и я сначала смѣялся надъ адресомъ, но когда раскрылъ письмо, то пересталъ смѣяться. Онъ писалъ:

«Я сшилъ для вашей милости пару сапогъ, а папенька приказали мнѣ получать съ васъ

деньги каждый мѣсяцъ, а по сю пору я не получалъ денегъ отъ васъ ни гроша.

Причемъ остаюсь покорнымъ слугой
вашимъ.

Сапожный мастеръ и проч.

Притиска. А какъ папенька приказали, то я желалъ бы получить съ васъ деньги.

Когда я прочиталъ письмо, то меня кинуло въ жаръ; я пошелъ къ отцу, далъ ему письмо и сказалъ: «Я знаю вѣрно, что заплачу за сапоги». Отецъ спросилъ меня обо всемъ и отвѣчалъ: «Сапожникъ денегъ не получалъ, и навѣрное ты самъ виноватъ въ этомъ; поищи у себя, перебери всѣ ящики— вѣрно, деньги не отправлены.» Я перебралъ все и не нашелъ денегъ; тогда опять пошелъ къ отцу. «Такъ осмотри всѣ карманы,» сказалъ онъ; и въ самомъ дѣлѣ! Деньги лежали въ нарядной желеткѣ! Послѣ этого меня побранили за беспорядокъ и неисправность.

Среда. Какое веселье! Въ 4 часа отецъ, мать, г. Флоръ, тетя Сусана, поѣхали къ лѣсническому и пили чай въ лѣсу, а мы ѣхали

за ними въ коласочкѣ, на ослахъ. Папа нарочно велѣлъ кучеру ѣхать тихонько, чтобы мы поспѣли, но мы все-таки пріѣхали позже; тетя Сусана уже подвязала передникъ и варила кофей на плитѣ. Мы перенесли всю посуду на хорошенькое, открытое мѣсто, гдѣ поставили столы и скамейки; жена лѣсничаго дала намъ скатерть, масла, хлѣба, грушъ и слпвъ. Все это мы разставили на столѣ, а кофей принесла тетя сама съ большимъ почетомъ.

Намъ было очень весело; послѣ шести часовъ мы опять поѣхали домой; я правилъ не торопясь; туда везъ насъ Вильмъ, потому что отецъ боялся, что я слишкомъ погоню; другое дѣло, если бы это были лошади, а на ослахъ не очень разгонишься, въ нихъ и честп-то никакой нѣтъ.

Четвергъ. Хорошій, но обыкновенный день; я просидѣлъ нѣсколько часовъ лишнихъ, потому что не выучилъ урока. За обѣдомъ — пирожное со сливамъ; послѣ обѣда трясли сливы и собирали ихъ для варенія. Маша

помогала вынимать косточки; сначала она взялась за это очень охотно, а потомъ ей захотѣлось побѣгать, но мама не пустила.

Пятница. Въ этотъ день пришла росписка отъ сапожника; онъ написалъ: «уплачено, съ благодарностью.» Хорошо, если бы онъ въ уплату отъ меня принималъ одну только благодарность, а то я просто раззоряюсь на сапоги. Отъ этого мѣсяца у меня только и останется нѣсколько грошей; все остальное вышло на сапоги, бумагу, перья, карандаши и такъ далѣе.

Въ пятницу у насъ опрокинулась телѣга съ рожью, но никто при этомъ не ушибся; рожь разсыпалась по дорогѣ, точно ее нарочно кто въ кучку свалилъ; когда телѣгу опять нагрузили, то на это мѣсто сбѣжались ребята, которые собираютъ съ поля колосья, и загребали обѣими руками въ мѣшечки; но кажется, имъ досталось больше песку чѣмъ зеренъ.

Мы съ Вильмомъ уже принялись работать для мальчика, котораго хотимъ посылать въ

школу; Вильмъ опять точить мотовилку, а я клею рабочій баульчикъ, такой, какой нуженъ мамѣ и тетѣ Сусанѣ: осьмиугольный, бѣлый снутри, съ золотыми каемками и свѣтлозеленый снаружи. Маша вышиваетъ на шелковой матеріи розу, это мы наклеимъ снутри на дно.

Суббота. Послѣ обѣда папа собирался въ городъ и ему уже подали коляску, но изъ этого чуть не вышло большой бѣды; лошади испугались бумажки, которую вѣтромъ подбilo имъ подъ ноги; кучеръ хотѣлъ удержать ихъ, но возжи оборвались и лошади понесли, прямо въ садъ, потому что ворота были отворены; онѣ задѣвали за яблони, такъ что яблоки такъ и летѣли по всей дорогѣ. Изъ сада лошади пронесли черезъ палисадникъ, а тамъ въ ровъ, гдѣ опрокинули кучера и коляску. Къ счастью изломалась только коляска, да изорвалась сбруя, а кучеръ не ушибся. Въ саду набрали нѣсколько бочекъ яблоковъ. Мы благодарили Бога, что не случилось ничего худшаго.

Отто.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

На прошлой недѣлѣ мы писали стихи. Г. Флоръ сказалъ: «Хотя вы порядочныхъ стиховъ и не напишете, но все-таки вы должны знать, что такое размѣръ». — «Это-то легко.» «Хорошо,» сказалъ онъ: «я задамъ вамъ рѣшмы, а вы должны на нихъ сочинить стихи. Вотъ и увидите, легко ли это.

Сперва г. Флоръ взялъ Машину аспидную доску, написалъ ей рѣшмы, и сказалъ: «пойди, сядь, вонъ, за тотъ столъ и пиши». Потомъ онъ взялъ у Отто доску и ему также написалъ, потомъ мнѣ. Мы не должны были другъ у друга смотрѣть. Вотъ мои рѣшмы: Сонъ — онъ, путь — не забудь, камень — пламень.

Въ комнатѣ было тихо; мы писали, стирали, опять писали и наконецъ кончили. Г. Флоръ прочиталъ вслухъ Машины стихи и мы увидали, что у насъ у всѣхъ были одни рѣшмы. Вотъ ея стихи:

Я видѣла сонъ,
И вотъ какой онъ:
Ты идешь въ долгій путь.
Такъ смотри же, не забудь,
Тамъ лежитъ камень,
Ты брось его въ пламень.

Во все время Маша очень боязливо смотрѣла, не засмѣется ли г. Флоръ, но онъ только улыбнулся и сказалъ: «Ну, это первые Машины стихи.» Теперь ты, Отто.

Я вижу сонъ,
И вѣчно онъ
Меня готовить въ путь:
Не трусь, и сна не позабудь;
Пройди чрезъ воду, чрезъ пламень,
Будь твердъ, какъ камень.

«Ну, это первые твои стихи, Отто. Вильмъ, давай свои.»

Мерещется мнѣ чудный сонъ,
Не знаю самъ, откуда онъ?
Вкругъ камня извивался путь
И камень молвилъ: не забудь
Я здѣсь лежу, и въ ледъ и въ пламень,
И все терплю, какъ твердый камень.

Г. Флоръ улыбнулся и сказалъ: «Ну, ничего, пойдетъ. Теперь же я вамъ напишу по одному слову, а вы должны подобрать къ нему рѣшмы.

Мнѣ достались голубей и прилетаетъ, брату: впередъ и раки, а Машѣ: мила и люблю.

Вотъ мы опять принялись за работу, писали, писали, наконецъ дѣло пошло на ладъ; я написалъ:

Зову я милыхъ голубей,
Никто не прилетаетъ,
И съ ними счастливыхъ затѣй
Такъ много пропадаетъ!

А Отто:

Впередъ, вамъ говорю, *впередъ!*
И смерть и страхъ пустыя враки;

Кто прямо грудью не беретъ,
Тотъ задомъ ползаетъ, какъ *раки*.

Наконецъ дошла очередь до Маши.

Кукла моя такъ *мила*,
Что я ее очень *люблю*.

Только-то и было; она не поняла г. Флора, но онъ ее заставилъ подобрать рѣмы; сначала она никакъ не могла, но потомъ такъ развеселилась, что не хотѣла перестать.

Какъ мы только вышли изъ-за урока, такъ побѣжали въ садъ; дорогою мнѣ Отто сказалъ: «Нѣтъ, стихотворцемъ я не буду; это такая работа, что я до сихъ поръ опомниться не могу, такъ въ головѣ и трещить». Г. Флоръ сказалъ, что мы должны втроемъ, безъ посторонней помощи, написать къ маминому рожденію стихи.

Въ саду мнѣ Отто сказалъ: «Пѣть я люблю, а сочинять не люблю.» Тутъ мы запѣли его любимую пѣсню:

Идетъ охотникъ по полямъ,
Идетъ въ зеленомъ лѣсѣ,

И по горамъ и по доламъ
Ружье на перевѣсѣ.

*
* *

Маша слушала насъ и когда мы кончили, она сказала: «Ахъ! Отто такъ хорошо поетъ, у него такой славный голосъ, онъ со временемъ будетъ пѣть какъ Вестрисъ». Она слышала какъ-то объ Вестрисѣ, который былъ знаменитый танцоръ, и спутала, думала, что онъ пѣвецъ.

Отто такъ расхохотался, что едва только могъ выговорить: «Онъ, Маша, пѣлъ ногами, а я этого не умѣю». Маша совсѣмъ смѣшалась и не знала, что говорить; я ее поцѣловалъ и разсказалъ, въ чемъ дѣло. Но она надулась на Отто: «Ему нечего такъ надо мной смѣяться, онъ также часто ошибается». — «Ну, постой, киска, я сейчасъ пропляшу какъ Вестрисъ». Сказавъ это, онъ подхватилъ Машу и оба полетѣли вдоль всей дорожки.

Нѣсколько дней тому назадъ, у меня случилось несчастіе съ нашей колясочкой: мы ѣхали шагомъ и я только на минуту оглянул-

ся, въ это время коляска наѣхала на камень и опрокинулась. Первымъ дѣломъ, я взглянулъ на Машу, но она лежала невредимо въ пескѣ, только потеряла башмакъ и изорвала передникъ. Я надѣлъ ей башмакъ и приласкалъ ее, но она вовсе не такъ испугалась: «Я скажу папѣ, что ты совсѣмъ въ этомъ не виноватъ», сказала она, но я просилъ ее, лучше не говорить, потому что папа этому не повѣритъ, и въ самомъ дѣлѣ, я былъ виноватъ.

Папа вовсе не такъ сердился, и Отто сказалъ тихонько: «А что бы было, если бы я это сдѣлалъ?» Маша отвѣчала ему также тихо: «Да, ты всегда рѣзвишься и шалишь, а Вильмъ никогда». За это онъ ее уцѣпнулъ, а она запищала; папа только сказалъ «тише», и этимъ все кончилось.

Сегодня я не могу больше писать, потому что надо еще точить мотовилку, а то работа моя не подвигается, да, впрочемъ, это и не легкая работа.

Вильямъ.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Я опять что-то новенькое расскажу! Намъ тетя Сусана рассказывала сказочку:

У насъ обирали яблони, и намъ, т. е., Вили, Отто и мнѣ, мама позволила выбирать лучшія яблоки, завертывать ихъ въ бумагу и укладывать въ кадки. Это запасъ на зиму. Тетя Сусана намъ также помогала, но не очень прилежно; она очень ловко усѣлась на скамеечкѣ и едва шевелила руками. Отто собрался съ духомъ и сказалъ: «Душка тетя, ты руками-то не очень прилежно работаешь, такъ поработай хоть языкомъ; расскажи намъ пожалуйста сказочку».

«Ахъ ты, буянъ», сказала тетя (но при этомъ засмѣялась) «сказочку я пожалуй расскажу, но не тебѣ, а почтенному твоему брату и сестрѣ. Ну, слушайте же:

«Въ темномъ и густомъ лѣсѣ было три гнѣзда; въ одномъ сидѣла кукушка^{*)}, въ другомъ спичка, а въ третьемъ мухоловка. Часто разговаривали они между собой и вспоминали бывшее время.

Однажды кукушка спросила мухоловку: «извините, милостивый государь, но я еще не знаю, съ кѣмъ имѣю честь говорить: позвольте узнать, чѣмъ были вы на землѣ, до того, какъ сидѣлись птицей?» — «Я былъ прежде портнымъ и даже имѣлъ удовольствіе на васъ работать; я шилъ то платье, въ которомъ вы были въ первый разъ при дворѣ. Это платье сидѣло на васъ, какъ вышитое. Теперь я несчастливъ, но я утѣшаюсь тѣмъ, что платье на мнѣ такъ мило и ловко, точно своей работы. Не правда-ли?» При этомъ мухоловка

^{*)} У кукушки гнѣзда не бываетъ и она на яйцахъ не сидитъ, а кладетъ ихъ по чужимъ гнѣздамъ. *Прим. переводчи.*

перелетѣла на другой сучекъ и быстро и весело стала поворачиваться на всѣ стороны. «Признаюсь, ужъ платье!» насмѣшливо сказала кукушка. «Однако, скажите пожалуйста, не извѣстно ли вамъ, за что мы обращены въ птицъ?»

«Конечно, извѣстно», отвѣчалъ веселый портной, вы, милостивый государь, были прежде стихотворцемъ и обращены за то, что только и говорили о своихъ сочиненіяхъ и о самомъ себѣ. Синичка за то, что считала себя первою пѣвицею на свѣтѣ, и пѣла, когда ее вовсе и не просили. Объ себѣ же я могу сказать откровенно, — меня просто оклеветали, будто бы я въ извѣстномъ случаѣ не выказалъ должной храбрости. Какая клевета!»

«Но что же насъ можетъ освободить?»

«Я слышалъ, что будто бы каждый изъ насъ долженъ измѣнить своей природѣ; это единственный способъ обратиться опять въ человека.»

«Только-то вы и слышали?»

«Только-съ, милостивый государь.» Кукушка отвернулася. «Какой вздоръ! Дуракомъ родился, дуракомъ и помретъ», пробормотала она.

Но портной ни въ какомъ случаѣ не былъ глупъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи.

Въ одинъ прекрасный день, когда всѣ трое стояли передъ гнѣздами своими, прилетѣлъ соловей въ сосѣдній орѣшникъ и запѣлъ такъ хорошо, такъ звучно, что всѣ трое разинули клювы.

Слезы выступили на глазахъ кукушки: «Ахъ!» сказала она, «пѣсня безъ словъ! — Но какъ хороша эта пѣсня; я ее понимаю и безъ словъ; такъ прекрасно я во всю жизнь свою не писалъ.»

Едва успѣла кукушка сказать это, какъ перья посыпались съ нея. «Что это значитъ? что это значитъ? Мои перья.....» Но кукушка не успѣла договорить, какъ уже стояла въ платьѣ, сапогахъ и шляпѣ; кукушка исчезла, и на ея мѣстѣ стоялъ писатель.

Синичка также слушала эту чудную пѣсню, вытягивала шейку, чистила клювъ; она даже открыла его, приготовляясь къ пѣнію, но опять закрыла и опустивъ глаза, она грустно сказала: «Однако, я все-таки должна сознаться, что онъ *поетъ лучше меня*». Въ ту-же минуту она испытала то же, что и кукушка. Она стояла обутая и одѣтая, и изъ лѣсу выбѣжала, вмѣсто прежней синички, хорошенькая дѣвочка.

Послѣ ухода товарищей портной все еще продолжалъ слушать соловья; въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ захлопать въ ладони, прыгнула изъ куста кошка и схватила соловья. Портной вскрикнулъ отъ испуга и въ ту-же минуту бросился на кошку клевать ее. Удался-ли ему этотъ геройскій поступокъ, и спасъ ли онъ соловья, этого онъ и самъ не узналъ; тутъ же спали съ него перья и онъ сталъ такимъ же щеголемъ, какъ бывало прежде, держа въ рукахъ модный журналъ. «Правда, что я не колоссъ и не Сампсонъ, но всякій дѣлается, что можетъ, и я не боюсь никого.»

Съ этихъ поръ не слышать о новомъ превращеніи.

* * *

Хотя мнѣ эта сказочка очень нравится, но запомнить я ее не могла и потому тетя мнѣ продиктовала ее. Теперь же она записана и мы можемъ ее перечитывать. Когда тетя кончила рассказывать, то я спросила: «А что-же сдѣлалось съ сочинителемъ? Сталъ онъ опять птицей?» Тетя задумалась: «Объ этомъ, крошка моя, никто не знаетъ, я-же тебѣ только скажу, что когда я слышу кукушку, то мнѣ всегда кажется, что она должно быть была человекомъ.» Мы надъ этимъ засмѣялись.

Мы были очень прилежны, пока намъ тетя рассказывала, и надѣлали много дѣла.

Маша.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Тетя Сусана чуть чуть не сбила меня съ порядка своими сказками, потому что опять рассказывала намъ, но Вильмъ обѣщалъ записать эту сказку, а то я бы не управился: мнѣ надо писать дневникъ всей недѣли.

Понедѣльникъ. Въ понедѣльникъ г. Флоръ задалъ намъ сочиненіе изъ всего, что мы запомнили въ воскресной проповѣди о милости Божіей, во первыхъ, въ день Господень, во вторыхъ, въ день радости, въ третьихъ, въ день печали. Еванг. отъ Луки, 19, ст. 42. Мамочка говоритъ, что почти ни одно мѣсто въ Евангеліи ее такъ не трогаетъ, какъ это: «Если бы узналъ ты, что служить къ благу твоему.»

Она говоритъ, что мы сами этого не знаемъ, иначе старались бы больше обо всемъ хорошемъ и были-бы добрѣе. Г. Флоръ былъ доволенъ сочиненіями и мы вообще бываемъ внимательны въ классѣ закона Божьяго. Особеннаго въ этотъ день ничего не было, только что я себѣ порѣзалъ палецъ.

Вторникъ. Во вторникъ мы опять завертывали и укладывали яблоки, а тетя рассказывала сказочку; въ бочки мы укладываемъ только лучшія яблоки; похуже этихъ идутъ въ компотъ и печеніе, а самыя мелкія намъ позволено раздавать, кому хотимъ. Маша очень любитъ возиться по хозяйству и всегда радуется такому случаю.

Маша спросила, нельзя-ли намъ продавать мелкія яблоки, чтобы скорѣе заработать денегъ на сына? А мама велѣла садовнику отправить двѣ бочки въ продажу, на наше счастье.

«Однако, Маша,» сказалъ я, «вотъ ужъ ты и выпросила помощь у мамочки.» Маша кивнула головой и отвѣчала: «Ты молчи, это ни-

чего, чѣмъ скорѣе мы соберемъ деньги, тѣмъ скорѣе можемъ отправить его въ школу.» Г. Флоръ говоритъ, что за мальчикомъ дѣло не станетъ, только-бы были деньги. Мы съ Вильмомъ работаемъ очень прилежно. — Черезъ недѣлю пріѣдетъ Машина французенка и тогда они могутъ работать вмѣстѣ. Послѣ этой недѣли намъ еще остается мѣсяцъ въ Блументалѣ — горе намъ! — Надо разставаться съ милымъ Блументалемъ; мы были-бы рады остаться и на зиму въ деревнѣ, да еще и какъ рады!

Среда. Привезли послѣднюю рожь; нынче такой урожай, что не успѣли убрать ее раньше; было также нѣсколько дождей сряду, и послѣдніе возы уже почернѣли. — Убравши послѣдній снопъ съ поля, люди обыкновенно приходятъ къ намъ съ вѣнкомъ. Дѣвушки жницы рядятся, какъ на праздникъ, въ красныя корсетки съ бѣлыми передниками и съ красными лентами на шляпахъ; ихъ три раза обвозятъ около дома и онѣ все время поютъ и подкидываютъ вѣнки, покуда ихъ не

подвезуть къ господскому крыльцу. Тогда онѣ подносятъ вѣнокъ господамъ и одна изъ нихъ говоритъ за всѣхъ; у насъ ихъ подчуютъ и обдариваютъ, обыкновенно деньгами. Этотъ годъ вѣнокъ былъ очень хорошъ; онѣ сплели его изъ колосьевъ, дубовыхъ листьевъ и рябины, и перевязали красной лентой. Мама велѣла его подвѣсить къ потолку, въ сѣняхъ на мѣсто прошлогодняго.

Вечеромъ всѣ люди плясали и намъ съ Вильмомъ позволили танцовать съ ними, а Машѣ только смотрѣть. Музыка была какъ нельзя хуже, но несмотря на то, развеселила всѣхъ. Г. Флоръ и тетя Сусана также танцовали; тетя только три раза, а г. Флоръ очень много. Люди говорятъ, что я буду очень хорошо танцовать, когда вырасту, и я этому вѣрю, потому что у меня и теперь всегда ноги на воздухѣ, когда я танцую.

Четвергъ. Въ четвергъ отецъ намъ сдѣлалъ большую радость; ему надо было переписать бумагу и онъ далъ ее намъ съ Вильмомъ: «потому,» прибавилъ онъ, «что вы хорошо

пишете.» Мы и не ждали такой чести! Ма-
шѣ непременно хотѣлось переписать также
чтонибудь для мамы и ей наконецъ дали
кухонную записку, чѣмъ она очень гордится.

Пятница. Мы съ Вильмомъ начертили планъ
своего сада; въ будущемъ мѣсяцѣ надо его
засадить. Пасторъ даритъ намъ два персико-
вые деревья, которыя онъ самъ выростилъ изъ
зеренъ или, какъ онъ говоритъ, изъ косточекъ;
кромѣ того сливы, груши и яблоки, всего по
парѣ; мы сами ихъ выбираемъ у него въ са-
ду и всему этому очень радуемся.

Отецъ даритъ намъ шесть сосенъ, два грец-
кихъ орѣха, дикій каштанъ, два дубка, два вя-
за и четыре березки. Кустарника намъ дастъ
садовникъ, сколько мы хотимъ; но если намъ
захочется еще чегонибудь, то придется по-
купать самимъ. Я выпишу, на свои деньги, но-
вые породы англійскаго крыжовника и нѣ-
сколько кустовъ малины и смородины. Клуб-
нику придется садить весной, потому что въ
августъ земля еще не поспѣла для грядокъ;
вѣдь мы садимъ просто на пустырь.

Г. Флоръ былъ съ нами, когда мы снимали планъ, и училъ насъ. Теперь планъ конченъ и очень похожъ на географическую карту, только нѣмую; всѣ мѣста, гдѣ мы садимъ плодовые деревья, мы покрыли красной, лиловой и желтой краской; это означаетъ сливы, вишни... Ахъ, объ вишняхъ-то мы и не подумали! А это самая лучшая ягода! Если теперь пасторъ насъ не выведетъ изъ бѣды то мы пропадшіе люди!

Суббота. Мы съ Вильмомъ пошли къ пастору, выбирать деревья, которыя онъ намъ дарить. Онъ самъ ходилъ съ нами по саду и я все косился на вишни. Когда мы выбрали, то онъ спросилъ: «Не хочется ли вамъ еще чего?»—Онъ, просто, безцѣнный человѣкъ. Сначала мы оба молчали; я ломалъ руки такъ, что пальцы затрещали, да вдругъ и выпалилъ: «Мнѣ хочется вишни.»

Онъ разсмѣялся до слезъ: «Какое задушевное желаніе!» сказалъ онъ, «зачѣмъ же ты молчалъ все время?» Теперь, однако, вы не обидетесь, если я дамъ вамъ четыре деревца, на

мѣсто двухъ, потому что одной породы вамъ мало.

Какъ мы обрадовались! Дома мы рассказали все мамѣ и подарили ей одно деревцо; пусть посадить на свое счастье.

Отто.

ТРИДЦАТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Отто просилъ меня записать ту сказочку, которую намъ тетя рассказывала, потому что ему нѣкогда; ему надо описывать всю прошлую недѣлю; я-же сдѣляю это охотно. Вотъ она.

БАРСУКЪ И МЕТЕЛКА.

Жилъ былъ въ большомъ лѣсу молодой барсукъ; тамъ была у него просторная и прочная нора, которую онъ всегда звалъ замкомъ или своей вотчиной Барсуковкой. О лѣсѣ-же онъ не говорилъ иначе, какъ «мои лѣса» или «мои владѣнія.»—При этихъ словахъ надъ нимъ обыкновенно смѣялись дру-

гіе барсуки, но онъ шутокъ не любилъ и потому охотнѣе знался со сторонними, чѣмъ со своей братьей.

Однажды лиса, съ которой онъ былъ друженъ, спросила его: «Почему вы не женитесь?»—«Я?» воскликнулъ барсукъ, «я, владѣлецъ Барсуковки, на которой нѣтъ ни гроша долгу, съ полями, пустошами и лѣсами,—да я-бы отыскалъ сто не вѣстъ на день, если бы только захотѣлъ. Однихъ доходовъ съ охоты стало-бы на приличное содержаніе жены. Я хвастать не люблю, но не будь я вотчинникъ села Барсуковки, если я не паловлю по триста мышей въ годъ, не считая красной дичи!»

«Такъ зачѣмъ-же дѣло?» спросила лиса.

«Видите ли, что,» отвѣчалъ помѣщикъ, «я не знаю, на комъ мнѣ жениться. Неужели на одной изъ нашихъ барышень? Этого нельзя; у человѣка съ моей наружностью и моимъ состояніемъ совсѣмъ другія требованія; не могу-же я обрѣчься на вѣчную скуку съ такой женой; а для того, чтобы жить съ бар-

суками, надо обрѣчься на скуку, повѣрьте моему опыту.»

«Положимъ, что это такъ,» отвѣчала лиса, «но въ такомъ случаѣ оглянитесь, есть и постороннія.»

«Объ этомъ-то я и думаю,» сказалъ барсукъ, «я отыщу себѣ невѣсту, тонкую, стройную, не такую, какъ нашъ неуклюжій барсучій родъ.»

Лиса улыбнулась и вѣжливо попросила позволенія поймать мышъ, которую она чуяла гдѣ-то вблизи. Барсукъ изъявилъ свое согласіе и друзья разстались.

Нѣсколько дней спустя, онъ отправился въ городъ рано утромъ и съ большими предосторожностями. Онъ хотѣлъ высмотрѣть себѣ невѣсту, но не смѣлъ заходить далеко и остановился передъ однимъ изъ первыхъ домовъ, гдѣ нѣкоторые предметы обратили на себя его вниманіе. Горничная дѣвка вынесла и прислонила къ косяку новую половую щетку и метелочку изъ конскаго хвоста

Барсукъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на щетку, «что заростъ, что за станъ, и какое приличіе въ осанкѣ! Какъ будто создана для меня! Однако,» прибавилъ онъ съ грустью, «какимъ образомъ это стройное, но не совсѣмъ гибкое созданіе могло-бы пройти по извилинамъ моего замка? Нѣтъ никакой возможности; эта гордая красавица переломала-бы себѣ кости при первомъ же опытѣ; мнѣ придется удовольствоваться хорошенькой метелочкой.

Метелочка стояла, мило прислонившись къ дверямъ и барсукъ рѣшился къ ней приступить безъ обвиняковъ, потому что барсукамъ въ городѣ бываетъ недосужно; они чувствуютъ, что имъ тамъ не мѣсто. Не безъ похвалыбы отозвался онъ о своихъ владѣніяхъ, въ особенности о замкѣ, который представилъ ей какъ надежное и удобное убѣжище, вкратцѣ упомянулъ объ охотѣ, но невидя въ ней никакого участія къ послѣдней, онъ снова сталъ говорить объ замкѣ.

Метелочка отвѣчала, что кажется нѣтъ замка въ мірѣ, гдѣ-бы нельзя было найти кого нибудь изъ ея родни.

«Тѣмъ лучше,» отвѣчалъ барсукъ, «тогда великолѣпіе моего дома не стѣснить васъ на столько, какъ я ожидалъ. Но позвольте просить положительнаго отвѣта.»

«Черезъ недѣлю приходите за согласіемъ.»

«Нѣтъ!» воскликнулъ барсукъ рѣшительно, «теперь или никогда! Я дошелъ сюда съ опасностью жизни, на это нельзя рѣшиться во второй разъ. Хотя вы и молоды, но безъ сомнѣнія знаете, что великіе міра окружены врагами и завистниками; два рода меня преслѣдуютъ: родъ людей, и родъ собакъ. Я самъ человекъ міролюбивый и огрызаюсь только въ опасности; мнѣ же нѣтъ прохода нигдѣ. Стало быть, если я вамъ угоденъ и вы хотите владѣть моимъ замкомъ и лѣсами, то рѣшайтесь тотчасъ, безъ отлагательства.»

Взявшись подъ ручку, они направились къ лѣсу и только передъ самой норой барсукъ пошелъ впередъ, давъ подругѣ своей понять, что дѣлаетъ это для указанія ей дороги.

Метелочка съ удивленіемъ оглядывалась: «какъ здѣсь темно,» думала она, «безъ при-

вычки ничего не видать,» и взглянувъ на паутины, прибавила: «видно, однако, что тутъ никого изъ нашей семьи не бывало.»

Пришедъ домой, барсукъ съ самодовольствіемъ принялся показывать устройство своей усадьбы: гостиную, нѣсколько отдаленныхъ комнатъ и свой кабинетъ, въ которомъ занимался дѣлами: это была темная комната, въ которой, въ дальнемъ углу, лежала кучка сухихъ листьевъ. «Мой диванъ,» сказалъ онъ съ улыбкой. Метелочка, не зная что говорить, молчала и только наслаждалась видомъ паутины.

Обѣдъ былъ теперь первою заботою барсука; кладовыя у него никогда не бывали пусты и потому онъ выставилъ все, что у него было лучшаго; но, къ крайнему его удивленію, подруга его ото всего отказывалась, такъ что онъ счелъ долгомъ наѣсться за двоихъ.

Послѣ обѣда онъ улегся на диванъ и впалъ въ то безсознательное состояніе, между сномъ и явью, которое называется дре-

мотой. Какое-то очень неприятное чувство вывело его изъ этого сладкаго забытія. Открывъ глаза, онъ вдругъ увидалъ, что вся комната стояла въ пыли, какъ въ облакѣхъ. «Что вы дѣлаете?» спросилъ онъ метелочку.

«Кушаю,» отвѣчала она скромно.

«Однако,» возразилъ барсукъ, «угощать васъ я радъ, но самъ бы не желалъ задохнуться отъ пыли. Вы свѣтская дама, съ этимъ я согласенъ, но вѣдь не только свѣту, что въ окошкѣ; мы также люди и если позволите замѣтить, то мой обѣдъ гораздо приличнѣе вашего.»

Съ этихъ поръ чета эта жила вмѣстѣ, какъ живутъ люди, которые ни въ чемъ не сходятся. «Въ свѣтскости большія преимущества, однако, я жалѣю, что не женился на барышнѣ нашей породы; едва ли кто нибудь можетъ быть скучнѣе женщины, которая питается пылью и паутиной.»

Настала зима и барсукъ часто запирался на цѣлыя недѣли; онъ говорилъ, что дѣлаетъ это для разсужденія о политическихъ дѣлахъ,

какъ однажды жена его вздумала насытиться въ его комнатѣ и подняла тамъ облако пыли.

Барсукъ спокойно сосалъ лапу, изображая мудреца, погруженнаго въ глубокія думы, какъ вдругъ разбудилъ его знакомый ему удушливый смрадъ. Онъ вскочилъ, какъ бѣшеный: «Чтобъ васъ! Кто смѣетъ меня тревожить во время моихъ разсужденій.» Узнавъ, однако, свою жену, онъ продолжалъ съ большимъ достоинствомъ: «Сударыня, вы созданы для свѣта, я-же для тишины и созерцательной жизни. Возвратитесь въ свѣтъ, если вы не можете не пускать пыли въ глаза. Ни меня, ни Барсуковки моей вы больше не увидите.»

При этихъ словахъ онъ подалъ ей руку съ большимъ приличіемъ, вывелъ ее изъ норы, раскланялся и вѣжливо прибавилъ: «Если вы еще намѣрены выходить замужъ, то совѣтую вамъ выйти за человѣка, одной съ вами породы; только ровня съ ровней могутъ быть счастливы.»

Мѣсяцъ спустя, онъ ввелъ въ замокъ свой жену своей породы, съ которой прожилъ очень

весело, и которая съумѣла оцѣнить охоту и
всѣ угодья. Съ лисой онъ больше не ви-
дался, потому что по его мнѣнію, дурныхъ
совѣтовъ должно избѣгать какъ огня.

Ну, теперь будетъ.

Вильямъ.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Новости! новости! Маленькая французенка пріѣхала! Ее зовутъ Жозефиной. Ей 12 лѣтъ и она, конечно, больше меня ростомъ; у нея волосы какъ смоль черные и каріе глаза. Она ѣхала одна все время, по желѣзной дорогѣ, или въ дилижансѣ, и везла письма изъ института къ разнымъ пасторамъ, въ случаѣ ея болѣзни или для отдыха и ночлега. Когда она пріѣхала, то казалась такая робкая, но мама, обняла ее поцѣловала и привела ко мнѣ. Виля, Отто и я дивились тому, что она путешествовала одна одинихонька и была такъ разумна.

Папа и мама послали ей въ Парижъ денегъ деньги ей были отданы; она сама вела дорогой счетъ и далеко не издержала всего.

Жозефина приѣхала вечеромъ и когда она поужинала, то мама мнѣ позволила идти къ Жозефинѣ въ комнату и помогать ей разбираться. Намъ было очень весело! На всякую вещь, которую я не умѣла назвать, я показывала пальцемъ и она мнѣ ее называла. Надъ этимъ мы много смѣялись. Я ей показала также свои работы и сказала: *Un pauvre garçon—envoyer à l'école—nous travaillons—voulez-vous aussi?*“ Она меня поняла и сказала: „*Oui, oui, de tout mon coeur.*“ Не успѣли мы разобраться и наговориться, какъ уже время было идти спать. Намъ очень не хотѣлось разставаться.

На другой день утромъ, когда я пришла звать Жозефину къ завтраку, то въ комнатѣ у нее было уже все убрано. Она обѣщалась показать намъ всѣ свои вещи въ воскресенье, потому что тогда намъ будетъ свободно. Она мнѣ показала маленькій молитвенникъ, кото-

рый въ это время читала; учительница ее написала въ немъ: „Souviens toi que Dieu est ton père.“ Это мнѣ очень нравится. — Послѣ завтрака мы пошли съ братьями въ садъ. Жозефина вовсе не понимала Отто и на все только отвѣчала: «Да, да, да,» По нѣмецки она ни слова не знаетъ. Вскорѣ братья насъ оставили однѣхъ, потому что имъ наскучило насъ слушать; и такъ мы гуляли вдвоемъ; я показывала Жозефинѣ нашъ садъ, потомъ мой маленькій и тотъ, что Виля съ Отто себѣ устраиваютъ. Ей все очень понравилось и она безпрестанно говорила: „charmant.“ Мама и Сусана говорятъ съ Жозефиной по французски такъ хорошо, такъ скоро, что я ничего не понимаю.

На дняхъ мамочка была очень огорчена: два года тому назадъ нашли у дороги въ снѣгу замерзшую женщину съ двумя дѣтьми. Мужъ ея, токарь, умеръ и она хотѣла идти съ дѣтьми на свою родину, но дорогою захватила ихъ вьюга и стужа и вѣрно она, окоченѣвъ, уснула и замерзла. Меньшой ребенокъ

умеръ на другой-же день, а старшій мальчикъ, лѣтъ 12, былъ живъ и здоровъ. Мама велѣла позвать его къ себѣ; онъ былъ у насъ; его зовутъ Фридрихомъ; онъ очень дивился нашему прекрасному дому и зеркаламъ, которыхъ онъ прежде никогда не видалъ; глядясь въ нихъ, онъ гримасничалъ и Отто называлъ его за это обезьяной; мнѣ же жаль было, что онъ еще такъ глупъ. Мама одѣла его, отдала въ ученіе нашему столяру и посылала его въ школу; ему было хорошо у насъ жить, но онъ все говорилъ: «Всегда я здѣсь не хочу оставаться, тутъ очень скучно.» Лѣтомъ, когда мы пріѣхали въ Блументаль, мама взяла его въ домъ и г. Флоръ его училъ.

Мы очень смѣялись, когда онъ пришелъ въ первый разъ на ночевую; мама велѣла ему спать съ ѣздовымъ, но ѣздовой ему показался большимъ бариномъ, онъ сказалъ: «Нѣтъ, этого я не смѣю,» и залѣзъ спать на сѣнникъ.

На зиму его опять отдали столяру. Фридрихъ велъ себя хорошо; онъ былъ очень прилеженъ, но не веселъ и часто говорилъ: «Мнѣ

не нравится жить на одномъ мѣстѣ.» Мама тогда сказала: «Это привычка шататься.» Теперь же онъ вдругъ пропалъ, написавъ мѣломъ на столѣ: «Спасибо за все добро, но оставаться я не могу.» Узнавъ это, мама прослезилась, говоря: «Бѣдный мальчикъ! Сохрани его Богъ.»—Отто сказалъ: «Теперь всѣ твои деньги на него пропали даромъ.» «Нѣтъ, не даромъ, потому что онъ научился любить и бояться Бога, и дурнымъ человекомъ онъ вѣрно не будетъ.» Объ этомъ и я также плакала.

Маша.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Начинаю безъ предисловія.

Понедѣльникъ. Въ понедѣльникъ били скоть: быка и двухъ коровъ; намъ было ихъ жалко, но мы съ Вильямомъ все таки пошли смотреть на нихъ. Быкъ былъ очень великъ.

Отецъ намъ рассказывалъ, что въ прежнія времена всегда бывалъ праздникъ по такимъ днямъ, гдѣ били скотину; такого быка наряжали цвѣтами, лентами, вѣнками и сосѣди сходились любоваться на него и гадать, сколько въ немъ вѣсу; объ этомъ и теперь шелъ споръ; одинъ говорилъ столько-то, другой столько-то, а когда быка взвѣсили, то оказалось, что никто не отгадалъ.

Въ этотъ же день мы получили присадки отъ пастора; садикъ нашъ выйдетъ очень хорошъ. Мамочка сдѣлала для насъ еще вотъ что: она велѣла поставить на солнцекъ заборъ; къ веснѣ мы съ Вильмомъ купимъ пару абрикосовыхъ деревъ, посадимъ и рзведемъ ихъ шпалерой по забору. А коли мѣсто будетъ, посадимъ еще и виноградную лозу. Садикъ нашъ будетъ настоящій рай.

Вторникъ. Я и Вильмъ много прошли пѣшкомъ съ г. Флоромъ, который посѣтилъ пріятеля. Мы бойко шагали, а шли все таки два съ половиною часа; мы присѣли въ лѣсочекъ позавтракать; мы съ Вильмомъ несли корзинку поочередно; тутъ былъ хлѣбъ съ масломъ, груши и бутылка вина для г. Флора. Г. Флоръ и насъ поподчивалъ своимъ виномъ, оно очень вкусно. Солнце пекло сквозь кусты и зелень, хотя она еще довольно густа; мѣстами красовался еще осенній цвѣтокъ; передъ нами протекалъ ручей и журчалъ, будто разговаривалъ съ нами. Вильмъ сказалъ: «это онъ говоритъ на своемъ языкѣ,» и мы запѣли свою пѣсню.

Вода съ горы въ ущелье
Бѣжить, шумить въ глуши;
Такъ и у насъ веселье
Не скроется въ душѣ.

*
* *

Вода въ долину ровной
Течетъ, не торопясь,
Не говорить ни слова,
И не плѣняетъ насъ.

* *
*

Г. Флоръ еще не зналъ этой пѣсни: «Вѣроятно, ее написалъ не великій сочинитель,» сказалъ онъ съ улыбкой. «Нѣтъ,» отвѣчалъ я, «мнѣ также кажется, что она не очень хороша; сочини ты другую такую же пѣсню, это будетъ лучше.» Онъ мнѣ обѣщалъ.

Послѣ завтрака мы отправились дальше и шли все также бойко, наконецъ пришли въ деревню, къ другу г. Флора, который пасторомъ въ этой деревнѣ.

Пасторъ этотъ еще очень молодъ и не женатъ; онъ очень намъ обрадовался, но, по-

сидѣвъ съ нами не долго, побѣжалъ на кухню и сказалъ кухаркѣ: «Лизавета, у насъ нынче гости, что ты готовишь?» — «Молочный супъ.» «Молочный супъ? это не хорошо; что же еще?» — «Картофель съ калбасой.» — «Ну, это лучше; только изготовь побольше, и подай также ветчины.» — «Да можно напечь блиновъ,» сказала кухарка. «Въ самомъ дѣлѣ! блиновъ съ вареніемъ; этимъ можно поправить дѣло.»

Послѣ этого онъ опять прибѣжалъ въ комнату и сказалъ г. Флору: «Мы вамъ готовимъ прекрасный обѣдъ, а покуда онъ готовится, то пойдемте осматривать церковь и всѣ замѣчательности.

Церковь очень свѣтла и красива и въ ней можно видѣть старинную рѣзбу, которую теперь оченъ цѣнятъ, но замѣчательностей не было, развѣ только старая деревянная избушка, гдѣ на конькѣ вырѣзана карета и четверня лошадей, а подъ ней написанъ стихъ, который я позабылъ.

Послѣ обѣда мы пили кофей въ виноградной бесѣдкѣ; намъ съ Вильмомъ дали также кофейю; г. Флоръ сказалъ: «въ дорогѣ все разрѣшается.» Вечеромъ мы воротились въ 9 часовъ и очень устали, но за то было очень весело.

Среда. Во время урока случилось очень смѣшное происшествіе; я приготовилъ себѣ, какъ всегда, стаканъ воды на латинскій урокъ; не понимая объясненія г. Флора, я хотѣлъ напиться, но вмѣсто стакана взялъ чернилицу и замѣтилъ это только, когда поднесъ ее рту. Мы всѣ ужасно смѣялись, даже самъ г. Флоръ, который обыкновенно не любитъ шутокъ во время ученія.

Въ этотъ же день дѣлали у насъ калбасы и приготовили также нѣсколько маленькихъ калбасокъ для насъ, т. е., Вильму, Машѣ и мнѣ. Когда у насъ быють свиней, то мама всегда отдаетъ часть бѣднымъ; они приходятъ къ ключницѣ съ горшками и латками и она раздаетъ имъ свинину.

Четвергъ. Это былъ день, какъ всѣ другіе. Мы учились. бѣгали по двору, а вечеромъ катались на ослахъ; Жозефина въ первый разъ ѣздила съ нами; это было очень весело; только она меня все еще не понимаетъ и думаетъ, что я съ ней спорю, по этому она всегда отвѣчаетъ: «да, да, да.»—это очень смѣшно, а я ей на это говорю: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.»

Пятница. Сажали кусты въ саду, который теперь уже очень украсился; малину мы сажаемъ вдоль забора. Заборъ этотъ мы сами сдѣлали изъ сосновыхъ жердочекъ, подъ присмотромъ г. Флора; онъ кажется все умѣетъ. Нашъ заборъ очень красивъ.

Суббота. Повторили все, что учили на недѣлѣ, работали въ саду, скакали на скачкѣ, бѣгали, прыгали, пѣли—а тамъ шабанъ.

Отто.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ В ОСКРЕСЕНЬЕ.

На прошлой недѣли мы ѣздили въ Blumen-
таль къ Папельчику и Лапельчику. Они оба
намъ очень обрадовались. Намъ было очень
весело! Садъ у нихъ очень великъ и можно
даже сказать, что это не садъ, а паркъ; въ
немъ огромный прудъ; точно озеро. У нихъ
есть также двѣ лодки; обѣ они расписаны
желтыми, синими и красными полосами, а
весла бѣлыя и какъ будто обвитыя красной
лентой; это очень нарядно.

Намъ было очень весело кататься по пруду и мы долго катались, потому что былъ славный и теплый день, хотя уже теперь ноябрь. Мы раздѣлились на двѣ части; въ

одной лодкѣ сидѣли г. Флоръ, Отто, Маша и Жозефина, въ другой я, тетя Сусана и мальчишка садовникъ, который мнѣ помогалъ грести. Такъ какъ я былъ гребцомъ, а слѣдовательно, въ лодкѣ главнымъ, то я здѣсь и назвалъ себя первымъ.

Сначала мы плыли очень спокойно, по берегу пруда много деревьевъ и это было такъ красиво, когда солнце проглядывало между осенними желтыми и красными листьями; только на немногихъ ивахъ оставалась зелень.

Вдругъ я услыхалъ смѣхъ въ другой лодкѣ и сейчасъ замѣтилъ, что они хотѣли насъ обогнать. Тетя Сусана закричала, какъ только это замѣтила: «Не поддавайся, не поддавайся,» и затопала ножками.

Мы съ мальчишкой гребли изо всѣхъ силъ, а у него сила-то порядочная, но г. Флоръ принялся также не шутя. Тетя Сусана привязала свой платокъ къ зонтику и сказала: «Когда преслѣдуютъ морскіе разбойники, надо поднимать флагъ.» Но съ той лодки слы-

шался голосъ: «Вотъ какъ! Они хотятъ вести мирные переговоры! Они поднимаютъ бѣлый флагъ!»

— «Тетя, слышишь, что они говорятъ?» сказалъ я. Сусана разгорячилась, сняла съ шеи свой пестрый платокъ и привязала его на мѣсто бѣлаго. «Это прусскій флагъ!» закричала она, «да здравствуетъ Пруссія!»

Намъ было очень весело, но я никогда такъ не боялся; я не хотѣлъ, чтобы тетиному кораблю пришлось сдаться, а она же такъ горячилась, какъ въ настоящемъ морскомъ сраженіи.

Когда они приближались, то Суза мнѣ шептала: «Бей весломъ по водѣ, чтобы ихъ spritzen, тогда они навѣрно отстанутъ.» Я трудился изо всѣхъ силъ; и въ самомъ дѣлѣ. г. Флору пришлось отстать, чтобы не забрызгать Машу и Жозефину. Отто кричалъ все время: «Греби, греби хорошенько, вѣдь это гонка!» Тетя-же Сусана кричала: «Что за гонка! тутъ дѣло идетъ о чести моего кора-

бля, а корабль, которымъ я командую, никогда не спустить флага.» Я много смѣялся, но и очень трусилъ, мальчишка, который гребъ, кажется также боялся отстать.

Не знаю, долго-ли бы это продолжалось, если-бы мама не показалась на берегу: «Ахъ, Сусана, Сусана, можно ли такъ шалить! Приставайте скорѣе къ берегу!»—«Скорѣе къ берегу. Вильмъ», шепнула мнѣ Суза, «и ужъ туда-то мы ихъ не подпустимъ.» Въ ту-жъ минуту мы были у берега. «Оставайся въ лодкѣ», сказала тетя, «и какъ только тѣ подѣдутъ, то бей весломъ воду, на мой отвѣтъ.»

Я послушался; г. Флоръ подѣзжалъ преспокойно, ничего не подозрѣвая, но какъ только онъ приблизился, я ударилъ весломъ по водѣ; это его озадачило.

«Полно, Вильмъ, перестань», сказалъ онъ, но только что поспѣлъ это проговорить, какъ Сусана побросала въ воду три большихъ камня, одинъ за другимъ; вода брызгала во всѣ стороны. Г. Флоръ засмѣялся и сказалъ:»

«Я вижу, однакожь, что на насъ смотрятъ, какъ на непріятелей, и такъ я долженъ поднять мирный флагъ.» Тутъ онъ взялъ за кончикъ свой платокъ и поднялъ руку. Я положилъ весло, и такъ мы имъ позволили выйти на берегъ. Мамочка подошла къ тетѣ и побранила ее немножко: «Какъ это можно; осьмнадцатилѣтняя дѣвочка шалить какъ ребенокъ! «Но мама не сердилась; она даже очень любить, когда тетя играетъ.

Сейчасъ послѣ обѣда намъ надо было ѣхать домой, потому что дни становятся уже коротки; еще до отъѣзда мы очень много забавлялись съ мальчиками. Жезефина также играла съ ними и разговаривала, конечно, по французски; за это оба они ужасно на нее разсердились. «Да говори-же толкомъ,» кричали они въ голосъ, «что это за вздоръ, мы тебя вовсе не понимаемъ.» Она отвѣчала имъ: «да, да,» но все таки продолжала говорить по французски; тогда младшій далъ ей препорядочную пощечину, которую она, впрочемъ, приняла довольно весело.

Когда мы вечеромъ пріѣхали домой, то отецъ нашелъ у себя нѣсколько писемъ, и теперь рѣшено, что мы остаемся здѣсь еще двѣ недѣли. Ура! ура! ура!

Вильямъ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Вчера былъ проливной дождь, и такъ какъ мы не могли гулять, то тетя Сусана рассказывала намъ сказочку, которую мнѣ приходится писать. Сказочка эта подъ заглавіемъ:

РАЗДАЧА НАГРАДЪ.

«Слушай хорошенько, сказала мнѣ тетя, и запиши эту сказочку моими словами.»

Царь звѣрей, могучій левъ, назначилъ однажды день для раздачи наградъ, и постановилъ, «что всякій желающій получить орденъ, долженъ самъ рассказывать свои подвиги, потому что царь всего знать не можетъ. Все звѣриное царство собралось на прекрас-

ной равнинѣ; тогда вышелъ левъ, всталъ на возвышеніе взглянулъ на это огромное, и великолѣпное сборище и кивнулъ головой.

Вокругъ трона стояли вельможи, т. е. тигры, гіены и барсы.

Левъ взглянулъ на этихъ опасныхъ подданныхъ и сказалъ: «Вѣрные и любезные слуги мои, вамъ нечего насчитывать заслуги свои: я знаю ихъ и безъ того и награждаю васъ орденами. Три породы эти такъ завывали, что испугали тихихъ звѣрьковъ и, безъ приношенія благодарности, они кинулись назадъ въ свои лѣса.

По удаленіи этого опаснаго народа, левъ вздохнулъ свободно; онъ сталъ держаться гордо и глядѣть грозно. «Подходите, не разбирая чиновъ,» крикнулъ онъ громовымъ голосомъ. Ко всеобщему удивленію выступилъ, съ ловкимъ поклономъ, хорекъ. «Нѣмъ ты заслужилъ орденъ?» спросилъ король строго.

«Самопожертвованіемъ, ваше величество. Всѣ мы знаемъ, что земля, жалкая юдоля, а я, какъ человѣкъ пожилой, знаю это по опыту;

мнѣ жаль молодыхъ, которые смотрятъ на землю, какъ на розовую кущу. Несчастные! Жизнь ихъ тяжела и горька, и это размышление вынудило меня предать смерти восемь паръ прекрасныхъ молоденькихъ голубей. Они мнѣ обязаны тѣмъ, что всѣ испытанія жизни для нихъ кончены.

Король строго посмотрѣлъ на просителя и отвѣчалъ: «Жизнь даръ, а не тягость; такихъ превратныхъ самоотверженій я не требую и орденовъ за нихъ не раздаю».

Теперь смиренно подошла лисичка: «Ахъ, да, сказала она со вздохомъ, «я раздѣляю мнѣніе короля. Точно такъ, ваше величество, жизнь даръ, а не тягость, что размышленіе подвигнуло меня на самое доблестное дѣло, когда либо совершенное лисой. Я, ваше величество, простое и скромное существо; тихо, безъ шума пробиралась я черезъ лѣса, не ища встрѣчи съ великими міра сего, я даже избѣгала людей, хотя они меня и отъискиваютъ. Но теперь я говорю о себѣ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ тихо пробира-
лась я по околицѣ села, размышляя о при-
родѣ; моя любовь къ мечтаніямъ заставила
меня забыть объ ужинѣ. Я была еще до-
вольно далеко отъ дому и подумала, что мое
семейство стало-бы безпокоиться обо мнѣ,
если-бы я вернулась безъ ужина; — вдругъ
изъ куста выскочила бѣлая курочка; «молодо
не бережно,» подумала я. «Вотъ средство
облегчить заботу, доброй семьѣ моей,» и
въ ту же минуту она очутилась у меня въ
зубахъ. Дома ѣтся спокойнѣе, непринужден-
нѣе и потому я бережно понесла ее въ зу-
бахъ; мнѣ пришлось идти мимо пруда: луна
блистала во всей красотѣ своей; лучи ея освѣ-
щали тихую и неподвижную воду, ни одинъ
листочекъ не колыхнется; природа....

Это мечтательное описаніе произвело нѣ-
которое безпокойство между слушателями:
волкъ топталъ на мѣстѣ. медвѣдь ворчалъ,
остальные ревѣли и зѣвали отъ скуки; левъ
поднял лапу въ знакъ молчанія и сказалъ:
«Природу въ сторону, говори короче.»

«Точно такъ, ваше величество, но вѣдь мы обязаны природѣ своими добрыми дѣлами и та минута, которая смягчила мою душу, тронула-бы всякаго. Глазамъ моимъ представился видъ — такой видъ! Я поглядѣла на прудъ, на луну, и подумала, какъ жизнь наша хороша! Между тѣмъ это доброе существо, которое у меня въ зубахъ, должно скоро умереть! А можетъ быть, у него есть друзья, родные, которые будутъ жалѣть о немъ? Этого я не допущу! Лучше страдать желудку, чѣмъ сердцу! — При этихъ словахъ я открыла пасть и счастливая курица вылетѣла на свободу.» Далѣе я не стану рассказывать. Левъ замолчалъ въ недоумѣніи и наконецъ сказалъ.

Только что я хотѣла написать, что сказалъ левъ, какъ пришли братья и зовутъ меня гулять; Отто обѣщается дописать сказочку.

Маша.

ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Маша никакъ не соглашается перебить льва и кончить сказку въ другой разъ, и мнѣ приходится окончить ее за нее; она велитъ мнѣ также написать, что тетя Сусана продиктовала ей сказочку, потому что хотя Маша очень хорошо помнила ее, но тѣми словами не могла писать.

И такъ:

Левъ сказалъ: «Это похвальный поступокъ, хотя и рассказанъ немного преувеличено; но лисицѣ такой подвигъ бываетъ очень труденъ и потому жалуюмъ тебя....» Но онъ еще не успѣлъ кончить, какъ въ сосѣдномъ кустѣ закудахтала курочка:

«Не вѣрьте ей, ваше величество; она увидала при лунномъ свѣтѣ охотника, который въ нее цѣлился и выстрѣлилъ; она разинула ротъ съ испугу, а я и убѣжала. Къ счастью, никто изъ насъ не былъ раненъ.»

Въ оправданіи на это лисица не успѣла проговорить слова, какъ левъ махнулъ такъ презрительно лапой, что она сочла за лучшее обратиться, но мимоходомъ бросила на бѣлую курицу взглядъ, отъ котораго у той всѣ перья стали дыбомъ.

Еще много звѣрей выходило, прося орденъ, и многимъ отказывали. Льву это уже начинало надоѣдать и онъ смотрѣлъ по верхамъ, какъ вдругъ замѣтилъ собаку съ искусанной мордой и съ кровью на ушахъ; онъ сейчасъ же обратился къ зайцу, одному изъ камергеровъ своихъ: «Подите сейчасъ же къ этому болвану, и спросите его, кто онъ такой и какъ смѣетъ являться сюда въ такомъ видѣ.»

Заяцъ отправился къ собакамъ. Какъ всѣмъ извѣстно, семьи ихъ живутъ въ вѣковомъ

раздорѣ и потому заяцъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы скорчить рожу, подѣ защитою торжественнаго дня.

«Я посланъ отъ имени его величества» сказалъ онъ, «узнать о вашемъ имени, званіи и зачѣмъ вы сюда пришли?»

Собакѣ стало досадно, глядя на хвастовство и дерзость зайца: «Поглядѣла бы я на тебя въ полѣ,» подумала она; но отвѣчала очень прямо и благородно: «Я тутъ изъ любопытства.»

Заяцъ засмѣялся самымъ обиднымъ образомъ: «Далѣе, его величество желаетъ знать, на какомъ семейномъ праздникѣ вамъ оборвали уши?»

«Не на праздникѣ», отвѣчала собака, «а въ честной битвѣ.»

И заяцъ отправился отдавать отчетъ по своему. Левъ вспыхнулъ отъ гнѣва:

«Не могутъ собаки прожить дня, чтобы не погрызться? Позовите сюда этого забіяку.»

Собака явилась, понутивъ голову; всѣ на нее смотрѣли съ любопытствомъ, но въ то же время отодвигались отъ нее съ презрѣніемъ; въ это же время нѣкоторые изъ зрителей замѣтили, что волкъ, украшенный орденъ, незадолго передъ тѣмъ, убѣжалъ въ лѣсъ, не выждавъ поздравленій.

Левъ взглянувъ на собаку съ спокойнымъ достоинствомъ: «Съ кѣмъ ты дрался?» спросилъ онъ.

«Съ волкомъ.»

«По какому случаю?» спросилъ король, пораженный такимъ отвѣтомъ.

«Онъ кинулся на господское стадо.»

«И на тебя?»

«Нѣтъ, на овецъ.»

«Былъ при этомъ хозяинъ?»

«Нѣтъ, онъ подоспѣлъ только, когда мы уже грызлись.»

«Ты храбро защищался?»

«Сколько могъ, до послѣдней возможности.»

«Что же было дальше?»

«Хозяинъ выскочилъ съ ружьемъ и застрѣлилъ волка, а меня похвалилъ и накормилъ моченымъ хлѣбомъ съ творогомъ.

Левъ пожаловалъ собакѣ богатый ошейникъ. «Ты храбрый защитникъ и безкорыстный слуга» сказалъ онъ. «Я былъ бы радъ, если бы у меня было больше такихъ какъ ты. Сегодняшнее засѣданіе кончено.»

Со всѣхъ сторонъ посыпались на собаку поздравленія; она прошла молча и даже не оглянулась на своего обидчика зайца.

Ошейникъ же остался при ея потомствѣ и понынѣ переходитъ изъ рода въ родъ.

Сказкой меня сбили съ порядку и во всемъ виновата Маша; впрочемъ, я былъ бы радъ, если бы сказка была еще длиннѣе; мнѣ очень хочется знать, что рассказывали остальные

звѣри. Когда тетя кончила, то мы просили рассказать намъ еще какую нибудь сказочку, про царевича и царевну.

«Это что за причуды?» спросила она, «такъ вамъ мои звѣри не нравятся?» «Нѣтъ,» тетя, очень нравятся, только хотъ разъ Расскажи про царевну»—Она кивнула головой.

Еще одно воскресенье, а тамъ и въ городъ; намъ всѣмъ очень жаль расставаться съ деревней. Мамочка намъ все говорить. «Глупыя вы дѣти, развѣ вамъ не хорошо въ городѣ?» — Разумѣется, хорошо, а все не такъ, какъ тутъ; городъ не деревня.

Мы кончили теперь нѣсколько разныхъ вещицъ, я клеилъ три коробочки, а Жозефина беретса ихъ обклеить. Онѣ съ Машей вышили цвѣточки на кардонкѣ, которые будутъ внутри, на днѣ коробочки; коробочки же будутъ: одна бѣлая, съ золотомъ, а другая голубая, съ серебромъ. Вильмъ уже выточилъ мотовилку и шесть табакерочекъ, а Маша съ Жозефиной вышили шесть подушечекъ, и четыре книжечки для иголъ.

Не знаю, чѣмъ это кончится; не можетъ же тетя купить все, чтобы мы ни наработали? На дняхъ мы устроимъ выставку и попросимъ тетю объяснить окончательно.

Отто.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Такъ какъ брату пришлось писать сказочку, то онъ уже не описывалъ прошлой недѣли и просилъ меня сдѣлать это за него. Впрочемъ, прошлая недѣля не была ничѣмъ замѣчательна, только что въ воскресенье послѣ обѣда мы отвезли пасторшѣ яблоковъ въ своей колесочкѣ. Мы вынули изъ нея сидѣніе и поставили ее полно боченками яблоковъ; на днѣ же лежалъ заяцъ и нѣсколько дроздовъ; пасторша была этому очень рада; да и было чему порадоваться.

И такъ я начинаю описывать эту недѣлю.

Понедѣльникъ. У насъ была выставка! Мамочка отдала намъ на этотъ день свою ком-

нату. Посреди мы поставили столъ и накрыли бѣлою скатертью; Маша съ Жозефиною очень хорошо его украсили; онѣ сдѣлали вѣнокъ изъ плюща и положили его по краю стола, потомъ второй, изъ осеннихъ красныхъ листьевъ, положили за нимъ, а третій, изъ желтыхъ съ зелеными крапинами, около краснаго; это было очень красиво! По середкѣ стояла моя мотовилка, а все остальное лежало вокругъ. Какъ только все было готово, такъ Маша, которая все время прыгала и цѣловала насъ отъ радости, сказала: «Теперь я сбѣгаю за тарелкой и поставлю у двери, можетъ быть, покупатели заплатятъ за входъ, но я объ этомъ не скажу ни слова.» Она принесла тарелку и потомъ уже побѣжала съ Жозефиной звать папу, маму, тетю Сусану, господина Флора и инспектора.

Всѣ похвалили нашу выставку и заплатили за входъ. Мамочка сказала: «Нѣтъ, я не дамъ Сусанѣ купить всю выставку; мы сейчасъ же устроимъ продажу съ молотка. Г. инспекторъ, не угодно ли вамъ будетъ выкликать?»

Онъ взялся за это очень охотно; мы сейчас же принесли ему досчечку и молотокъ, и продажа началась. Мы на радости такъ раскричались, что отецъ насъ уговорилъ.

Начали со швейной подушечки. Инспекторъ сказалъ: «очень хорошо сшитая или связанная швейная подушечка, — восемь грошей!

«Нѣтъ, нѣтъ,» закричала мама, «это слишкомъ много; одного довольно.»

Инспекторъ повторилъ: «подушечка швейная — одинъ грошъ!»

«Два,» закричала тетя.

«Три», сказала мама.

Инспекторъ сказалъ: «Три гроша! Даютъ три гроша! Въ первый разъ....»

«И два пфеннига» *), прибавила тетя.

«Полно», сказала мама, «это слишкомъ мелочной счетъ, я даю четыре гроша.

«Четыре гроша» повторилъ инспекторъ.

«И три пфеннига», прибавила опять тетя.

Тутъ мама вышла изъ терпѣнья:

*) Самая мелкая монета въ Германіи.

«Ну, ужъ ты мнѣ со своими пфеннигами! Пять грошей! Но это слишкомъ дорого.»

«Пять грошей въ первый разъ, пять грошей....»

«И три пфеннига!»

«Пять грошей и три пфеннига, даютъ пять грошей и три пфеннига, въ первый....»

«Шесть грошей» сказала мама.

«И одинъ пфеннигъ.»

«Дѣти», сказала намъ мама, «дайте мнѣ сюда кресло, меня Сусана измучила своими пфеннигами. Но я ей не уступлю. Семь грошей!»

«Даютъ семь грошей, семь грошей —»

«И одинъ пфеннигъ.»

«Восемь грошей!»

«И два пфеннига.»

Тутъ подошелъ папа и сказалъ: «Я даю талеръ.» (Какъ мы обрадовались.)

«И одинъ пфеннигъ.»

«Хорошо», сказалъ папа, «теперь довольно, я больше не даю.»

Инспекторъ сказалъ: «Даютъ талеръ и пфен-

нигъ, — никто не прибавляетъ? — Талеръ и пфеннигъ въ первый разъ, талеръ и пфеннигъ во второй и — въ третій! — И молотокъ стукнулъ объ доску. Мы никогда еще такъ не радовались! Тетя осмотрѣла подушечку и сказала: «Это вовсе не дорого, я-бы прибавила еще нѣсколько пфенниговъ.» — Да», сказалъ папа, «нѣсколько пфенниговъ, можетъ быть, но не талеровъ.

Мамочка обмахивалась платкомъ: «Какъ я разгорячилась отъ тетиныхъ пфенниговъ», сказала она, «смотри ты у меня Суза, чтобы этого больше не было.»

Этимъ порядкомъ продали также и все
остальное, намъ было очень весело! Мама
купила у насъ почти всю выставку, потому
что, какъ тетя прибавляла по пѣннигу, такъ
ей мама говорила: «Вотъ за то ты и не возъ-
мешь, я даю послѣднюю цѣну.»

Папа купилъ у насъ корзинку и двѣ маленькія коробочки. Инспекторъ — корзинку и книжечку для пголъ. Послѣ продажи, когда мы сосчитали деньги, то увидали, что у насъ

было 13 талеровъ и 8 грошей. Какъ мы будемъ прилежно работать, чтобы опять сдѣлать выставку. Уходя, мама сказала: «Я еще никогда не бывала въ такой дорогой лавкѣ, я совсѣмъ разорилась, такъ что эту зиму не могу въ театрѣ ѣздить.» — «Да», сказала тетя, «а все это оттого, что не позволяютъ скромнымъ людямъ покупать на пѣнниги; я же издержала всего два талера.»

Маша бросилась къ тетѣ на шею и сказала: «Ахъ, душечка тетя! вѣдь за это намъ надо тебя благодарить, ты это вздумала и уладила намъ.»

Тетя поцѣловала ее, потомъ Отто, а тамъ и меня и сказала: «Ну теперь пойдете въ мою комнату, тамъ мы сосчитаемъ сколько каждый изъ васъ истратилъ денегъ на выставку, и изъ 13 талеровъ каждому надо возвратить свои издержки.

Мы принесли свои записныя книжки, Сусана пересчитала, свела счетъ, расплатилась съ нами, остальные же деньги заперла въ свой письменный столикъ: «Вотъ такъ-то

у насъ будетъ все въ порядкѣ», сказала она, «послушайте же теперь: мы уже взяли мальчика, который будетъ у васъ на рукахъ, на вашемъ попеченіи. Его зовутъ Христіаномъ, у него семеро сестеръ и братьевъ; отецъ его здѣшній поденьщикъ. Начните съ того, чтобы сшить ему теплое зимнее платье; свои рубашки пусть онъ отдастъ братьямъ, а Маша съ Жозефиною пускай нашьютъ ему новыхъ, онѣ же должны вязать на него п чулки, въ этомъ и я помогу. Вы, мальчики, можете въ это время работать для новой выставки. Ему также надо купить аспидную доску и учебныя книги. Все это мы закупимъ, какъ только пріѣдемъ въ городъ.

«Тетя!» закричала Маша, «сколько ему лѣтъ? и какой онъ?»

«Ему десять лѣтъ и онъ кажется добренькій мальчикъ. Я ему велѣла прійти сегодня послѣ обѣда.»

Христіанъ пришелъ послѣ обѣда; онъ намъ всѣмъ понравился, и мы такъ радуемся на эту выдумку.

Вторникъ. Въ этотъ день доканчивали садикъ, а именно колодець. Мы его сдѣлали не такъ, какъ думали прежде, а купили кадку, врыли ее въ землю и въ нее должна затекать вода. Мы также добыли себѣ два ведра и уже почти всѣмъ обзавелись.

Въ одномъ мѣстѣ у насъ осыпался валъ и въ этотъ же день мы его поправили и по немъ разсадили бѣлый и красный шиповникъ. Миѣ кажется, я никогда не видывалъ лучшаго сада. Но у насъ въ саду нѣтъ еще скамеекъ. На покупку ихъ, мы скопимъ зимой денегъ. Мы съ Отто обдумываемъ, какъ бы намъ накопить побольше?

«Не ходи эту зиму такъ часто въ кондитерскую», сказалъ я ему.

«Конечно,» отвѣчалъ онъ, «вѣдь я уже больше не маленькій; но у каждого изъ насъ есть свой особый расходъ: я много трачу на сапоги, потому что безпрестанно протираются у меня носки,—а ты на голубей; ты забралъ себѣ въ голову, что у тебя непре-

мѣнно должны быть голуби всѣхъ породъ; по моему, это совсѣмъ лишнее.»

«Я тебѣ`обѣщаю, эту зиму не покупать ни одной пары, но вѣдь ты также долженъ подумать о сапогахъ своихъ.» Это онъ мнѣ обѣщалъ.

Среда. Въ этотъ день мы ѣздили вчетверомъ, въ своей маленькой колясочкѣ, прощаться съ пасторомъ. Насъ приняли очень ласково. Пасторша сидѣла съ дѣтьми и лупила орѣхи и сыпала ихъ въ лукошки; тутъ же стоялъ боченокъ грецкихъ орѣховъ.

Мы также присѣли за работу; пасторша была очень привѣтлива и велѣла подать намъ на завтракъ яичницу, хлѣба, масла, меду и грушъ. Все это было очень вкусно; послѣ завтрака мы опять принялись за работу.

«У насъ дѣло живо пдетъ,» сказала пасторша; «ужъ мы на зиму и плодовъ засушили, а завтра опять примемся за эту работу. Послѣ намъ надо будетъ лущить горохъ и бобы, а тамъ будемъ скотъ бить; то-то будетъ дѣло! Тутъ пойдетъ чистка, рубка, начинка

калбасъ и соспсокъ, а потомъ примемся топить сало и мокать свѣчи, а къ Рождеству будемъ печь пироги, караваи и пряники. Помните, какъ вы любили мои пряники?»

Мы всѣ поддакнули. «Да, да,» сказала она, «я вамъ накладу кузовокъ и вы возьмете ихъ съ собою. Въ городѣ у васъ будетъ много сластей и лучше моихъ пряниковъ, но печенія своей старой знакомки вы тамъ не найдете »

Этому обѣщанію мы всѣ очень обрадовались. Черезъ два часа мы должны были ѣхать; намъ бы очень хотѣлось еще остаться, и пасторшѣ хотѣлось насъ удержать, но этого нельзя было сдѣлать; у насъ были уроки.

Четвергъ. Мы всѣмъ домомъ собрались гулять въ лѣсъ, чтобы проститься съ нимъ. Тамъ уже осень была очень замѣтна; листья осыпались и застилали дороги, по которымъ едва можно было пробраться. Швѣцкихъ птицъ также больше не слышать. Воротясь домой, мы пошли въ послѣдній разъ на скотный дворъ, а оттуда на качели. Жозефина съ

Машей сѣли на одинъ конецъ, я на другой, а Отто стоялъ по середкѣ. Дѣло шло прекрасно! Когда мы рассказали объ этомъ мамѣ, то она сказала: «однако, вамъ было прохладно радоваться.» Но мы не озябли.

Пятница. Мы ходили прощаться съ людьми, и кое кому давали денегъ. Мы также зашли и къ Якиму. Маша съ Жозефиной нашили передниковъ и платочковъ изъ своихъ старыхъ платьевъ и каждая изъ нихъ несла съ собою сверточекъ. Мы съ Отто также раздавали свое старое платье, которое намъ мама уже не велѣла больше носить.

Сыну своему мы закупимъ все, какъ только пріѣдемъ въ городъ; портной снялъ уже съ него мѣрку. До нашего отъѣзда Христіанъ придетъ еще разъ къ намъ, чтобы проститься съ нами.

Суббота. Укладка во всемъ домѣ! Мы должны были убрать всѣ свои ящики и отобрать, что съ собою нужно и что тутъ оставить. Тогда уже принялись за укладку. Каждому изъ насъ дали сундучекъ для платья, бѣлья и

книгъ; мы также все укладывали сами, подъ надзоромъ г. Флора, потому что мамочка не любитъ безпорядку. Она намъ всегда говоритъ: «Вы должны умѣть все сами дѣлать и сами же за собой прибирать.» Теперь пора кончить, завтра мы уѣзжаемъ. Отто ужъ цѣлый день поетъ:

Мальбругъ въ походъ поѣхалъ.

Да, если онъ одного себя считаетъ, а то вѣдь насъ двое, съ г. Флоромъ даже трое.

Вильямъ.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Мы уже въ городѣ; какъ скучно было прощаться съ деревнею; здѣсь, впрочемъ, также весело. Послѣдніе дни мама часто на меня сердилась: я глядѣла, какъ она укладывалась и безпрестанно спрашивала: «Ахъ, мамочка, что это? Ахъ, мамочка, какъ это хорошо! Откуда это у тебя?» Наконецъ мама сказала: «Не суйся, гдѣ тебя не просятъ.» При укладкѣ мнѣ надали всякой всячины: ленточекъ, лоскуточковъ газовыхъ и шелковыхъ; все это пригодится мнѣ для работъ и для куколъ. Жозефина радовалась всякій разъ, когда я приносила новый лоскутокъ; иногда я приходила съ полнымъ передникомъ; но

изо всего намъ приходилось много выбрасывать.

Первые дни въ городѣ было скучно, потому что вездѣ было набросано и ничего не убрано, и какъ только мы съ Жозефиной покажемся, такъ насъ и гонятъ: «пойдите къ себѣ въ комнату, не мѣшайте тутъ,» говорили намъ безпрестанно.

На другой день послѣ нашего прїѣзда, тетя Сусана сжалелась надо мною. Она, въ сумерки, пришла съ братьями ко мнѣ въ комнату и спросила: «А что, Марихенъ, тепло ли у тебя? И топится-ли каминъ?»—«Да, тетя, да!»—«Ну, такъ я пришла къ вамъ со сказочкой о царевичѣ и царевнѣ, если вамъ не нравятся мои почтенные звѣри; но берегитесь, они будутъ мстить вамъ: собаки васъ загрызутъ, кошки запарапаютъ, зайцы собьютъ съ ногъ, лошади залягаютъ, коровы забадаютъ, медвѣди.....

«Стой, стой тетя!» закричалъ Отто, «насъ ужъ давно нѣтъ въ живыхъ, довольно.»

«Хорошо; ну, вотъ моя сказочка:

ПРИНЦЪ РОКО И ПРИНЦЕССА СОЛЯ.

Принцъ Роко и принцесса Соля были брать съ сестрой, и нѣжно любили другъ друга, какъ слѣдуетъ братьямъ и сестрамъ, но что къ сожалѣнію не всегда бываетъ. Они жили другъ для друга; вмѣстѣ—все казалось имъ прекрасно, порознь—не было имъ и радости. Это была преувеличенная нѣжность, которая росла съ ними и наконецъ обратилась въ неблагоразуміе. Крестная мать ихъ, волшебница, пришедъ однажды навѣстить ихъ, нашла, что такая любовь безтолкова и скучна. «На свѣтѣ нѣтъ ничего глупѣе этого,» сказала она, «любить другъ друга можно, но не такъ: воображать, что не можешь другъ безъ друга жить, это пошло. Я имъ докажу, что можно жить иначе: начиная съ сегодняшняго дня, два года они не увидятся.

Она сдѣлала нѣсколько знаковъ по воздуху, расщипала прекрасную розу, бросила половину листьевъ въ одну сторону, половину въ

другую, провела между ними черту, волшебнымъ жезломъ, и простилась съ крестниками своими, стоявшими подлѣ ея облачной колесницы. Занятые болѣе другъ другомъ, чѣмъ ею, они и не замѣтили черты, проведенной между ними.

Проводивъ волшебницу, они прослѣдили глазами за ея колесницей, запряженной красными гусями, и воротились домой, какъ только она исчезла. Но тутъ ихъ вдругъ раздѣлила невидимая стѣна; принцъ нехотя пошелъ въ одну сторону, а принцесса въ другую, и не видалось два года. Теперь начались поиски и нѣжныя заботы; изрѣдка они видѣли другъ друга вдаль, какъ тѣнь въ туманѣ, но не могли сойтись. Они ничего не дѣлали, и ничего не хотѣли дѣлать, а думали только объ одномъ: какъ бы опять сойтись? Такъ потеряли они два года. Наконецъ срокъ прошелъ и волшебница снова явилась въ облачной колесницѣ съ красными гусями. Опустышившись во дворецъ своихъ крестниковъ, она опять совѣмъ также расцѣпала розу, но на этотъ

разъ бросила всѣ лепестки въ одну кучу; крестники ея явились въ ту же минуту и, не помня себя отъ радости, кинулись другъ ко другу, не обращая на нее никакого вниманія. Тогда волшебница ударила въ полъ жезломъ, и принцъ съ принцессой стали какъ вкопанные, она-же сказала съ достоинствомъ: «Я дала вамъ два года на исправленіе и вамъ было время научиться другому. Разсудительная привязанность счастливить, а безтолковая любовь сводитъ съ ума; желаніе жить для своего удовольствія, недостойно человека. И такъ будьте отнынѣ на дѣлѣ, чѣмъ вы были по мыслямъ: ограниченныя твари, которыя живутъ только нынѣшнимъ днемъ, не заботясь о будущемъ.»

Она дотронулась до нихъ волшебнымъ жезломъ и они превратились въ парочку маленькихъ попугаевъ, называемыхъ нерознями (*inséparables*) и полетѣли въ золотую клѣтку, гдѣ, утѣвшись рядкомъ, продолжали жить беззаботно, качаясь въ золотомъ кольцѣ.

Когда тетя кончила, я ей сказала: «Эта сказочка совсѣмъ не хороша, тетя, и за то ты намъ должна разсказать сейчасъ же другую.»—«Вотъ видишь, ты какая: звѣрей моихъ не любишь, людей не понимаешь, чего же тебѣ надо? Это очень хорошенькая сказочка, которую я только что сочинила.»—«Да! ты *сама* сочинила, потому-то она и не хороша! А ты разскажи прочитанную: чтобы были золотые замки, брилліантовыя платья, прекрасные принцы и принцессы, такіе красавцы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.» Тетя засмѣялась: «Ну, такъ и быть, разскажу: та сказочка была хорошенькая; если-же тебѣ и эта не понравится то ищи себѣ другую разскащицу. Сказка подъ заглавіемъ:

ДВОРЕЦЪ И ЛАЧУГА.

Однажды осенью сидѣла одна женщина у очага и пряла; подлѣ нея сидѣлъ сынъ ея и дочь и щипали лучину; на очагѣ варился картофель на ужинъ. «Матушка,» сказала

дочь, «ты-бы сварила когда пшеной кашпцы, а то все картофель, да картофель; еще кабы съ масломъ, да съ солью, такъ бы другое дѣло.»— Да откуда-же миѣ пшена взять, Марѳа, доходовъ нашихъ на это не стаетъ; когда я заплачу за наемъ избы, да васъ одѣну, то ужъ и за это благодарю Бога. Да, мы люди бѣдные; у богатыхъ нѣтъ такихъ заботъ, они живутъ припѣваючи: нарядятся, ѣдятъ пироги да жареное; имъ и горя мало, цно любимцы неба, а объ насъ горемычныхъ никто не позаботится.»

«Матушка,» сказалъ сынъ, смотря на свою мать, «вѣдь мы здоровы.»

«Да, здоровы, и больше ничего, если бы мы ко всему тому да были больны, то ужъ я не знаю, что бы съ нами было. Нѣтъ, Маркъ, что ни говори, а богатымъ быть хорошо.»

«Вотъ что, матушка,» сказалъ опять сынъ, «оно бы хорошо, да тебѣ-то это не кстати.»

«Глупый ты мальчишка; конечно, не кста-ти быть богатой вотъ такъ, какъ тутъ сiju, а будь у меня деньги, я-бы всѣмъ обзаве-

лась: людьми, экипажемъ, лошадьми, да на-
купила-бы себѣ глатьевъ; тутъ-то бы тебѣ
на меня посмѣтрѣть.»

Прежде чѣмъ Маркъ поспѣлъ отвѣтить,
дверь растворилась и вошелъ крошечный че-
ловѣкъ, съ посошкомъ въ рукавъ и сказался
путникомъ, который проситъ пристанища.

Старуха приняла его и затянула опять преж-
нюю пѣсню свою, жалуясь на бѣдность и
приговаривая, что будь она богата, она бы
приняла его совсѣмъ иначе.

«Вотъ вы какъ думаете,» отвѣчалъ чело-
вѣчекъ, «а вѣдь богатые-то рѣдко бываютъ
гостепріимны: надо испытать нужду, для то-
го, чтобы понимать ее. Но вы говорите, что
желаете быть богатой? Ничего нѣтъ легче
этого.»

Женщина улыбнулась: «Легко? нѣтъ, будь
это легко, ужъ я давно бы была богатой.»

«Я вамъ говорю, что нѣтъ ничего легче
этого. Мнѣ стоитъ только дотронуться до
этого изломаннаго соломеннаго стула и онъ
превратится въ прекрасное кресло съ малп-

новой бархатной подушкой. Вы не вѣрите? Такъ посмотрите.»

Чудо случилось въ глазахъ женщины, которая испуганная и удивленная смотрѣла во все глаза. Странникъ продолжалъ: «Я-бы могъ обратить столъ, стѣны, кровати, все, все, но даже и этихъ околичностей много; мнѣ стоять только протрещать: Рrrrrrr, и ваша избушка станетъ дворцемъ, вы-же, съ дѣтьми, сидя на прежнихъ мѣстахъ, будете богато одѣты и можете угощать меня, какъ странника, прекраснымъ столомъ.»

«Ахъ, мой милый, безцѣнный гость!» воскликнула женщина, «говорите, говорите скорѣе рrrrrrr.»

«Матушка, матушка!» вскрикнулъ Маркъ, «проси лучше богатую избу, но не проси дворца: что мы тамъ будемъ дѣлать?»

Мать закричала на него «молчи;» маленький же и невзрачный господинъ сказалъ свое знахарьское слово, и вдругъ все очутились въ прекрасномъ дворцѣ, за рѣдкимъ обѣдомъ.

Всѣ оглядывались въ удивленіи; мать и дѣвочка обрадовались, мальчикъ же вздохнулъ.

«И такъ, графиня, мы съ вами сидимъ за столомъ,» сказалъ путникъ.

«А я развѣ графиня?» спросила женщина и захохотала довольно глупо.

«Конечно. Не угодно ли вамъ приказать, чтобы подали супъ.»

«Какъ же мнѣ приказать?» спросила она тихо и нерѣшительно.

«Да вотъ, какъ я сказалъ.»

«Я приказываю, чтобы подали супъ.»

Сейчасъ же это исполнилось. Лакеи принесли тарелки и обѣдъ начался; гость ѣлъ очень спокойно, а хозяйева боязливо и нерѣшительно. Дѣвочка сейчасъ-же обожгла себѣ ротъ и со страху не знала, куда дѣваться. Мальчикъ, чтобы простудить супъ, дулъ въ ложку такъ, что брызги летѣли во всѣ стороны, а мать, которая находила все это неприличнымъ, глотала свой супъ такъ поспѣшно, что чуть не захлебнулась. Нечего и говорить, вкусно ли ей было ѣсть. И такъ это

продолжалось на разныя лады, пока наконецъ не кончился обѣдъ.

Гость отвелъ графиню въ другую комнату.

Ну, ужъ я больше не могу писать, пусть Отто доканчиваетъ въ будущее воскресенье, у меня уже болятъ пальцы.

Маша.

ТРИДЦАТЬ ОСЬМОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Однако, Отто не допишетъ сказочки. — Нельзя-же мнѣ вѣчно дописывать Машины сказки и сбиваться для этого съ толку. Можетъ быть, Вильмъ согласится на это: ему все равно, что писать.

Понедѣльникъ. Это былъ трудный день; г. Флоръ испытывалъ насъ, какъ обыкновенно при выѣздѣ на дачу и возвращеніи въ городъ. И онъ и отецъ были довольны нами. Когда все кончилось, то мы были такъ рады, что кинулись другъ другу на шею; Маша также прибѣжала, повисла на насъ и кричала отъ радости. Намъ было очень весело, но бѣситься, какъ бывало прежде, не

хотѣлось; мы не такъ были настроены, но съ удовольствіемъ дали нищему серебряную монету.

Вторникъ. Мы ходили въ лавки съ тетей Сусаной и закупали разныя вещи для своего сына. Мнѣ позволили нести кошелекъ съ деньгами; подъ конецъ въ немъ осталось уже очень немного.

Въ этотъ же день были мужики изъ деревни и надо было съ ними отослать вещи портному. Съ новаго года Христіанъ будетъ ходить въ школу на нашъ счетъ. Тетя Сусана сама принялась шить ему бѣлье, потому что Маша съ Жозефиной не справятся; у нихъ и безъ того теперь пропасть работы къ праздникамъ, т. е. подарковъ.

Купецъ, у котораго мы брали матерію, думалъ сначала, что все это для меня, и очень удивлялся выбору; наконецъ онъ сказалъ: «Да вамъ для кого угодно? Для барина?» — Тетя засмѣялась и отвѣтила: «Нѣтъ, не для барина, а для баринова пріемыша.» Это было очень смѣшно; мы всѣ засмѣялись.

Вечеромъ мы были въ театрѣ; давали: «Мечъ и коса.» Намъ съ Вильмомъ это очень понравилось; тутъ видна вся солдатская жизнь, особенно же было хорошо то мѣсто, гдѣ король велитъ снять съ себя сапоги и кафтанъ. Маша многого не поняла и ей бы лучше хотѣлось видѣть другую комедію. Она въ первый разъ была въ театрѣ и очень насъ насмѣшила; когда занавѣсъ поднялась, то она спросила меня: «На чемъ это они стоятъ, на столѣ, что ли?» Она половины вовсе не разобрала и только радовалась на наряды королевы и принцессы.

Среда. Въ среду у насъ былъ первый урокъ гимнастики, съ тѣхъ поръ, какъ мы въ городѣ, а подъ конецъ еще мы фехтовали съ учителемъ. Онъ былъ недоволенъ; мы разучились въ деревнѣ и потому, по нашей же оплошности, намъ разъ другой порядкомъ досталось рапирой; подъ конецъ у меня и руки не поднимались: «Ничего,» сказалъ онъ, «нужда научить; коли хотите драться, то прежде всего не зѣвайте; иногда и самая

жизнь отъ этого зависить, когда случится защищаться не на шутку.»

Въ деревнѣ г. Флоръ нѣсколько разъ хотѣлъ фехтовать съ нами, но намъ обыкновенно не хотѣлось; теперь мнѣ досадно, что мы не фехтовали, потому что насъ вѣроятно поколотили не въ послѣдній разъ, да кромѣ того насъ еще и осмѣяли остальные мальчики. Я знаю, что надобно владѣть собою, и не подавать виду, — только нѣсколько разъ было такъ больно, что я чуть чуть не заплакалъ.

Послѣ обѣда мы пошли гулять съ г. Флоромъ, но вскорѣ такъ смерклось, что мы заблуждались въ лѣсочкѣ. Г. Флоръ говорилъ: «Если-бы не такъ темно, то я-бы скоро нашелъ дорогу.» Но въ потьмахъ мы насилу видѣли другъ друга. «Что, какъ тутъ есть разбойники!» сказалъ Вильмъ. «Что какъ!» отвѣчалъ г. Флоръ, «это напрасный страхъ, можешь успокоиться.»

Мы все шли да шли, но вдругъ услышали трескъ и шорохъ въ валежникѣ; мы остано-

вились, все притихло; мы пошли, опять шорохъ. Г. Флоръ окликнулъ: «кто идетъ? говори.» Молчатъ; какъ мы тронулись съ мѣста, опять что-то зашевелилось. «Мы сбились съ дороги,» закричалъ г. Флоръ, а коли есть кому показать, такъ скажитесь.» Сначала молчокъ, но вскорѣ мы услышали визгъ и плачъ въ кустахъ. «Да не бойтесь-же,» сказалъ г. Флоръ ласковымъ голосомъ, «мы честные люди.» Тутъ громко заплакали и изъ подъ кустовъ выползла дѣвочка, которая собирала хворостъ и запоздала, какъ мы-же. Г. Флоръ спросилъ ее: «откуда ты?»—«Я валежнику набрала такъ много, что не могу снести; торопилась, торопилась, а тутъ уже смерклось.»—«Для чего же ты набрала такъ много?»—«Какъ мало наберу, такъ побьютъ.» — Г. Флоръ взялъ у нее вязанку и пошелъ съ нею впередъ; я слышалъ, какъ онъ сказалъ съ улыбкой: «Хорошее средство, чтобы заставить работать.»

Наконецъ мы выбрались на дорогу и не шли, а бѣжали такъ скоро, что дѣвчонка едва

могла поспѣвать за нами; въ городѣ она знала дорогу; г. Флоръ далъ ей денегъ, она поблагодарила и пошла. «На этотъ разъ мы были орудіемъ въ рукахъ Провидѣнія,» сказалъ г. Флоръ, «чтобы выручить бѣдную дѣвочку.» Мы еще много говорили объ этомъ похожденіи и обо всемъ, что намъ при этомъ думалось. Дома мамочка насъ ждала и уже беспокоилась.

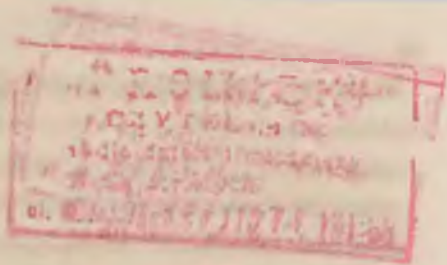
Четвергъ. Очень обыкновенный день; нечего рассказывать, кромѣ того развѣ, что за обѣдомъ былъ яблочный пирогъ.

Пятница. Г. Флоръ читалъ намъ изъ *Путешествія на Востокъ*, доктора Шуберта; это очень занимательная книга и мы слушали съ большимъ удовольствіемъ. Какъ хорошо то мѣсто, гдѣ онъ подъѣзжаетъ къ монастырю Св. Екатерины и къ Синайской горѣ! Мнѣ бы хотѣлось видѣть монастырь и горы, на которыхъ пасъ овецъ тесть Моисея. — Г. Флоръ обѣщалъ прочесть намъ со временемъ также про Иерусалимъ и Вифлеемъ; когда мы

читаемъ, то обыкновенно отыскиваемъ всѣ мѣста на картѣ.

Суббота. Г. Флоръ опять читалъ Путешествіе на Востокъ и мы жадно слушали. Это славная книжка! Вечеромъ тетя и мамочка играли съ нами въ азбуку: это такая игра.

Отто.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Маша просить меня дописать сказочку, которую она начала, потому что ее рожденіе на будущей недѣлѣ и ей хочется писать объ этомъ днѣ. И такъ:

Обѣдъ кончился и видно было, что къ новой графинѣ это положеніе не пристало; дѣвочка, отъобѣдавши, утерлась рукавомъ богатаго платья, а мальчикъ сдѣлалъ не лучше: онъ утерся просто рукою; мать же шла подъ руку съ гостемъ, приступая будто въ прежнихъ мужицкихъ деревянныхъ башмакахъ, которые носятъ въ томъ краю.

Лакеи стали разносить кофе; «какъ можно пить кофе послѣ ужина,» спросила графиня съ удивленіемъ.

«Никакъ нѣтъ-съ, графиня,» отвѣчалъ маленькій ея гость, «мы только что отъобѣдали.»

«А когда-же спать-то ложиться?»

«Если вамъ угодно по раньше, то часовъ въ одиннадцать, а иначе, всегда сидятъ за полночь. Но теперь я долженъ удалиться; денегъ вы найдете вотъ тутъ въ шкапу: лакей, карета, лошади, все къ вашимъ услугамъ, теперь вы богаты, знатны и счастливы.»

Какъ скоро гость ушелъ, то мать, оставшись одна съ дѣтьми, стала вздыхать. Сынъ ее спросилъ: «что ты вздыхаешь, матушка, вѣдь гость сказалъ тебѣ, что ты теперь счастлива, а между тѣмъ, ты прежде въ нашей хижинѣ не бывала такъ скучна.»

Мать снова вздохнула: «ахъ, Маркъ,» сказала она, «вѣдь все это плохая шутка, я во все не счастлива, я боюсь этихъ важныхъ господъ, которые у меня лакеями, я думаю, они надо мною смѣются, и я вижу, что ни ты, ни Марѳа, ни я не годимся для такой жизни.»

«Такъ отпусти насъ домой, вѣдь у насъ есть своя избушка.»

«Да, наша избушка! то-то и дѣло, если бы ее намъ воротить, но трудно будетъ той, которая была графиней и у которой былъ такой чудный дворецъ и столько денегъ, жить въ бѣдной избушкѣ. Ахъ, если бы можно было забрать денегъ съ собою!»

«Да вѣдь деньги твои,» сказала Марѳа; и мы можемъ набить ими всѣ корманы; я захвачу съ собою сколько могу.

«Нѣтъ, этого нельзя; какъ скоро я больше не буду графиней, то ужъ и деньги будутъ не моп. Видите ли, что я думаю: за то, что я ворчала, другимъ завидывала и не была довольна своимъ, мнѣ и послано въ наказаніе все, что я себѣ желала. Да, это мнѣ наказаніе, потому что здѣсь я несчастлива, а между тѣмъ, жить по прежнему я не хочу. Что же изъ этого будетъ?»

«Матушка,» сказалъ мальчикъ, «на твоёмъ мѣстѣ, я бы думалъ, что все это сонъ и радовался бы, проснувшись въ своей старой

избушкѣ. Притомъ вѣдь мы вовсе не такъ бѣдны: у насъ есть изба, садъ съ двумя яблонями, орѣховое и грушевое дерево и еще коза; чего же намъ больше? Мнѣ кажется, мы были очень счастливы, а ты что думаешь?»

«Я также думаю, Маркъ,» сказала Марѳа. «Право, стыдно прихотничить; картофель намъ чѣмъ не ѣда? Вѣдь это значить зазнаваться. А какъ я взгляну на свои руки, то и вижу, что родилась для работы, а вовсе не для того, чтобы быть графинею, да и ты также, Маркъ.»

«Дѣти мои,» сказала мать, «не извѣдавъ горя, не узнаешь и радости, вѣдь я была богата, и богата вами; приходится мнѣ выкинуть всю дурь изъ головы и со смиреніемъ просить прежней своей избышки.»

Она обняла своихъ дѣтей, и ей показалось, будто какое-то облако слетѣло съ ея глазъ и когда она открыла глаза, то увидала себя снова въ своей хижинѣ передъ огнемъ и держала обоихъ дѣтей въ рукахъ. Прежде чѣмъ она успѣла опомниться, кто-то постучался

въ дверь и взошла сосѣдка, съ просьбою, дать ей нѣсколько картофелинъ, съ горестью описывая свою нужду.

Никогда еще никакой богачъ не подавалъ бѣдному съ такимъ чувствомъ, какъ теперь дала женщина, которая сама была въ нуждѣ. Такого спасибо никогда не говорятъ богачу, его говорятъ только бѣднымъ; судьба надѣляетъ всѣхъ справедливо и доброму вѣрному сердцу даетъ такую же долю, будь оно хоть и въ бѣдной хижинѣ. Съ тѣхъ поръ бѣдная женщина не желала больше никогда себѣ богатства; но благословеніе небесное оставалось при ней; у нее никогда болѣе не было недостатка въ хлѣбѣ и бодрости.

Мнѣ эта сказочка очень нравится и я ее хорошо понимаю, потому что часто желалъ себѣ чего нибудь неразумнаго.

Вильямъ.

СОРОКОВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Виля дописалъ за меня сказочку; онъ всегда таковъ; если его о чемъ попросишь, то никогда не откажетъ. Отто я также люблю, но онъ не всегда дѣлаетъ, о чемъ его просишь.

Мнѣ хотѣлось писать самой о своемъ рожденіи и я просила Отто не говорить ни слова объ этомъ днѣ, потому что его рожденіе, которое днемъ позже, празднуютъ въ одинъ день съ моимъ.

Понутру, когда мы пошли поздороваться съ папой и мамой, то ничего не было замѣтно, ни стола съ подарками, ни кренделя, ни кофея; мнѣ это очень не понравилось. Отто го-

ворить, что во все время у меня были слезы на глазахъ, но я этому не вѣрю, я думаю, ему только такъ показалось. Всѣ насъ поздравили и мы сѣли завтракать; миѣ дали кусочекъ сахару къ молоку, какъ обыкновенно даютъ по воскресеньямъ. Послѣ этого, я говорила выученные стихи, и мы стали собираться въ церковь. Мамочка вѣрно видѣла, что я была не совсѣмъ-то спокойна, она уговаривала меня внимательно слушать проповѣдь, потому что по праздникамъ надо усерднѣе молиться.

Я была очень внимательна, но шедши въ церковь, я немного про себя поплакала: миѣ было что-то очень скучно. Можетъ быть, не потому ли, что у мамочки не было стола съ подарками.

Послѣ обѣдни мама много говорила съ нами о проповѣди и спрашивала, поняли ли мы ее? Потомъ она намъ велѣла переодѣться и придти ко второму завтраку. Когда мама это сказала, то у меня сердце такъ и забилося; мы съ Отто обнялись и прыгали и плясали,

такъ что Вилъ и Жозефина хохотали во все время.

Не даромъ же у меня сердце-то билось! Когда мы вошли къ мамѣ, то стоялъ столъ съ шоколадомъ и кренделемъ, другой же съ подарками. Жаль только, что оба стола стояли въ одной комнатѣ: разсмотрѣвъ подарки, мы сѣли за шоколатъ, но все поглядывали на тотъ столъ. Я очень люблю шоколадъ, но подарки мнѣ не давали спокойно его выпить. Жозефинѣ и Вилѣ также досталось по подарку: Жозефинѣ передникъ, а Вилѣ складной ножикъ, со многими ножами и другими снарядами. Мы радовались, что и имъ также что нибудь досталось.

Всего больше мнѣ понравилась самопрялка; я такъ рада, что буду учиться прясть, и будущую весну я посѣю пеньку у себя въ саду, спряду ее и отдамъ соткать холстъ кукламъ на простыни. Мама говоритъ, что я очень умно придумала; когда же я сказала объ этомъ Отто, то онъ со смѣху помпралъ, я же не могла понять, съ чего; онъ все кричалъ:

«ты хочешь пеньку сѣять! пеньку! пеньку!»
Наконецъ Виля растолковалъ мнѣ, что пеньки не сѣютъ, потому что пенькою называется самое волокно, а сѣять конопель. Надъ этимъ совсѣмъ не стоило такъ хохотать; онъ очень хорошо понималъ, что я хотѣла сказать.

За столомъ было очень весело и мы много смѣялись. Виля хотѣлъ на насъ стихи сочинить, которые начинались такъ: «О, нынѣ торжественный день!»

Жаль только, что онъ не могъ ихъ окончить и остановился на торжественномъ днѣ. Намъ дали также вина, и Отто шепнулъ мнѣ: «давай, чокнемся такъ, чтобъ зазвенѣло.» Мы такъ и сдѣлали, а мама закричала: «рюмки-то, рюмки — берегите!»

Но душка моя, мамочка, уже опоздала: рюмка у Отто уже разлетѣлась въ дребезги, и онъ весь покраснѣлъ, но папа засмѣялся и мамочка тоже.

Самое-же веселье было послѣ обѣда: къ намъ пришли шесть мальчиковъ и шесть дѣвочекъ, самые наши лучшіе знакомые!

Мамочка поставила намъ для живыхъ картинъ двѣ большія коробки съ платьями, лентами, цвѣтами, перьями и со всякими нарядами. Г. Флоръ раздѣлилъ насъ на двѣ части: одна половина играла, а другая смотрѣла; потомъ та, которая сначала смотрѣла, должна была играть, а которая играла—смотреть.

Труппа (такъ называлъ насъ г. Флоръ), въ которой я была, представляла шараду; мы взяли слово *паровозъ*. Мы поставили столъ среди сцены, какъ мы называли то мѣсто, гдѣ играли, а на столъ поставили чайникъ съ кипяткомъ и открыли крышку, чтобы шель оттуда паръ; это былъ первый слогъ, *паръ*; мнѣ оно казалось слишкомъ ясно, но все такъ хотѣли; такъ и сдѣлали. Послѣ этого второй слогъ *возъ*: мы привезли мою телѣжку и наложили ее полну разными кукольными столпками и стуликами, а Отто везъ все это на четверенькахъ и пыхтѣлъ, какъ настоящая лошадь, а другой мальчикъ шель около него и погонялъ его кнутомъ. Это второй слогъ,

возъ. Потомъ все слово *паровозъ*. Г. Флоръ взялъ снятый со стола самоваръ, который еще кипѣлъ. Виля уцѣпился за г. Флора, за Вилю другой, а за того третій, и такъ цѣлой вереницей мы пробѣжали черезъ сцену, изъ одной двери въ другую; это было очень хорошо, точно настоящій паровозъ; всѣ засмѣялись, а мамочка испугалась, что мы бѣжали съ горячимъ самоваромъ. Нашу шараду скоро отгадали.

Кромѣ этой шарады, мы еще много и долго представляли и намъ было очень весело! Изъ живыхъ картинъ мы представляли Те-ля, который сбиваетъ яблоко съ головы сына, потомъ двѣ картинки, первая: Дѣдушка учитъ ружейнымъ приѣмамъ своего внука. Г. Флоръ былъ дѣдушкой, а младшій изъ мальчиковъ—внукомъ. Г. Флоръ былъ очень хорошъ дѣдушкой: онъ расписалъ себѣ лицо въ морщинахъ, жженой пробкой, и надѣлъ льняной парикъ. Во второй картинѣ сидѣла старуха съ очками на носу и съ кошкою въ рукахъ; она читала книжку, а около нее стоя-

ли и слушали двѣ дѣвочки, но онѣ больше зѣвали по сторонамъ, чѣмъ слушали. Всего веселѣе мнѣ было то, что меня посадили бабушкой: мнѣ очень нравилось быть въ очкахъ, но мой носъ былъ такъ малъ, что очки на немъ не держались и ихъ надо было привязать; на кресло мнѣ положили три подушки, чтобы казаться выше, и меня одѣли настоящей старухой. Но въ живыхъ картинахъ неловко то, что нельзя шевелиться.

Между шарадами и картинами намъ дали молока, хлѣба съ масломъ и пирога, а когда представление кончилось, то мы ѣли пирожное. Намъ всѣмъ было очень, очень весело, и когда мы прощались, то каждая изъ насъ говорила: «Жаль, что вечеръ ужъ прошелъ! а какъ было весело!»

Эту недѣлю мы съ Жозефиной были очень прилежны, потому что черезъ двѣ недѣли елка! Жозефина знаетъ много работъ, которыхъ я не знаю; она меня учитъ и мы работаемъ вмѣстѣ. Мы сдѣлали очень хорошенькую накладку; вотъ какъ: для этого берутъ

нѣсколько вѣтокъ изюма и, очистивъ ихъ отъ ягодъ, макають до трехъ разъ въ сургучъ, распущенный въ спиртѣ; когда онѣ высохнутъ, то дѣлаются очень похожи на красные кораллы.

Послѣ этого, надо вырѣзать изъ картонки продолговатый четырехугольникъ съ закраинами, оклеить его бумажкой и приклеить сверху эту вѣтку коралловъ; мы обклеили глянцевитой бѣлой бумагой, и оно вышло точно вѣтка коралловъ на бѣломъ камнѣ. По настоящему, это слишкомъ легко для накладки, и Жозефина говоритъ, что слѣдовало бы купить свинцовую плиточку и подклеить ее подъ низъ, но для насъ это слишкомъ дорого.

Школьный учитель писалъ намъ, что Христіанъ получилъ нашу одежду и ему она въ пору. На праздникахъ Виля и Отто съѣзжаютъ въ деревню, повидаютъ его и отвезутъ ему: тетрадей, пирожковъ и разнаго гостинца.

Маша.

СОРОКЪ ПЕРВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Понедѣльникъ. Мы съ Вильмомъ учились даже въ воскресенье, потому что г. Флоръ совѣтовалъ намъ, вмѣсто всякаго другаго подарка отцу, написать хорошее латинское сочиненіе; онъ сказалъ, что отцу это будетъ всего пріятнѣе. Я также думаю, что это лучше всего, потому что отецъ ужасно любитъ латинскій языкъ и не можетъ понять, почему я его не люблю. Онъ говоритъ, что для него нѣтъ высшаго наслажденія, какъ прочитавъ что нибудь изъ латинскихъ классиковъ, но я гораздо охотнѣе читаю по-нѣмецки, потому что тогда понимаю, что читаю.

Въ понедѣльникъ мы также работали въ свободное время; я писалъ цѣлый часъ, и вдругъ сказалъ Вильму: «А что, если я опрокину невзначай чернильницу и испорчу весь переводъ?» Вильмъ испугался и сказалъ: «зачѣмъ тебѣ опрокидывать, и какъ можно этимъ шутить?» — Но я вовсе не шутилъ и все время думалъ про себя: что, если, теперь чернильница опрокинется и зальетъ и мой и его переводъ и намъ придется трудиться снова? Что если мы тогда не успѣемъ къ празднику?» Я такъ этимъ измучился, что не могъ больше писать и положилъ перо. Когда я объ этомъ разсказалъ г. Флору, то онъ сказалъ: «Вильмъ прилежнѣе и внимательнѣе тебя, и потому такой вздоръ ему и въ голову не приходитъ.»

Вторникъ. Мы съ Вильмомъ готовимъ мамочкѣ къ рождеству столикъ. Это намъ придумалъ отецъ; онъ же платитъ издержки на лѣсъ, лакъ и т. д., а мы даримъ только работу свою. Мы уже давно ходимъ къ столяру, четыре раза въ недѣлю, и работаемъ у

него около часу. Отцу хочется, чтобы мы за все умѣли взяться.

Мы дѣлаемъ простой четырехугольный столикъ, съ прямыми ножками и съ ящичкомъ. Вильму очень хотѣлось выточить ножки, но на это не станетъ времени. Отецъ говоритъ, что это очень хорошій, прочный подарокъ и что мамочка будетъ имъ довольна.

Тетѣ Сусанѣ я клею баульчикъ розовый съ серебромъ; Вильмъ точитъ ей чашечки для мыла, щеточекъ и миндальныхъ отрубей. Машѣ съ Жозефиной мы также даримъ по баульчику.

Среда. Въ этотъ разъ фехтованіе шло лучше; на мою долю достался только одинъ ударъ, но за то до спни; мнѣ стало больно, я вышелъ изъ себя и сталъ бѣшено наступать на учителя, но онъ закричалъ: «Тише, тише, чѣмъ больше достается, тѣмъ хладнокровнѣе надо продолжать!» Ему хорошо было говорить, а у меня всегда больше силы, когда я разсержусь.

Маша съ Жозефиной также учатся гимнастикѣ на дому. Онѣ бѣгаютъ, прыгаютъ и ходятъ по доскѣ, которая ставится на ребро. Ихъ также будутъ учить маршировать, чтобы онѣ прямѣе держались. Жозефина не понимаетъ учителя и всегда переспрашиваетъ Машу: «Mais Marie, qu'est-ce qu'il dit? Qu'est-ce qu'il dit?» Онѣ съ Машей очень хорошо понимаютъ другъ друга и очень мило болтаютъ между собой.

Четвергъ. Опять писали по-латынѣ, и г. Флоръ былъ очень доволенъ, даже похвалилъ меня. Послѣ обѣда онъ ходилъ съ нами гулять; выпалъ снѣгъ, и мы играли въ снѣжки. Къ счастью къ намъ пришли лучшіе друзья наши, Фридрихъ и Густавъ, и мы еще пуще разбѣсились. Минка выбѣжала за нами, лаяла и прыгала на насъ; сначала мы надъ ней смѣялись, но когда она слишкомъ разбѣсилась, я ударилъ ее порядкомъ. Она было завизжала, но сейчасъ же пустилась бѣжать за нами и лаяла и прыгала, какъ ни въ чемъ не бывало. Фридрихъ сказалъ мнѣ: «смотри,

Отто, какъ ты несправедливъ, ты самъ кричишь, а Минкъ не позволяешь лаять.

Пятница. Все въ домъ было какъ-то празднично, торжественно и таинственно; въ инныя комнаты насъ уже не пускали, а когда мы вздумали радоваться, то мамочка сказала: «Не воображайте, однако, что вамъ много достанется; теперь не такія времена.» Странно — когда скажутъ что нибудь такое: вѣдь знаешь, что это шутка, а все-таки испугаешься. У Машин сейчасъ навернулись слезы, а сама она смѣялась; очень смѣшно на нее смотрѣть, но мнѣ иногда самому хочется заплакать. Вильмъ всѣхъ спокойнѣе и даже утѣшаетъ насъ въ такихъ случаяхъ. Я вовсе не думалъ подглядывать, но увидалъ санки! Ура! вотъ-то будетъ потѣха!

Суббота. Еще днемъ ближе! (А сегодня воскресенье, осталось только три дня до елки). Мы почти кончили работу. Въ субботу мы крыли мамочкинъ столъ политурой, да какъ хорошо, точно зеркало. Политура очень дурно пахнетъ и я нѣсколько разъ говорилъ это

столяру, но онъ отвѣчалъ: «нашему брату мастеровому надо ко всему прпвыкать.» Я засмѣялся и больше не жаловался; вѣдь онъ правъ. Мы очень радуемся на столъ, потому что сами съ нимъ справились и мамочка будетъ рада.

Отто.

СОРОКЪ ВТОРОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Сегодня мнѣ приходится столько писать, что и не знаю, какъ справлюсь. Прошрое воскресенье, какъ только Отто дописалъ свой дневникъ, мама насъ спросила: не хотимъ ли мы нарядить елочку деревенскимъ дѣтямъ, т. е., дѣтямъ садовника, охотника и другимъ ребятишкамъ? Мы онемѣли отъ радости.

«Хорошо,» сказала мама, «если это вамъ такъ нравится, то мы съ тетей дадимъ вамъ денегъ, а чего не достанетъ, то вы добавите изъ своихъ. Завтра мы закупимъ все, что надо, и нашѣмъ наскоро передняковъ и платочковъ; кромѣ того вамъ надо купить: книгъ, перьевъ, карандашей, бумаги, ящиковъ съ

красками, цвѣтной бумаги, нѣсколько рабочихъ ящичковъ и, дешевыхъ куколъ и игрушекъ; а во вторникъ закупимъ куличей, пряниковъ, булокъ и т. д. Я напишу ключницу, чтобы она приготовила елку, и очистила вамъ свою комнату. Г. Флоръ и Сусана поѣдутъ съ вами; рано утромъ, въ среду, вы нарядите елку, раздадите свои подарки, пообѣдаете въ часъ и засвѣтло воротитесь. Не забудьте также призвать сына своего. Не правда-ли, это будетъ весело.»

Мы не знали, какъ и благодарить маму! Мы бросились всѣ на нее и зацѣловали такъ, что она наконецъ сказала: «Если вы меня задушете, то останетесь безъ елки.»

Въ среду, въ восемь часовъ утра, мы уже сидѣли въ возкѣ, и не знали, куда дѣваться отъ радости. День былъ прекрасный, солнце свѣтило и снѣгъ ярко блестѣлъ. Мы проѣзжали мимо ельника; деревья стояли всѣ въ инеѣ. Какъ они были хороши! Маша хлопала въ ладоши и кричала: «Ахъ, елки! елки! мнѣ кажется, я уже вижу нашу елку, и уже

нюхаю ее.» Мы надъ нею много смѣялись, а тетя сказала: «Да, если тебѣ еще достанется нюхать елку.» Но Маша этимъ не была озадачена: «Нѣтъ, я знаю, что мнѣ достанется елка, мама такъ рада этому дню, что и намъ будетъ праздникъ.»

Когда мы подъѣхали, то дѣти уже стояли около дома въ ожиданіи. Мы ихъ утѣшили, что скоро будетъ елка, и вошли къ ключницѣ; она приготовила намъ теплаго пива и напекла бубликовъ; это насъ немного задержало.

Когда все было готово, мы позвали ребятшекъ. Сначала они были немножко озадачены, но потомъ очень развеселились. Иные были застѣпчивы, другіе очень смѣлы. Тутъ была маленькая дѣвочка, которая сейчасъ же надѣла свой передникъ и платочекъ и смѣялась отъ радости. Христіанъ былъ очень радъ и онъ намъ всѣмъ понравился. Разъ онъ утеръ носъ рукавомъ; Маша ему сейчасъ-же сказала: «Что ты это дѣлаешь, Христіанъ? Возьми же носовой платокъ.» Онъ покраснѣлъ и сказалъ: «У меня нѣтъ.»

Маша толкнула Отто и меня локтемъ и сказала: «Ему надо будетъ купить платковъ, не сказать же ему объ этомъ, я не могла, потому что вѣдь онъ нашъ сынъ.»

Наконецъ мы должны были оставить дѣтей со всѣми ихъ прелестями и ѣхать къ пастору, отвезти имъ гостинецъ отъ мамы: игрушекъ для дѣтей, чашки и подносы пасторшѣ, а пастору славную книжку и бархатную жилетку. Всѣ они были очень рады; пасторша послала мамѣ денежный кошелекъ, который она сама вязала; дѣти также давали всякой всячины своей работы. Они насъ хотѣли удержать, но намъ нельзя было оставаться, потому что надо было въ часъ пообѣдать.

Когда мы вернулись, то пошли на скотный дворъ, тамъ повидались съ цыплятами, телятами и собаками, и пошли обѣдать. Обѣдъ былъ очень вкусный: цыплячій супъ, цыплята подъ соусомъ и съ картофелемъ и пирогъ изъ сливъ, со сливной подливкой. Ключницѣ и людямъ мы также привезли всякой всячи-

ны: куличей, медовыхъ пироговъ, лентъ, платочковъ и т. д.

Отобѣдавъ, мы торопили запрягать лошадей, и обратный путь намъ показался безъ конца. Звѣзды уже показывались на небѣ, когда мы пріѣхали домой. Мама выслала намъ сказать, чтобы мы раздѣлись, прежде чѣмъ придемъ къ ней; черезъ минуту мы были готовы и какъ бѣшеные вбѣжали въ комнату, гдѣ всѣ сидѣли, но въ комнатѣ ничего не было. Мама сказала: «Я думаю, не خوبی Сусанѣ чаю напиться, она кажется озябла.»—«Нѣтъ, мамочка, тетѣ не холодно.»—«А чаю напиться не мѣшаетъ,» сказала тетя; «Маша, принеси изъ кабинета ящикъ съ чаемъ, Вильмъ, посвѣти ей; а ты Отто съ Жозефиной принесите мнѣ оттуда мою работу и книжку, что лежатъ на столѣ.» Мы шли, ничего не подозрѣвая, а какъ вошли—ахъ!

Но это пусть Маша опишетъ.

Вильямъ.

СОРОКЪ ТРЕТЬЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Виля хочетъ, чтобы я рассказала, что мы увидали у мамы въ кабинетѣ, когда туда вошли. Виля шелъ впередъ со свѣчей, но мы-бы могли безъ нее обойтись, потому что въ комнатѣ все было освѣщено! Посреди комнаты стояла елка, а на ней пропасть восковыхъ свѣчекъ, такъ свѣтло, такъ хорошо! У насъ и руки опустились. Какъ же насъ мама славно провела! Сначала мы не могли слова сказать, но послѣ за то ужъ порадовались! А папа съ мамочкой стояли въ дверяхъ и улыбались. Потомъ пришли г. Флоръ и тетя Сусана, имъ также было по столику съ подарками. Какъ это все было хорошо! И для ме-

ня приготовлена была нечаянная радость: я никогда не ѣдала винограда, и давно желала попробовать его; теперь я увидела на своемъ столкѣ блюдечко съ конфектами, а вокругъ него лежалъ славный крупный виноградъ; мама сказала, что это испанскій. Я сама не замѣтила, какъ я все время кричала: «А виноградъ-то! Виноградъ!» Всѣ разсмѣялись. тогда и я замѣтила. Ахъ, какой это былъ счастливый вечеръ!

Намъ достался очень хорошій подарокъ: санн, въ которыя можно запрягать ословъ; папа обѣщалъ ихъ для этого привести въ городъ. То-то будетъ веселье! Жозефина была также очень довольна: ей надарили много вещей и она говоритъ, что ей еще никогда не бывало такъ весело. Мама позволила, чтобы подарки наши стояли во время праздниковъ у нея въ комнатѣ, вмѣстѣ съ елкой; намъ не хотѣлось всего этого убрать, потому что это было такъ красиво и нарядно. Мы ходили все время и осматривали другъ у друга вещи. Но правдѣ сказать, я сначала больше

всего радовалась винограду и конфетамъ: они мнѣ такъ понравились! Но я съѣла всего только двѣ конфеты; вѣдь это не много.

На первый день праздниковъ мы пошли въ церковь. Вечеромъ мама говорила съ нами и прочтала немного изъ библіи, все это насъ очень тронуло, а между тѣмъ намъ было весело. Въ первый день мы не много играли, а только придумывали разныя игры и ѣли конфеты. У меня была сахарная обезьянка, которую всѣмъ хотѣлось; Отто давалъ мнѣ за нее сахарное яблочко, Жозефина сахарные цвѣты, а Вильмъ сахарную собачку; наконецъ я подарила ее Жозефинѣ.

Отто сказалъ, что мы точно финикіянне, которые торговали безъ денегъ, а просто мѣняясь товарами. Когда онъ это сказалъ, тогда только мы разохотѣлись представлять древнихъ жителей Тира и Сидона. Тетя Сусана накинула по цыгански платокъ и прищиплила его на плечахъ золотыми булавками,

а на голову повязала золотой галунъ; это было ей очень къ лицу. Тетѣ также подарилъ конфетовъ и потому она могла играть съ нами, какъ слѣдуетъ. Но ей это не было выгодно; душка тетя такъ намѣняла, что когда игра кончилась, у насъ были самыя лучшія ея вещи, а у нея почти ничего.

На другой день праздниковъ, послѣ обѣдни, намъ позволили покататься на ослaxъ; выпалъ глубокій снѣгъ и дорога была славная. Кучеръ выѣхалъ съ санями за городъ, а тамъ и мы сѣли, сперва правилъ г. Флоръ, а послѣ Виля; было прекрасно! На ословъ навѣсили колокольчиковъ, которые очень хорошо звенѣли, ослы-же такъ бойко бѣжали, будто сами этому радовались. Всѣ люди говорили, что было холодно, но мы этого не замѣчали: воздухъ былъ теплый и солнце свѣтило, точно лѣтомъ; но, конечно, не такъ тепло. Толпа мальчишекъ провожала сани за городъ и очень радовалась, глядя на ословъ; они такъ близко подходили, что кучеръ разгонялъ ихъ кнутомъ: они разбѣгались, но не надолго, и вскорѣ опять тол-

пились вокругъ. Когда мы стали садиться, то они такъ громко кричали ура! что совсѣмъ меня оглушили. Иные еще и послѣ бѣжали за нами, и кричали: «Баричъ, баричекъ, можно мнѣ на запятки?» Это меня тревожило: я очень хорошо понимала, какъ имъ хотѣлось прокатиться, и я бы позволила, но г. Флоръ не позволилъ.

Когда мы пріѣхали домой, то сказали тетѣ: «Знаешь, тетя, что у насъ былъ горячій завтракъ?» — «Да это просто волшебная сказка.» — «Нѣтъ, тетя, это въ самомъ дѣлѣ было.» — «Да?» — «Да, конечно.» Тетя гадала, гадала, наконецъ мы ей сказали: Жозефина и я взяли съ собою горячихъ печеныхъ яблоковъ и съѣли ихъ дорогой; конечно, это горячій завтракъ. Тетя не могла этого оспорить, а только засмѣялась и сказала: «Ахъ вы, обезьянки!»

Въ субботу мы читали новыя книги, которыя намъ подарили на елку. Жозефинѣ подарили только однѣхъ французскихъ, мнѣ же и нѣмецкихъ и нѣсколько англійскихъ,

которыя, впрочемъ, я очень плохо понимаю
и читаю только по складамъ, но и это меня
забавляетъ.

Маша.

СОРОКЪ ЧЕТВЕРТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Маша такая вѣтряница, что забыла разсказать объ нашихъ подаркахъ. Мы пригото-
вили ихъ съ утра, еще до отъѣзда въ деревню,
а вечеромъ, пока мы радовались на подарки
въ кабинетѣ, мы попросили г. Флора внести
нашъ столикъ и подарки въ общую комнату;
онъ сдѣлалъ это, и даже поставилъ на столъ
двѣ лампы; это было очень красиво. Ни
отецъ, ни мамочка, ни Сусанна не ожидали
этого и войдя туда, очень удивились и об-
радовались. Отецъ похвалилъ нашу руку и
взялъ сочиненія къ себѣ въ кабинетъ, что-
бы прочитать ихъ на досугѣ. Г. Флору мы
принесли подарки на поднось: мы сложились

и купили ему очень хорошую чайную чашку и молочникъ. Онъ подарилъ каждому изъ насъ по книжкѣ и на память написалъ намъ по нѣскольку словъ на первомъ листѣ.

Понедѣльникъ. Когда мы сошлись къ обѣду, то отецъ объявилъ намъ, что прочелъ наши сочиненія и очень ими доволенъ. То-то была радость! Мы ничего не говорили, но я ущипнулъ Вильму руку, такъ что ему было больно, онъ также ничего не сказалъ, а только кивнулъ миѣ головой; мы очень хорошо понимали другъ друга. Одобреніе отцовское награда за наши труды. Я былъ такъ радъ, что опустилъ вилку въ супъ, на мѣсто ложки.

Вторникъ. Мы съ Вильмомъ опять принялись за работу, потому что надобно поспѣть еще къ новому году. Какое славное время праздники и зима вообще! Не понимаю, какъ можно не любить зимы? жаль только, что приходится жить въ городѣ; хоть мы и городъ любимъ, но все ужъ не то, что деревня! Послѣ обѣда мы съ Вильмомъ, отправились покупать поздравленія съ картинками.

Мы уже давно берегли деньги для этого и купили мамочкѣ очень хорошенькое 'поздравленіе. На картинкѣ печка, съ надписью:

Вотъ другъ, который вѣчно вѣренъ:
Теплѣе нѣтъ, но лучше есть;
Повѣрь, коль ты узнать намѣренъ,
Что это правда, а не лесть.

Къ печкѣ прикрѣплена ниточка, за которую надобно дернуть и тогда показывается зеркальце, въ которомъ мама и увидитъ себя; по настоящему слѣдовало бы сказать не «намѣренъ», а «намѣрена» потому что мамочка дама; но на это нельзя смотрѣть при такихъ случаяхъ.

Среда. Во вторникъ мы купили только одно поздравленіе, но въ среду нашли также поздравленіе для тети Сусаны. Отецъ не любитъ игрушекъ, какъ онъ это называетъ и потому мы поздравляемъ его на словахъ. Тетина картиночка была очень хороша: рука, которая сыплетъ розы, а надпись:

Розы пусть всегда тебѣ
Путь твой застилаютъ;
Но за то прошу себѣ,
Что онѣ скрываютъ.

Рука-же съ розамъ отодвигалась, а пзъ за нея показывалась незабудка.

Въ этотъ день на улицахъ было уже довольно шумно; въ лавкахъ мы насилу добились картинокъ съ поздравленіямъ; бѣдныя дѣти и старухи бѣгали съ корзинкамъ, поздравляя съ наступающимъ новымъ годомъ и собирали милостыню. Многія были такъ легко одѣты, что совсѣмъ прозябли; мы съ Вильмомъ раздали свои остальные деньги которыхъ, впрочемъ, было очень немного.

Вечеромъ мы просили позволенія, не ложиться до полуночи, но отецъ посмотрѣлъ на насъ очень серьезно и сказалъ: «Такія удовольствія еще вперед; теперь-же вы еще дѣти, и потому ляжете спать въ 9 часовъ.» Пришлось удовлетвориться и этимъ; кажется, мамочка охотно бы позволила намъ посидѣть подольше; когда принесли пирогъ, то она

отрѣзала намъ по большому куску, какъ будто хотѣла сказать: «Вотъ вамъ, утѣшьтеся.»

Намъ было очень весело; по улицамъ слышалось много музыки и школьники пѣли духовныя пѣсni. Прннли также три мужика и спѣли очень хорошую пѣсню, но я запомнилъ только одно начало, будто господамъ надо кушать за золотой трапезой, гдѣ по угламъ стоятъ золотыя рыбки. Послѣ пѣлись еще разныя прибаутки въ этомъ родѣ, но я все перезабылъ. Въ полночь музыка грянула такъ громко, что мы вдругъ проснулись и Вильмъ закричалъ мнѣ изъ постели:

„Господа студенты
Играють въ инструменты.“

Такъ начинается пѣсня, которую мы слышали отъ г. Флора. Въ самомъ дѣлѣ, это были студенты и они вскорѣ запѣли извѣстную пѣсню: «Радуйтесь жизни.» *)

*) Freu't euch des Lebens.

Четвергъ. Поздравленія по всему дому! Мамочкѣ очень понравилась картинка; она поцѣловала насъ и сказала: «Разумѣется, что я вамъ лучшій другъ.»

Тетя Сусана плутовски улыбнулась, когда увидала незабудку и воскликнула: «Какъ это трогательно!» Вечеромъ катались на салазкахъ, да еще и со знакомыми мальчиками; потомъ играли въ свои орѣхи и конфеты и тетя прибавила намъ отъ себя.

Пятница. Все еще праздники до будущаго понедѣльника; однако, мы съ Вильмомъ уже принялись за дѣло, переводили и учили латинскія слова, потомъ бѣспились, сколько душѣ угодно.

Суббота. Такой-же славный день, учились, катались на салазкахъ, играли въ снѣжки и построили снѣжнаго болвана.

Отто.

СОРОКЪ ПЯТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

На прошлой недѣлѣ былъ очень непріятный случай. Во вторникъ, когда я пришелъ въ конюшню, посмотрѣть на осла, кучеръ спросилъ меня: «Знаете ли вы нашу бѣду, Вильмъ?» Я очень перепугался и сказалъ, что нѣтъ; тогда онъ мнѣ разсказалъ, что дровосѣка, который работалъ иногда и на насъ, задавило въ лѣсу деревомъ, которое онъ рубилъ. У этого мужика остались жена и дѣти.

За завтракомъ я разсказалъ все это отцу и матери, они этого еще не знали и очень огорчились этимъ. Мама повторяла нѣсколь-

ко разъ: «Бѣдная, бѣдная женщина! Несчастныя дѣти!»

Мама послала сейчасъ-же кучера ко вдовѣ, чтобы разспросить ее обо всемъ и узнать, не нужно ли ей какой помощи. Мамочка всегда такъ добра.

Поздно вечеромъ мама сказала намъ: «Я обо всемъ осведомилась, сосѣди говорятъ, что несчастная вдова женщина работающая и лѣтомъ можетъ кое какъ пробиться, но зимой ей нужна помощь: у нея нѣтъ ни хлѣба, ни дровъ. Папа далъ мнѣ на это денегъ, мы съ тетей также складываемся, не хотите-ли и вы дать что нибудь?» Мы все согласились и Жозефина также, потому что она, какъ и мы, получаетъ свое жалованье. «Хорошо,» сказала мама, каждый изъ васъ принесетъ мнѣ завтра свой вкладъ.

На другой день я принесъ два гроша, а больше я дать не могъ, потому что у меня въ этомъ мѣсяцѣ слишкомъ много было издержекъ. Мама мнѣ ничего не сказала, но она вѣрно подумала, что этого мало. Сколько

другіе дали, я не знаю, потому что при такихъ случаяхъ мама не любитъ, чтобы мы сговаривались другъ съ другомъ, а чтобы всякій вносилъ, сколько хочетъ и можетъ. Я весь день думалъ о томъ, сколько дали Маша, Отто и Жозефина? Подъ вечеръ-же я объ этомъ позабылъ.

Въ пятницу пришли къ намъ наши друзья, Рунтеръ и Фридрихъ; они сказали, что въ городъ прѣбыла обезьянная и собачья комедія, что ихъ туда отпустили и спросили, не пустятъ-ли и насъ съ ними? Намъ, конечно, очень хотѣлось идти съ ними, и мы просили мамочку замолвить за насъ словечко, а такъ какъ послѣднее время на насъ очень много было истрачено денегъ, то мы хотѣли сами заплатить за входъ. Мама позволила но сказала, чтобы мы сами просились у папы; папа также позволилъ.

Я пошелъ къ мамѣ, сказать объ этомъ, и достать шесть грошей изъ своихъ денегъ. Когда я пересчиталъ деньги, то взглянулъ невзначай на маму, а она смотрѣла на меня

такъ задумчиво и такъ грустно, что я сначала не зналъ, отчего это? Но вскорѣ я вспомнилъ свои два гроша и понялъ маминъ взглядъ.

Я подошелъ къ ней и она меня обняла; слезы мои капали ей на лицо и мама сказала: «Для четырехъ бѣдныхъ дѣтей, у которыхъ нѣтъ отца, мой милый сынъ не могъ дать больше двухъ грошей!»—«Возьми эти деньги, мама,» сказалъ я, «я лучше останусь дома.»

«Нѣтъ,» отвѣчала мама, «теперь ступай; хотя эти деньги ты даешь раскаявшись, но я ихъ не возьму, потому что ты отдаешь ихъ по моему настоянію. Въ другой разъ не рассчитывай такъ скупо тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о томъ чтобы помочь бѣднымъ. Но, Вильмъ, запомни то, чтобы никогда не давать бѣднымъ на показъ: это самое дурное тщеславіе, ведущее къ ханжеству. Теперь ступай и будь веселъ; я знаю, что ты не забудешь моего урока.»

Мама обняла меня еще разъ; я заплакалъ и бросился къ ней на шею. «Не сердись на

меня, мамочка.»—«Нѣтъ, нѣтъ,» сказала мама, «я на тебя не стану сердиться, ты мой славный мальчикъ; я тебя люблю.»

Вечеромъ, когда я собрался идти, то сказалъ мамѣ: «Ахъ, мнѣ вовсе не хочется смотрѣть комедію!» Она улыбнулась и сказала: «За охотой дѣло не станетъ.» Такъ и вышло: сначала я все думалъ о бѣдной женщинѣ и о ея дѣтяхъ, но какъ скоро обезьяны и собаченки показались на сценѣ, я смѣялся, сначала потому что всѣ смѣялись, а потомъ и самъ развеселился. Но все таки иногда вспоминалъ о мамѣ и о томъ, что она мнѣ говорила передъ моимъ уходомъ. Когда-же мы пришли домой и всѣ люди говорили, что на дворѣ очень холодно, я вспомнилъ свои два гроша, и сердце у меня забилося.

Я записалъ сюда этотъ случай, потому что хочу его запомнить. Для своего удовольствія вѣдь нашлись-же у меня деньги!

Мы сдѣлали себѣ огромный снѣжный болванъ, и очень на него радуемся. Вмѣсто

глазъ мы ему вставили два угля и брови на-
тыкали угольками. Онъ смотритъ бѣда какъ
сердито!

Вильямъ.

СОРОКЪ ШЕСТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Хотя Виля и Отто уже видѣли собачью комедію, но насъ отпустили еще разъ всѣхъ вмѣстѣ. Это была большая радость; мнѣ было гораздо веселѣе смотрѣть на собачью и обезьянную комедію, чѣмъ на настоящую, потому что тутъ можно было смѣяться, сколько хочешь. Тамъ было много народа, особенно дѣтей: они очень громко радовались и смѣялись.

Сперва обезьяны и собаки представляли ярмарку. Онѣ очень смѣшно расхаживали въ дамскихъ и мужскихъ платьяхъ, сшитыхъ по послѣдней модѣ, и одна дама, т. е. собака, несла зонтикъ и очень хорошо держала его

надъ головой. Тамъ были и обезьяны, одѣтыя дамами, были также и купцы и покупатели, собака съ райкомъ и обезьяна съ волшебнымъ фонаремъ.

Хозяинъ звѣрей ходилъ между ними съ хлыстикомъ, но не трогалъ ихъ, а называлъ только по именамъ: *M-me Pompadour*, *M-le d'Argencourt*, *M-r Rossignol*, *M-r Percroquet*, *Signor Buffo* и т. д.

Когда ярмарка кончилась, то въѣхала колясочка на сцену. То-то было веселье! Два бѣлые пуделя везли ее, обезьяна была кучеромъ, другая стояла на запяткахъ лакеемъ; въ коляскѣ сидѣли двѣ барыни, въ шляпкахъ съ перьями, и одинъ господинъ; всѣ они были пьяны. Кучеръ качался на козлахъ назадъ и впередъ, лакей едва стоялъ на своемъ мѣстѣ, а господа спали и валились другъ на друга. Наконецъ лакей упалъ съ запятокъ, кучеръ съ козловъ, а лошади понесли и уѣхали за кулисы. Всѣ дѣти радовались, кричали и смѣялись. Я захлопала въ ладоши. Жозефина очень любитъ обезьянъ, больше чѣмъ

собакъ, и она мнѣ все время говорила: „Oh, le petit singe, voyez le petit singe!—Oh, comme il est gentil.“ Я боюсь немного обезьянъ, потому что онѣ все корчатъ рожи и скалятъ зубы, а я не хочу, чтобы онѣ меня кусали.

Послѣ этого было тоже хорошо, только скучнѣе. Всѣ обезьяны и собаки вошли въ мундпрахъ, точно настоящіе солдаты, и вели перебѣжчика. Тогда встали офицеры вокругъ стола и хозяинъ сказалъ, что это военный судъ. Несчастнаго перебѣжчика подвели къ столу и у него одного не было ни сабли, ни каски. Всѣ офицеры качали головами и по-сматривали на пойманнаго, какъ будто хотѣли сказать: «ну, теперь тебѣ плохо придется.» Онъ также оглядывался и наконецъ всталъ на заднія лапы.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ сказалъ: «Ну, мой милый, ты присужденъ къ смерти.» Несчастный упалъ на полъ, какъ мертвый; солдаты подняли его и увели. Тутъ они привезли маленькую пушку и тачку, а двѣ обезьяны били въ барабаны.

Тогда перебѣжчикъ опять привелъ, поставилъ передъ пушкой и убили. Обезьяна стрѣляла. Послѣ положили мертваго солдата, который, впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ былъ живъ, на тачку и вскачъ увезли его.

Подъ конецъ представляли взятіе крѣпости. Это также было очень хорошо!

Къ крѣпости были приставлены лѣстницы и осаждающіе взлѣзали по ней, но падали опять на полъ. Наконецъ взлѣзъ огромный бѣлый пудель съ флагомъ во рту и воткнулъ его на верху, на крѣпости; въ ту-жъ минуту былъ сожженъ фейерверкъ и этимъ все кончилось.

Тетя Сусана была съ нами, и когда мы шли домой, то пристали къ ней: «Что, тетя, весело тебѣ было? Поправилось тебѣ?»—«Весело, какъ въ волшебной сказкѣ!» сказала она и засмѣялась. «Да, тетя, однакожъ, знаешь-ли ты, что ужъ очень давно мы отъ тебя не слышали волшебной сказки. Если тамъ такъ бываетъ весело, то разскажи намъ объ этомъ.» «Хорошо, хорошо,» сказала тетя, и мы прыгали вокругъ нея до самаго дома.

Мы съ Жозефиной опять работаемъ для Христіана; по вечерамъ мы вяжемъ ему чулки изъ сѣрой шерсти; это довольно грязная работа; днемъ же мы выгадываемъ по четверти часа, для хорошенькихъ работъ на выставку, которую мы опять собираемся дѣлать.

Маша.

СОРОКЪ СЕДЬМОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Понедѣльникъ. На дняхъ ночью настала оттепель и нашъ болванъ осыпался; мы однако поправили его сейчасъ-же и нарисовали ему усы, потомъ мы сбили изъ снѣгу палицу, и дали ее ему въ руки. Теперь онъ стоитъ передъ домомъ, какъ сторожъ великанъ.

Генрихъ накололъ намъ льду изъ пруда, который около нашего дома, и вытащилъ его на берегъ; мы теперь собираемся строить ледяной дворецъ. Стѣны бы еще не мудро сдѣлать: ставить глыбы другъ на друга и дать имъ смерзнуться, но дѣло станетъ за потолкомъ или крышей. Я вовсе не знаю,

какъ съ этимъ быть, потому что ледяныхъ бревенъ не достанетъ; Вильмъ говоритъ, что надобно положить жерди, а на нихъ ледъ, но тогда это уже не будетъ ледяной дворецъ; говорятъ, въ Россіи строятъ на льду балаганы изъ одного льду.

Вторникъ. Строили ледяной домъ, но все еще не знали, какъ быть съ потолкомъ; наконецъ мы спросили г. Флора и онъ сказалъ, что намъ нечего заботиться о томъ, чтобы все выходило по русски, этого не можетъ быть, потому что у насъ и не русская зима.

Онъ посовѣтовалъ намъ, настлатъ хворосту, а на него снѣгу. Какъ мы кончимъ все это, такъ станемъ стропть избушку изъ одного снѣга. Маша съ Жозефиной сначала очень радовались, но вскорѣ прозябли и соскучились, потому что не могли намъ помогать и стали пружалобно пищать: «Да полно вамъ возить-ся съ ледянымъ дворцомъ, лучше покатайте насъ въ салазкахъ.» Но со дворцомъ намъ было жаль разстаться; наконецъ г. Флоръ

сжалился надъ ними и покаталъ ихъ въ салазкахъ; тутъ онѣ развеселились.

Среда. У насъ опять шла та же постройка; мы сначала думали, что дворецъ будетъ чистъ и прозраченъ, какъ стекло, но онъ выходитъ тусклый, потому что ледъ во многихъ мѣстахъ грязенъ; это досадно — какъ бы хорошо было, если бы стѣны сквозили, какъ стекло! Къ намъ опять пришли Маша съ Жозефиной, но теперь уже забавлялись про себя; онѣ привезли свои салазки, поставили ихъ на небольшую кучку снѣга и принялись кататься; этимъ онѣ намъ чуть не помѣшались, потому что глядя на нихъ и намъ захотѣлось бросить постройку и идти къ нимъ играть.

Четвергъ. Мы уже окончили дворецъ, но въ ту минуту, когда мы хотѣли бѣжать въ садъ за жердями и хворостомъ, пошелъ сильный дождь, и намъ пришлось бѣжать изъ всѣхъ силъ домой. Вильмъ даже упалъ два раза, а я только одинъ разъ. Дома мы принялись играть въ воланы; мячи и воланы

намъ подарили на Рождество и мы уже нѣсколько разъ въ нихъ играли. Сначала мы вовсе не умѣли ловить, — много что два, три раза сряду подхватимъ мячъ на лету, а тамъ онъ и упадетъ; теперь-же мы иногда ловимъ его по пятидесяти разъ сряду; конечно, это удастся не всегда, обыкновенно-же разъ двѣнадцать, двадцать, тридцать. Вильмъ бросаетъ гораздо лучше меня; г. Флоръ говоритъ, это потому, что онъ хладнокровнѣе меня; по за то я ловлю лучше его; куда бы мячъ ни полетѣлъ, я вездѣ за нимъ поспѣю.

Пятница. У насъ обѣдалъ одинъ господинъ, который только что воротился изъ Россіи; онъ рассказывалъ, что тамъ ставятъ большія печи и топятъ ихъ совсѣмъ иначе, чѣмъ у насъ: накладываютъ въ одинъ разъ полную печь дровъ и затопятъ; дрова эти горятъ по немногу и печка нагрѣвается на цѣлыя сутки. Мамочка рассказала про нашъ ледяной дворецъ, который, впрочемъ, теперь уже обратился въ лужу; онъ засмѣялся и сказалъ, что очень жалѣетъ о немъ и что могъ бы

дать намъ полезныя совѣты, потому что видѣлъ, какъ на Невѣ строятъ ледяныя ба-
лаганы. Мамочкѣ онъ привезъ изъ Россіи
красныя и синіе сапожки сафьянныя ши-
тые золотомъ. Отцу-же турецкаго табаку и
турецкую трубку, съ янтарнымъ мундшту-
комъ и съ длиннымъ чубукомъ. Намъ всѣмъ
онъ подарилъ маленькіе, турецкіе червонцы
очень хорошенькіе, но жаль, что они не рус-
скіе.

Этотъ господинъ былъ также въ Турціи
и потому подарилъ мамочкѣ розоваго масла
и зеленую чалму, затканую золотомъ; — она
чудо, какъ хороша!

Суббота. Изъ деревни привезли дичь и
дворовую птицу. Школьный учитель писалъ
г. Флору, что очень доволенъ Христіаномъ;
что онъ прилеженъ и бережливъ. — Привез-
ли оленя котораго застрѣлилъ нашъ охот-
никъ, пару утокъ и индѣйскаго пѣтуха.
Мы всегда ходимъ смотрѣть, когда разгру-
жаютъ возъ, потому что это очень весело.
Такъ какъ теперь оттепель, то садовникъ

прислалъ мамочкѣ цвѣтовъ; тутъ были: гіацинты, ландыши, тюльпаны, тацеты и пѣтушки. Маша была очень рада и разставила ихъ у себя на столѣ. Дорогой мужикъ наступилъ ногой въ корзинку съ яйцами и раздавилъ ихъ десятка два, если не больше.

Отто.

СОРОКЪ ВОСЬМОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Мама ходила къ той бѣдной женщинѣ, у которой мужъ убитъ деревомъ; когда мама вернулась, то рассказывала, какъ тамъ въ избушкѣ все бѣдно, но очень опрятно. Я себѣ обѣщала въ продолженіи мѣсяца не издерживать ни одной копейки на свои забавы; что я въ продолженіи мѣсяца черезъ это накоплю, то принесу мамѣ, ужъ она меня пойметъ.

Прошрое воскресенье мнѣ было очень неловко. Маша пришла съ предложеніемъ, сложиться всѣмъ по грошу и купить на это конфектъ; вечеромъ мы собирались играть въ поchtу и при этомъ разыгрывать конфекты, по-

тому что тѣ конфекты которые намъ подарили на елку, частью уже съѣдены, а частью розданы. Когда-же я отказалъ, то она стала просить очень жалобно: «Милый мой Виля, не будь же такъ скупъ: вѣдь это веселая игра, аты же можетъ быть и выиграешь.» Я ей отказалъ наотрѣзъ и она ушла очень огорченная, потому что вовсе не привыкла къ тому, чтобы я ей въ чемъ нибудь отказывалъ.

Наконецъ-то тетя Сусана рассказала намъ давно обѣщанную сказочку, подъ заглавіемъ: «Розочка-краса.» Я ее запишу, какъ помню.

Жила была одна важная барышня; ее звали Розою; она была молода и хороша, потому ее и называли Розочкой, или красивой Розочкой, изъ чего и сочинили имя Розочка-краса» и уже иначе не звали.

На одной высокой горѣ стоялъ прекрасный замокъ, который иногда вдругъ освѣщался; Розочка-краса знала, что это былъ волшебный замокъ. Когда-же разъ онъ снова освѣтился, то она спросила съ любопытствомъ: «Отчего тамъ такъ свѣтло? Что онѣ

тамъ дѣлають?» Ей отвѣчали: «Тамъ волшебницы веселятся.»—«Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось на нихъ посмотрѣть!» По ея желанію составилось цѣлое общество молодыхъ людей, которые рѣшились идти на гору и заглянуть въ замокъ, если возможно.

Все это было очень возможно, потому что какъ скоро они взѣшли на гору, то увидали передъ собою освѣщенный замокъ, котораго окна доходили до самой земли. Прежде чѣмъ посѣтители подошли къ окнамъ, они осмотрѣли все волшебство, окружавшее ихъ.

Мѣсяцъ освѣщалъ зеленый, бархатный лужокъ и росу на травѣ; но роса эта была не простая, а драгоцѣнные камни; бузина стояла въ цвѣту, но вмѣсто бѣлаго, какъ снѣгъ, цвѣта, былъ нанизанъ жемчугъ; розы выглядывали изъ зелени, но розы эти были рубиновые!

«Какъ прекрасно! Какъ волшебно!» вскричали всѣ, но одна Розочка-краса, которая сунула свой нѣжный носикъ въ холодную розу, сказала: «Да, хорошо, но холодно!» Какъ

скоро она проговорила эти слова, то ей показалось, что кто-то шепнулъ ей изъ кустовъ:

Тише, тише, вѣтеръ вѣтъ
И навѣтъ намъ бѣду:
Местъ волшебницъ скоро зрѣтъ.

Розочка-краса было испугалась, но она была молода и немного шаловлива, а потому вскорѣ ободрилась.

Веселая толпа посѣтителей подошла къ окнамъ. Что за прелесть! Нѣтъ словъ, чтобы описать все это. Музыканты играли на золотыхъ инструментахъ, волшебницы танцовали въ платьяхъ изъ драгоценныхъ камней и съ брилліантовыми каймами; только одна, со свѣтло-каштановыми волосами, была въ жемчужномъ платьѣ и въ розовомъ вѣнкѣ, изъ свѣтло и темно малиновыхъ рубиновъ. «Ахъ!» воскликнули всѣ, «ахъ, Розочка-краса, эта прекрасная молодая волшебница похожа на тебя!»

Розочка-краса закинула головку и сказала насмѣшливо: «На меня? Я-бы хотѣла посмо-

трѣть на себя въ такомъ нарядѣ: я и теперь, въ своемъ простомъ бѣломъ платьѣ, равняюсь ей, а дайте мнѣ такое платье и уборъ, такъ вы увидите, что я буду!»

Вдругъ молодая красавица перелетѣла въ замокъ и стояла, въ жемчужномъ платьѣ, въ розовомъ вѣнкѣ, рядомъ съ той волшебницей, хороша и молода, какъ она, но далеко не равнялась ей. Она подала Розочку-красу руку и плавно начала танцовать, но Розочка-краса слѣдовала за ней робко и тяжело, какъ простая смертная. «Не отставай, не отставай,» слышался голосъ, и она всѣми силами старалась не отставать, но танцевала не съ такою волшебною легкостью. «Плавнѣе, плавнѣе,» повторялъ голосъ, и Розочка-краса дѣлала, что могла, но люди не умѣютъ танцовать такъ плавно, какъ волшебницы. «Ахъ,» думала она, «если бы никто меня не видалъ! Что они скажутъ, если увидятъ меня въ окно! Ахъ, если бы мнѣ можно было уйти! Нѣтъ, съ волшебницами мнѣ не равняться.»

Только что поспѣла она это подумать, какъ очутилась въ своемъ прежнемъ бѣломъ платьѣ, между своими, у окна. Всѣ на нее смотрѣли съ удивленіемъ и шептали ей: «Ахъ, Розочка-краса, какъ мы рады, что ты опять съ нами! какъ ты дурна была, рядомъ съ волшебницами, и какъ ты хороша у насъ!»

Розочка-краса еще не успѣла опомниться, но сейчасть-же съ насмѣшкой отвѣчала: «Да, волшебницы ужъ постараются освѣтить себя; я же не была такъ освѣщена.»

Какъ только Розочка-краса произнесла эти нескромныя слова, то ей показалось, будто птичка боязливо перелетывала съ куста на кустъ и пѣла: это было ей предостереженіе. Когда-же одна изъ молоденькихъ дѣвочекъ сказала ей: «Ахъ, а какъ ты танцевала? Какъ тяжело въ сравненіи съ волшебницами!» тогда Розочка-краса собралась съ духомъ и сказала: «Дайте мнѣ волшебныя башмаки и тогда судите обо мнѣ! У волшебницъ есть много средствъ, которыхъ у насъ нѣтъ: будь у насъ то же, что у нихъ, мы бы были еще

лучше ихъ!» Едва успѣла она выговорить послѣднее слово, какъ явилась передъ испуганнымъ обществомъ, въ яркомъ свѣтѣ, волшебница; она тронула Розочку-красу своимъ жезломъ и сказала громкимъ голосомъ: «Онѣмѣй! будь статуей, которой не нужно ни пищи, ни покоя, но чувствуй свое положеніе.»

Въ одну минуту всѣ члены Розочки-красы онѣмѣли и обратились въ мраморъ; ноги ея приросли къ землѣ; на свѣжихъ губкахъ очутился алмазный замочекъ, который волшебница заперла, и, поднявъ руку съ ключемъ, сказала: «Оставайся заколдованною, покуда самая большая жертва тебя не избавить.»

Все общество разбѣжалось отъ испуга; Розочка-краса хотѣла закричать и удержать ихъ, но не могла; всѣми оставленная она простояла неподвижна всю ночь, за которой слѣдовалъ точно такой-же скучный день.

Когда стало свѣтать, то пришла къ ней ея сестра, Марія; она бросилась на статую, которая стояла неподвижно, и заплакала. Долго, долго плакала она у ногъ своей дорогой статуи и

шептала: «Я буду читать всѣ волшебныя книги, чтобы узнать средство, какъ избавить тебя.»

Когда Марія ушла, то вышелъ изъ кустовъ молодой человѣкъ, который очень любилъ Розочку—красу; онъ держалъ въ рукахъ зонтикъ; подошедъ ближе, онъ открылъ зонтикъ надъ головою мраморной статуи и сказалъ: «О, если бы я могъ тебя зацѣпить отъ солнца и непогоды!» Какъ скоро онъ это сказалъ, члены его окаменѣли и онъ стоялъ неподвижно, съ зонтикомъ въ рукахъ, держа его надъ головою статуи.

Нѣсколько дней простоялъ онъ такъ, и видѣлъ каждый день Марію, которая приходила, падала къ ногамъ своей сестры и, плача, говорила: «Всѣ мои старанія напрасны! Ахъ, смогу-ли я когда нибудь тебя избавить!» Молодой же человѣкъ, который стоялъ съ зонтикомъ въ рукахъ, часто вздыхалъ и разъ какъ-то подумалъ: «къ чему моя жертва? Чѣмъ солнце и дождь могутъ повредить мрамору? Могучая волшебница! освободи меня несчастнаго!»

Какъ только онъ это подумалъ, рука у него опустилась, ноги отдѣлились отъ земли, члены его ожили: онъ былъ свободенъ и счастливъ; онъ ушелъ поспѣшно и даже не оглянулся. Многіе приходили избавлять несчастную статую, но это никому не удавалось. Одна Марія не измѣняла ей; она приходила день за день и плакала у ногъ сестры.

Годы прошли и разъ Марія пришла въ бѣломъ, какъ снѣгъ, платьѣ и бросилась съ отчаяніемъ, горько плача, къ ногамъ сестры: «Больше я ничего не могу сдѣлать! Все напрасно! Могучая волшебница, избавь сестру мою, возьми меня за нее, пусть я окаменѣю, буду статуей на ея мѣстѣ!»

Тогда вдругъ спалъ замочекъ съ губъ Розочки-красы; жизнь и движеніе возвратились, но на мѣстѣ ея стояла сестра; волшебный холодъ поднимался отъ ногъ до самаго сердца; тутъ онъ остановился и нѣжный голосъ послышался изъ кустовъ: «Нѣтъ, это сердце не охладѣетъ.» Тогда явилась неожиданно волшебница и, протянувъ руку, сказала: «Такъ

будь цвѣткомъ!» Марія сдѣлала послѣднее усиліе и закричала Розочкѣ-красѣ: «Не забудь меня!»—«Будь цвѣткомъ!» повторила еще разъ волшебница, «и назовись по своимъ послѣднимъ словамъ на землѣ; тамъ, гдѣ текли твои слезы, потечетъ ручей, а ты и все потомство твое будете цвѣсти на берегу его и доколѣ стоять міръ, вы будете называться «не забудь меня.»

Кончивъ это, тетя сказала:

«Съ тѣхъ поръ имя ея передѣляли въ «незабудку» и вы теперь всѣ знаете, что Марія осталась на вѣки вѣковъ заколдованной, потому что видимъ при ручьяхъ незабудки.»

Вильямъ.

СОРОКЪ ДЕВЯТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Вильмъ написалъ ту хорошенькую сказочку, что намъ тетя рассказывала. Мнѣ бы самой хотѣлось ее записать, но для меня она была слишкомъ длинна; я не могу такъ скоро писать, какъ братья. Мнѣ не нравится, что не знаешь, что случилось послѣ съ Розочкой-красой: ей, вѣдь, должно быть было очень скучно, хотя она и не осталась статуей.

Когда я тетю спросила: «Что случилось послѣ съ Розочкой-красой?» тетя отвѣчала: «Ну, конечно, она сдѣлалась розой.»—«Ахъ, тетя, да вѣдь она и безъ того была розой.» «Ее только такъ звали, а она не была цвѣткомъ; когда волшебница увидала, какъ

она теперь была скромна и послушна, то и обратила ее въ прекрасную полевую розу.

Но это тетя только такъ думаетъ, а миѣ бы хотѣлось знать настоящій конецъ, потому что можетъ быть тетя это только придумала для меня, а этого совсѣмъ не было.

Мы съ Жозефиной научились хорошо прясть, т. е. довольно хорошо, и очень прилежно прядемъ въ свободное время. Если бы у насъ не было сына, то мы бы гораздо больше могли напрядь, а теперь у насъ очень много отнимаютъ время мелочныя работы на выставку. Мы вяжемъ на снуркахъ поддончики; я вяжу двухцвѣтный, малиновый съ зеленымъ, а Жозефина—коричневый съ розовымъ; это очень красиво! Мы вышили также двѣ пары рукавокъ. Мама говорить, что намъ выгоднѣе братьяся за такія работы, на которыя идетъ меньше припасать чѣмъ за такія, на которыя идетъ много припасовъ и мало труда: отъ этихъ работъ у насъ было бы меньше барыша.

Мы сперва хотѣли было отдать свою пряжу ткачу на холстъ, для кукольных рубашекъ,

но теперь мы видимъ, что холстъ выходитъ слишкомъ ровный и потому мы сошьемъ изъ него лучше простыни. Мама сказала намъ, что когда ей будутъ ткать холстъ то она велитъ выткать кончикъ изъ нашей пряжи; когда же этотъ холстъ, выбѣлятъ, то мы отрѣжемъ свой кончикъ. Это будетъ очень весело! Оно, конечно, было бы лучше, если-бы у насъ былъ свой отдѣльный кусокъ, но на первый разъ и это хорошо; со временемъ доживемъ и до того, что свой холстъ будетъ.

Намъ еще очень многого недостаетъ на свое хозяйство: рубашечекъ нашимъ дѣтямъ, т. е. кукламъ, полотенецъ и одѣялъ; бѣлье же для нашей будущей кухоньки намъ даритъ мама. Жозефина очень радуется кухонькѣ нашей. Когда мы на дняхъ ходили съ мамочкой гулять, то зашли къ мѣднику и мама заказала намъ маленькую форму для пуддинга, пирожницу и сковородку, чтобы жарить бифтексъ: все это намъ необходимо на новое хозяйство. Столяру заказали шкафъ для варенья и разныхъ припасовъ. Мы также будемъ учиться

варенья варить, и на это очень радуемся. Мамочка намъ купила недавно вѣсы съ разновѣсками, но у насъ еще далеко не все; намъ нужны горшки, блюдечки, тарелки и сковородки. Тетя Сусана подарила намъ шесть тарелочекъ; онѣ будутъ очень кстати въ нашей кухоньки. Недавно мы должны были составить списокъ всему, что намъ нужно для кухонькѣ; мы очень долго думали и наконецъ, когда отдали свою роспись мамѣ, то она насъ спросила: «Вы ничего не забыли?»—«Ничего, мамочка.»—«Полно, такъ ли?»—«Кажется, что такъ.»—«Ну, хорошо, стало быть, вы хотите уголь брать руками.» Объ щипцахъ и лопаточкѣ мы и не подумали. Подъ конецъ я вспомнила еще одну вещь, и сказала: «Да, мамочка, но вѣдь это не все, намъ надо же кухонную книжку, по которой готовить, а то намъ не по чему стряпать; вѣдь мы не можемъ каждый разъ брать твою.» Мама засмѣялась и не сказала ни да, ни нѣтъ.

Снѣжный болванъ. который братья поставили, и ихъ ледяной дворецъ совсѣмъ растая-

ли, но вчера опять подморозило и мы съ Жозефиной сдѣлаемъ себѣ ледяную дорогу и прекрасно по ней скользимъ. Сначала мы все падали и я никакъ не могу понять, какъ уличные мальчишки и дѣвченки могутъ такъ ловко скользить на деревянныхъ башмакахъ, спрятавъ руки подъ фартучекъ, и не падаютъ.

Когда опять будетъ хорошая снѣжная дорога, то братья хотятъ ѣхать на ослахъ кататься со своими товарищами; мы съ Жозефиной имъ охотно уступаемъ, хотя бы и лучше, если-бы и намъ можно было ѣхать съ ними. Но, къ сожалѣнію, можетъ быть и не будетъ больше снѣгу. Осламъ теперь спокойно стоять на конюшнѣ: они такъ облѣняются, что послѣ, пожалуй, и не пойдутъ. Мы имъ, сдѣлали изъ голубыхъ лентъ бантики на упряжь; это очень красиво.

Сегодня вечеромъ у насъ будутъ гости и потому подадутъ пирожного и мороженого, но въ это время мы уже будемъ въ постели: пирожковъ-же намъ мама обѣщала спрятать.

Маша.

ПЯТИДЕСЯТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Маша бредила снѣгомъ, но его не было; за то мы катались на льду въ

Понедѣльникъ. Ледъ еще держится, довольно гладокъ и свѣтелъ, какъ зеркало; но и этой радости станетъ не надолго. Впрочемъ, это ничего: какъ растаетъ снѣгъ, прилетятъ жаворонки и журавли—мы поѣдемъ въ деревню — ухъ..... такъ и замираетъ сердце отъ радости.

Когда будемъ уѣзжать изъ города, то возьмемъ съ собой кусты и цвѣты, которые здѣсь накупили у садовниковъ. Вильмъ уже сдѣлалъ списокъ всему, чѣмъ намъ нужно запастись.

Вторникъ. Опять катался на конькахъ; г. Флоръ говоритъ, что это придаетъ много ловкости; но кромѣ того для насъ это большое удовольствіе. Онъ всегда бѣгаетъ съ нами и на бѣгу умѣетъ писать вензеля на льду; это намъ очень нравится.

Мы теперь играемъ въ игру, которая и забавна и поучительна; вотъ въ какую: одинъ беретъ чистый платокъ, кидаетъ его комунибудь изъ играющихъ и говоритъ при этомъ начало какогонибудь слова, а тотъ долженъ досказывать слово; такимъ образомъ платокъ переходитъ изъ рукъ въ руки; а если-же повторять одинъ и тотъ же слогъ по нѣскольку разъ, то къ нему довольно трудно подбирать наскоро разныя окончанія, почему и сбиваются; кто собьется или задумается, тотъ платитъ фантъ.

Мнѣ безпрестанно говорили: *на—*; сначала я отвѣчалъ: *латки*, потомъ *стухъ*, потомъ *лець*, но наконецъ запутался и долженъ былъ дать нѣсколько фантовъ сряду; за одинъ изъ нихъ меня заставили отвѣчать стихи, и я

выбралъ балладу Шиллера, «Пловецъ.» Тетя Сусанна завѣсила меня платкомъ, какъ мантией, и сложила мнѣ руки за спину, а свои руки сунула, вмѣсто моихъ, подъ платокъ и разводила ими, покуда я говорилъ, такъ смѣнно, что всѣ безпрестанно хохотали; наконецъ мама сказала: «Не дѣлай этого; ты только портишь вкусъ у дѣтей; покажи имъ лучше приличныя къ стихамъ этимъ движенія.» Теперь тетя стала разводить руками, какъ слѣдуетъ, а глядя на это, и мнѣ захотѣлось говорить хорошенько, такъ что, когда я кончилъ, то всѣ закричали: «браво, браво!» и захлопали въ ладоши. «Не воображай только,» сказала тетя, «чтобъ это тебѣ хлопали: безъ меня у тебя-бы ничего не вышло.» — «Ничего? Нѣтъ, тетя, вышло-бы и безъ тебя.» Она погрози-лась: «хорошо, хорошо; вотъ, въ другой разъ не стану тебѣ помогать, такъ вспомнешь меня, когда освищутъ.»

Среда. Г. Флоръ ходилъ съ нами къ своему знакомому, у котораго на дому собраніе чучелъ, большею частью птицъ. Когда мы

пришли, то было еще рано и господинъ этотъ сидѣлъ за завтракомъ; у него свѣтилось что-то такое на подносі; я посмотрѣлъ: это была змѣя! Онъ самъ поймалъ эту змѣю и еще другую, и пускалъ ихъ прежде по всѣмъ комнатамъ; но съ тѣхъ поръ, какъ одна ушла въ открытое окно, онъ очень бережетъ оставшуюся. Я вовсе не боюсь змѣй, но все таки не сталъ бы ѣсть хлѣба, около котораго лежала змѣя.

Птицы очень хорошо разставлены и мы разсматривали ихъ съ большимъ удовольствіемъ; мнѣ нравились всѣ водяныя птицы: между ними была одна цестрая: черная съ бѣлымъ, съ большимъ, острымъ краснымъ клювомъ, которымъ она открываетъ ракушки. Насѣкомыя мнѣ не такъ понравились, но Вильмъ ими очень забавлялся. Въ воскресенье намъ позволили придти и еще разъ осмотрѣть этихъ птицъ.

Четвергъ. Г. Флоръ проходилъ съ нами въ естественной исторіи птицъ, которыхъ мы видѣли наканунѣ у его пріятеля.

Всѣ европейскія птицы убиты имъ самимъ; онъ даже ѣздилъ въ Норвегію съ нѣсколькими англичанами, у которыхъ была тамъ своя охота, но стрѣлялъ только такихъ птицъ, которыя годились на чучела. Англичане-же стрѣляли все, что попадалось на глаза: птицъ и звѣрей, которыхъ они послѣ бросали, а стрѣляли только для своего удовольствія, такъ что ему было досадно на нихъ смотрѣть. Самъ онъ настрѣлялъ много хорьковъ и послѣ заказалъ себѣ шубку изъ ихъ шкурокъ.

Пятница. Г. Флоръ ходилъ съ нами въ картинную лавку, гдѣ продается также бумага, сургучъ и перья; мы купили бумаги и разсматривали картинки, а г. Флоръ объяснялъ намъ все и говорилъ, что хорошо, что дурно. Мнѣ особенно нравились портреты генераловъ и военныя сцены, а Вильму—виды. Кромѣ того въ лавкѣ еще было много хорошенькихъ вещицъ: сухіе выбитые листья, на которыхъ оставалась только сѣтка изъ жилокъ, а по середкѣ наклеены картинки: птицы съ перьями, и вѣночки изъ розъ и неза-

будокъ. Я купилъ одинъ такой листокъ для Маши, Вильмъ же не купилъ ничего такого, потому что хочетъ копить деньги. Я сказалъ: «Подаримъ ей этотъ листокъ вмѣстѣ,» но онъ этого не захотѣлъ.

Суббота. Намъ съ Вильмомъ бываетъ особенно много дѣла по субботамъ, потому что поутру г. Флоръ всегда требуетъ отъ насъ общаго обозрѣнія всего, что пройдено было на недѣлѣ. Вечеромъ мы были радехоньки, что сбыли дѣло это съ рукъ. Мы пробѣжали нѣсколько разъ по улицѣ для отдыха, а вечеромъ играли съ тетей Сусанной на орѣхи.

Отто.

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

На этой недѣлѣ не было ничего особеннаго. Мы учились брилежно, хорошо дѣлали задачи, послѣ обѣда гуляли, когда погода была хороша, а по вечерамъ играли. И такъ мнѣ бы нечего было писать, если-бы не одинъ особенный случай.

Разъ какъ-то, вскорѣ послѣ того, какъ выпалъ большой снѣгъ, мама послала меня и Отто съ порученіемъ. Улицы были совсѣмъ пусты. Вдругъ мы услышали чей-то плачь и увидали большаго мальчишку, который забросалъ снѣгомъ маленькаго мальчика, такъ что тотъ не могъ и глазъ открыть. Я сказалъ болвану, чтобы онъ пересталъ такъ шутить,

но онъ и въ меня пустилъ комъ снѣга и чуть не сбиль съ меня шапки. Но мы съ Отто не поддались: въ одну минуту нахватали запасъ снѣжныхъ комьевъ и начали бомбардировать своего непріятеля. Онъ скоро, однако-жъ, смѣтилъ, что съ нами равняться не можетъ и бѣжалъ съ поля битвы. А маленькій въ это время успѣлъ убѣжать домой.

Когда мы дома рассказали о своей перестрѣлкѣ, то тетя много смѣялась и сказала: «Да, вы храбрые люди; нечего сказать, молодцы; я васъ никогда иначе не буду называть, какъ Цесарь и Александръ.» Но мы отказываемся отъ этой чести, потому что въ этомъ дѣлѣ намъ храбростію хвалиться не приходится: вѣдь насъ было двое, а онъ одинъ.

Тетя-же говоритъ: «во всякомъ случаѣ, кто вступается за обиженнаго, тому честь и слава.»

Вильямъ.

ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

На прошлой недѣлѣ было мамино рожденіе, но его никогда не празднуютъ, потому что въ этотъ день, десять лѣтъ тому назадъ, очень неожиданно померла наша бабушка. Съ тѣхъ поръ мама просила насъ, ей ничего не дарить и чтобы этотъ день былъ, какъ всякій другой. Но мы ее всегда поздравляемъ, и она принимаетъ насъ очень ласково.

Вообще мама не любитъ, когда для нея много хлопочутъ; она охотиѣе сама заботится о другихъ; ужъ и по этому рожденіе ея какъ-то не празднуется.

Я довольно удачно коплю деньги, соблазняясь иногда покупками; я однако-же досе-

лѣ устояла; не знаю, что будетъ дальше. Объ Христіанѣ у насъ почти всегда хорошія вѣсти; когда-же школьный учитель пишетъ, что онъ лѣниво учился, то это насъ такъ сердитъ, что теперь я очень хорошо понимаю, какъ должно быть непріятно отцу съ матерью, когда дѣти ихъ дурно учатся и непослушны.

На маммино рожденіе тетя Сусанна созвала насъ къ себѣ въ комнату и угостила насъ тамъ шоколатомъ, который она сама варила: намъ было чудо, какъ весело! Мама пришла туда же; тетя Сусанна ей сказала: «Видишь, что мы не празднуемъ: у насъ тутъ такъ просто, даже сама хозяйка варить шоколадъ.» Какъ хорошо тетя обо всемъ позаботилась: она наготовила къ завтраку всякаго печенія и намъ было очень весело! Когда мы уходили, то тетя намъ сказала: «Приходите ко мнѣ въ сумерки, я вамъ приготовлю печеныхъ яблоковъ и сказочку.» Ахъ, какъ мы обрадовались!

Мы сказали объ этомъ г. Флору: онъ отпустилъ насъ изъ-за урока по раньше обык-

новеннаго и мы весело побѣжали къ тетѣ въ комнату. Тамъ было темно, и славно пахло яблоками. Мы на это очень радовались, но больше всего на сказочку; тетя начала:

Сказочка моя называется «Одно слово.» Жила была волшебница, которая, какъ всѣ онѣ, находила удовольствіе въ томъ, чтобы обвораживать людей и потомъ заставлять ихъ разрѣшать этотъ заговоръ.

Какъ-то разъ она разсердилась на двѣнадцать молодыхъ дѣвушекъ и увела ихъ по воздуху въ свой волшебный дворецъ; она ихъ не во что не обратила, но окружила себя ими, какъ царица фрейлинами, только съ тою разницею, что царица рѣдко выдаетъ свой штатъ, тогда какъ волшебница всегда видѣла ихъ, хотя онѣ этого и не знали.

Всѣ двѣнадцать красавицъ стояли или сидѣли въ одной изъ огромныхъ залъ волшебнаго дворца, занимаясь именно тѣмъ, что онѣ прежде, въ своемъ домашнемъ быту, не любили дѣлать, одна шила, другая читала, третья писала, опять иная считала, та гото-

вила кушанье, какъ будто была создана для самаго бѣднаго хозяйства, эта перебирала бѣлье, другая мыла и красила ленты; однимъ словомъ, всякая занималась однимъ своимъ дѣломъ, которое и было постоянной и безсмысленной работой ея; вотъ какое на нихъ наложено было наказаніе; иныя переносили его со смиреніемъ, другія-же роптали.

Часто просили онѣ у волшебницы прощенія; однажды она имъ сказала: «хорошо, вамъ дается прощеніе, но вы должны заслужить его сами: отъ васъ самихъ должно выйти слово, которое васъ освободитъ. Гадайте!»

Когда волшебница скрылась, то онѣ стояли и грустно говорили другъ другу: «Гадайте! гадайте!» Но не долго простояли онѣ въ раздумьи, невидимая сила развела ихъ опять, каждую по своимъ занятіямъ.

Съ тѣхъ поръ какое мученіе! Каждая думала, гадала и раздумывала: «Я-ли, другая-ли должна произнести роковое слово? И какое слово могло-бы это быть?»

Время проходило; все громче и громче слышались жалобы и вздохи, потому что никто не находилъ слово; одна только изъ всѣхъ не грустила и не вздыхала, а все время думала. Каждый день приходила къ нимъ волшебница, смотрѣла сіяющими глазами и спрашивала: «Отгадали?» Но отвѣтъ былъ всегда одинъ.

Однажды, когда она опять спросила, подошла къ ней та молчаливая красавица и, взявъ за руки четырехъ своихъ подругъ, встала передъ волшебницей на колѣни и сказала: «Я думаю, что отгадала; подругъ моихъ зовутъ: Каролиной, Ольгой, Натальей, Еленой, меня же Цециліей; изъ начальныхъ буквъ выходитъ разгадка

К О Н Е Ц Ъ .

BIBLIOTEKA
UNIwersytecka
Gdańsk

XIX / 216T